

Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy

HUMAN IN PAST AND PRESENT:
Multidisciplinary studies
Volume 7

Moscow
2013

Российская Академия Наук
Институт философии

ЧЕЛОВЕК ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
Междисциплинарные исследования

Выпуск 7

Москва
2013

УДК 300.312
ББК 156.56
Ч–39

Ответственный редактор

доктор филос. наук *М.С. Киселева*

Рецензенты

кандидат филос. наук *О.С. Попова*

кандидат филос. наук *П.П. Пузанов*

Ч–39

Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 7 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. М.С. Киселева. – М. : ИФРАН, 2013. – 247 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0245-4.

Седьмой выпуск сборника посвящен разработке третьего этапа междисциплинарной проблемы возможности/невозможности выбора человека в жизненной, социокультурной, политической, историко-культурной, инновационно-технологической ситуациях; в христианской и постхристианской европейской и мировой культурах. Методологические проблемы возможности выбора исследуются в традиции современной аналитической и синергетической философии, выявляется их имманентность специальным темам исследований; затрагивается вопрос о нейробиологическом механизме принятия решения.

Разнообразие исследовательских пространств современной социальной и гуманитарной наук делает сборник интересным и философам, и специалистам-гуманитариям.

ISBN 978-5-9540-0245-4

© Коллектив авторов, 2013
© Институт философии РАН, 2013

Содержание

Вместо введения. Проблема выбора – взгляд со стороны нейронауки (<i>Екатерина Казиминова</i>).....	7
---	---

ВОЗМОЖЕН ЛИ ВЫБОР В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ?

<i>Юрий Гранин</i> . Развитие научно-инновационного потенциала России: выбор стратегии	11
<i>Сергей Малков</i> . Виртуальные деньги против бумажных: “Quo vadis?”.....	25
<i>Игорь Андреев</i> . Выбор модели поведения в африканском социуме.....	44

ИСТОРИЯ ВЫБОРА

<i>Ольга Шульман</i> . Августин о выборе: “De libero arbitrio I–III”	66
<i>Марина Киселева</i> . Выбор в русской культуре: рождение концепта в историческом времени.....	85
<i>Татьяна Чумакова</i> . Выбор ученого. Наука и политика в тоталитарном обществе.....	106
<i>Александр Разумов</i> . Гуманизм – выбор пути.....	115

ПСИХОЛОГИЯ ВЫБОРА: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

<i>Галина Степанова</i> . Самореализация человека: возможен ли выбор?	134
<i>Елена Ярославцева</i> . Восхождение человека к выбору: нормативы топоса интерактивных коммуникаций	149
<i>Игорь Андреев, Андрей Березанцев, Лионелла Назарова</i> . Судебная психиатрия: ситуации выбора.....	169
<i>Дарья Бескова</i> . Обыденный выбор как структурный компонент приспособления.....	187

ЛОГИКА ВОЗМОЖНОСТИ

<i>Игорь Михайлов</i> . Выбор как интенциональный акт	202
<i>Игорь Ашмарин</i> . Случайность или причинность? (на примере физики и музыки).....	224
Аннотации	239
Summary.....	244

Contents

Preface. The problem of choice – a neuroscience outlook (*Ekaterina Kazimirova*)7

IS THE CHOICE POSSIBLE IN MODERN SOCIETY?

<i>Yuri Granin</i> . The development of science and innovation in Russia: the choice of strategy	11
<i>Sergey Malkov</i> . Virtual money vs banknotes: “Quo vadis?”	25
<i>Igor Andreev</i> . Choice of human behavior model in African society.....	44

THE HISTORY OF CHOICE

<i>Olga Shulman</i> . Augustine on Choice: «De libero arbitrio I – III».....	66
<i>Marina Kiseleva</i> . Choice in the Russian culture: the birth of concept within an historical time.....	85
<i>Tatiana Chumakova</i> . The choice of the scholars. Science and Politics in a totalitarian society	106
<i>Alexandr Razumov</i> . Will man choose humanism?	115

THE PSYCHOLOGY OF CHOICE: THE SOCIAL ASPECT

<i>Galina Stepanova</i> . Self-realization of man: does a choice exist?	134
<i>Elena Yaroslavtseva</i> Man’s rise to the choice: standards topos interactive communications	149
<i>Igor Andreev, Andrey Berezantsev, Lionella Nazarova</i> . The forensic psychiatry: a choice situations	169
<i>Darya Beskova</i> . The daily routine choice as structural component of the adaptation	187

THE LOGICS OF POSSIBILITIES

<i>Igor Mikhailov</i> . Choice as an Intentional Act	202
<i>Igor Ashmarin</i> . Chance or causation? (in example of Physics and Music)	224
Summary	244

Вместо введения. Проблема выбора – взгляд со стороны нейронауки

Из вопросов как, зачем и почему человек делает выбор, нейронаука пытается ответить на вопрос «как» в той его части, которая касается нашей биологической природы. Выбор характерен не только для человека, животные также по-своему делают выбор: им придется выбирать, какого жучка съесть, на каком дереве свить гнездо, как долго преследовать добычу, не говоря уже о выборе партнера.

В моделях оптимального фуражирования, описывающих поведение животных, связанное с получением ими значимых ресурсов, рентабельность предприятия (например, поедания того или иного червяка) определяется как отношение полученной от поедания этого червяка энергии ко времени его потребления и обработки¹. Так, ворона, живущая на побережье, должна потратить определенные усилия, чтобы добраться до содержимого раковины с моллюском. Показано, что животные – в том числе птицы и даже рыбы – выбирают пищу, оптимальную по рентабельности. Таким образом, уже в мозге животных существуют механизмы, обеспечивающие расчет наиболее рациональной стратегии.

Относительно новая научная дисциплина, именуемая нейроэкономикой, занимается нейрональными механизмами, лежащими в основе принятия решений. В фокусе её внимания прежде всего человек. На сегодняшний день в этой области знания сложилось такое представление о том, как протекает процесс выбора: каждому из возможных вариантов решения (выбора) соответствует свой поток нейронной активности, укорененный в соответствующей нейронной цепочке. На конце такой цепочки расположен нейрон-интегратор, чья активность зависит от интенсивности поступающего в него сигнала. Ожидаемую полезность того или иного решения оценивает орбитофронтальная кора, которая выступает как наблюдающий и сравнивающий активность двух нейронов-интеграторов модуль. Выигрывает тот нейрон-интегратор, активность которого первой достигнет порогового значения. В этот момент и принимается решение².

Итак, ценность того или иного решения отражается/кодируется нейронной активностью. Простые количественные закономерности – как то частота электрических импульсов нейронов и кон-

курения между нейронными цепочками, передающими информацию, связанную с одним из вариантов выбора, – определяют наши поступки. Таков взгляд нейробиологов на базовые механизмы принятия решений.

Неизбежно возникает – по крайней мере, при выходе в гуманитарную плоскость – вопрос о свободе воли. Тем более что выбор осознается несколько позже момента принятия решения нейронными структурами. Можем ли мы управлять выбором? Не являемся ли мы биологическими автоматами – если нет, то в чем отличие? Если да – то не станет ли такое понимание человека началом гуманитарной катастрофы? Или такое знание, напротив, поможет правильно выстраивать образование и мотивацию, нивелировать гуманитарные риски?

Попытаемся провести демаркационную линию между человеком – биологическим роботом и многомерным человеком. Многомерность человека как мыслящего существа коренится, с нашей точки зрения, не в особенных принципах устройства его мозга, которые имеют много общего с устройством мозга высших животных; и даже не в его, человека, особенной интеллектуальной силе, т. к. сейчас показано, что и животные способны делать логические выводы, предсказания и обладают способностью планировать действия³, но в качественно другом объеме информации, воспринятой из культуры и социума. Речь идет именно об объеме такой информации, т. к. и у животных наблюдаются социокультурные традиции, не связанные с жизненной необходимостью (например, в разных популяциях приматов могут быть свои традиционные игры).

Соответственно, если мы ведем речь о двух потоках нейронной активности, задействованных в принятии решения, можно полагать, что, когда речь идет о человеке, на их интенсивность влияет гораздо большее количество факторов – информационных блоков, не связанных с непосредственным опытом. В этом смысле человек всегда больше себя самого и, отстраивая свое образование и ассимилируя культуру, он существенным образом влияет на свой выбор и процесс принятия решений в дальнейшем.

Просту говоря, спектр ассоциаций, которые влияют на процесс принятия решений, у человека очень широк. Это делает процесс принятия решений не детерминированным однозначным образом, не одинаковым во внешне схожих случаях и придает ему уникальные личностные черты.

По тем же причинам – ассимиляции культуры, т. е. не своего опыта, – человеку присуща сложная, многоуровневая система ценностей. В процессе принятия решения могут быть задействованы категории и аргументы, не связанные непосредственно с биологической или даже социальной пользой. Такое ценностное многообразие также придает выбору черты свободы – ведь мы можем, в процессе своего становления, брать за основу те или иные модели поведения и примеры, и, более того, их менять.

Другая сторона вопроса о том, насколько мы властны или не властны в принятии решений, состоит в следующем: часто мы знаем ответ, т. е. внутренний – нейронально обусловленный, практически подсознательный – выбор сделан. Однако на эту информацию накладываются умозрительные модели (что-то подсказывает, что надо одеться тепло, но – весна же). Или наоборот, интеллектуальное решение от внутреннего решателя вступает в конфликт с тормозящими действие фильтрами (уже знаю, что хочу сказать – например, руководителю, но никак не решаюсь). Понимание нейрональных механизмов принятия решений и доверие к этому удивительному инструменту могут помочь освободиться от ненужной самоцензуры и дать новую степень свободы.

Мы можем быть более органичными, чем роботы с начинкой из моделей, и более свободными, чем мышь, парализованная рефлексом замирания. Несмотря на кажущуюся топорность сравнения, подлинно человеческая жизнь состоит в постоянном процессе отстранения от этих краевых областей.

Наконец, ещё один возможный аспект управления процессом выбора состоит в управлении эмоциями. Известно, что люди, у которых по тем или иным причинам пострадали области мозга, ответственные за эмоции, испытывают трудности в процессе принятия решений, – ведь, прогнозируя тот или иной результат наших действий, мы апеллируем к опыту, который лично, эмоционально окрашен. Однако – это наше предположение – мы можем выбирать, к какой из частей этого опыта обратиться. Разные поведенческие стратегии – например, решительность или робость – имеют, конечно, и свою нейрохимическую природу, но одновременно содержат в себе элемент выбора.

Итак, способность к выбору коренится в нашей биологической природе, представляя собой тонкий нейрональный и нейрохимический инструмент поведенческой регуляции. Несмотря на

то, что этот механизм одинаков у человека и высших животных, существование человека в культуре придает ему новые измерения. Мы можем управлять процессом выбора, влияя на спектр вовлеченных в него ассоциаций, доверяя себе и становясь модератором собственных эмоций.

И чем лучше мы будем понимать биологические механизмы принятия решений, тем лучше будем ими управлять, обретая новые степени свободы.

Екатерина Казмирова

Примечания

- ¹ Материалы курса по Нейроэкономике (<http://neurobiotech.ru/ru/neuroeconomics2013> (пароль neuro) – А.Чабовский.
- ² Материалы курса по Нейроэкономике (<http://neurobiotech.ru/ru/neuroeconomics2013> (пароль neuro) – В.Ключарев.
- ³ *Зорина З.А., Полетаева И.И.* Элементарное мышление животных: Учебн. пособие. М., 2002. Гл. 4. (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001038/st000.shtml> (дата обращения 15.04.2013).

ВОЗМОЖЕН ЛИ ВЫБОР В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ?

Юрий Гранин

Развитие научно-инновационного потенциала России: выбор стратегии

Об «инновационном пути развития» как и о модернизации России политическое руководство страны заговорило совсем недавно. В последний день 2009 г. прежний президент Дмитрий Медведев создал рабочую группу во главе с Владиславом Сурковым и тремя иностранными специалистами по созданию «обособленного комплекса для развития исследований» – российский аналог американской «Кремниевой долины». При президенте России была создана специальная комиссия по модернизации, ориентирами деятельности которой стали обозначенные в Послании ФС Д.А.Медведева пять приоритетных направлений: *внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, развитие космических и телекоммуникационных систем, радикальное повышение энергоэффективности*. Несмотря на то, что в нашумевшей статье «Россия, вперед!» бывший президент использовал термин «модернизация» в более широком значении, включив в его состав «модернизацию российской демократии» и «формирование новой (умной) экономики», неллицеприятные политкомментаторы сразу же определили, что модернизация интерпретируется Кремлем, главным образом, в технологическом ключе.

Более того. По мнению некоторых, когда-то влиятельных, аналитиков, провозглашенная политика модернизации в действительности есть не что иное как «прогрессизм» – инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющей власти инициировать политику «чрезвычайщины»

и позиционировать себя в качестве «инновационной». «Этой власти, – констатирует Глеб Павловский, – “все по плечу”. В прошлом любая экстремальная задача решалась силами команды, собиравшейся ad hoc – и последняя из таких команд управляет Россией. Естественно, она уверена, что любая будущая задача может быть решена таким же способом. Если бы оказалось, что судьба России зависит не от инноваций, а скажем, от полета на Юпитер – власть организовала бы полет на этот чертов Юпитер. ...Поэтому Кремль не опасается упреков Ясина в “дефектной демократии” – любой опасный дефект становится толчком к **креативному выпаду, инновационной экспансии** в иную область»¹.

В конце 2012 г. в интервью «Новой газете» Павловский высказался в том же ключе, заявив, что у президента и его окружения нет «стратегии, нет культуры мышления о сложных вещах»². Поэтому не имея долгосрочной стратегии развития, «инновационная власть» вместо модернизации занимается «прогрессизмом», с характерным для последнего краткосрочностью целей³. С сожалением вынужден согласиться с этими оценками с той лишь поправкой, что наша власть не только не является «инновационной», но, судя по всему, плохо понимает, что строительство «инновационной экономики» невозможно без развития научно-технического потенциала страны, что инновационный цикл начинается не с производственных технологий и рыночных товаров, а с фундаментальных исследований.

Последнее хорошо демонстрирует позиция руководителя корпорации «Роснано» А.Чубайса, заявившего, что корпорация «не давала и не будет давать денег ученым, потому что мы созданы не для того, чтобы поддерживать науку, а чтобы поддерживать инновационный бизнес»⁴. Но этот «бизнес» не может быть эффективным без научной составляющей. Важнейшими «строительными блоками» инновационного цикла являются фундаментальная и прикладная наука, финансирование которых государством и бизнесом у нас явно недостаточно. Нет и стратегии развития научно-инновационного потенциала России. Что делать?

Прежде всего, следует осмыслить зарубежный опыт и обратиться к научно-технической политике развитых стран. Сравнение научно-технической политики современных развитых стран показывает, что, несмотря на имеющиеся национальные особенности, существует ряд общих, универсальных закономерностей ее эффективного существования. К их числу специалисты относят:

1) отношение в обществе к науке как к одному из главных приоритетов национального развития;

2) обеспечение доли науки в общем объеме валового внутреннего продукта не менее 2–3 %;

3) создание в обществе необходимого компромисса интересов и заинтересованного консенсуса между представителями научного сообщества, частного бизнеса и государства;

4) существенные налоговые преференции для капитала при его вложении в развитие научно-технической сферы;

5) дифференциация источников финансирования науки из государственного бюджета и частного бизнеса и соблюдения между ними пропорции примерно 50:50;

6) активная роль государства в проведении национальной научно-технической политики, в частности, обеспечение координации и взаимодействия всех секторов науки и постоянного увеличения наукоемкости национальной экономики;

7) создание высоко престижного имиджа науки в национальном самосознании путем развитой системы пропаганды ее достижений в средствах массовой информации.

«В современной России пока не реализуется ни одна из перечисленных выше универсальных закономерностей развития научно-технического потенциала»⁵. С этим выводом следует согласиться. И обратиться к разработке и осуществлению в объединенной Европе для всех входящих в нее стран общей и единой для них научно-технической политики.

С 2000-го по 2010 г. общие расходы в ЕС на науку были увеличены на одну треть, с 2 % ВВП по ЕС в целом в 2000 г. до 3 % в 2010 г. Перед каждой страной, входящей в ЕС, было выдвинуто общее требование: доля ее внутренних расходов на науку от ВВП должна составлять не менее 2 %. Одновременно была выдвинута

другая задача: создание единого научного европейского пространства – European Research Area (ERA). Ее реализация предполагала не просто координацию научной деятельности всех стран ЕС, но передачу контроля над 80 % всех ассигнований каждой из стран ЕС на науку в ведение общеевропейских структур (в среднем это должно было составить около 80 млрд евро в год).

Основы новой европейской научно-инновационной политики XXI в. были сформулированы и приняты в марте 2000 г. на Лиссабонской встрече стран – участников ЕС. На этом же заседании европейские политики определили перечень срочных практических мер по реализации новой стратегии. Эта стратегия получила название «План действий», который включил в себя три главных стратегических направления:

- 1) развитие образования и научной культуры в объединенной Европе;
- 2) разработку единой научной политики, понятной всем гражданам Европы и приближенной к их интересам;
- 3) позиционирование науки в центре публичной политики и организацию для этого взаимодействия всех заинтересованных групп.

Для реализации этого Плана был намечен запуск большого числа пилотных проектов с их предварительным максимально широким обсуждением и экспертизой, начиная с 2003 г. Предполагался отбор наиболее перспективных из них и включение их в программу ЕС. Кроме них потребовалось создание новых практических инструментов реализации научно-инновационной политики. Такими инструментами стали:

- 1) европейская инновационная карта (European Innovation Scoreboard);
- 2) комиссия по науке ЕС;
- 3) «Евросайенс» (Euroscience) – общественная научная организация (европейский форум), где в режиме непрерывного диалога через Интернет обсуждаются проблемы развития науки и ее роли в обществе, избираются группы экспертов по тем или иным научным проблемам и оцениваются принятые ими решения.

При этом с самого начала предполагалось не только разделение труда, но и постоянное взаимодействие между носителями всех указанных инструментов осуществления научно-инновационной политики. Европейская инновационная карта была создана

западными учеными в кратчайшие сроки. Пилотный проект карты был представлен в сентябре 2001 г., а рабочий – в декабре 2001 г. В ее основу была положена система из 17 индикаторов, анализ которых консенсуально позволяет следующее: зафиксировать ситуацию в каждой отрасли экономики, в каждой стране и в ЕС в целом; сформировать шкалу оценок и, главное, на базе рассмотрения динамических рядов этих показателей отслеживать развитие экономики по основным трендам.

Карта продемонстрировала, что сама установка ЕС на мировое лидерство не спекуляция. Показатели отдельных стран и ЕС в целом сравнивались с аналогичными показателями бесспорных мировых лидеров инновационного развития – Японии и США. При этом выяснилось, что ряд европейских стран уже превосходит признанных лидеров по отдельным показателям, а для других, соответственно, открывалось поле для работы.

Большинство показателей при этом было ориентировано на эффективность, а не на абсолютные цифры. При замерах эффективности в лидерах ЕС чаще всего оказываются не самые мощные в экономическом отношении страны, а малые государства (Финляндия, Ирландия и др.), в которых научно-инновационная структура в последние десятилетия была построена по сути дела заново. Оказалось, что им не нужно было тратить ресурсы и время на преодоление окостеневших «великих традиций».

О чем свидетельствует совершенно уникальный опыт стран ЕС в области современного государственного управления наукой?

Во-первых, о том, что международная конкурентоспособность национальных экономик и социальное развитие любой страны ставятся в прямую зависимость от мощности ее интеллектуального потенциала, темпов его роста и, главное, эффективности его мобилизации и использования. На решение этих задач направлена как научная политика, так и модификация схем управления наукой в различных странах.

Во-вторых, основная тенденция развития научной политики нового века – расширение интеллектуальной базы принятия оперативных и стратегических решений по научно-инновационной поддержке конкурентоспособной экономики, «формирование экономики (и общества), основанной на знании».

В-третьих, особое внимание было уделено разработке методов и инструментов привлечения к дискуссии и подготовке решений представителей европейского научного сообщества. Спектр этих средств весьма широк: от организации целенаправленных хорошо структурированных общих дискуссий (с широким использованием современных средств электронной коммуникации) до формирования экспертных и рабочих групп с обязательным последующим обобщением и обсуждением результатов их работы. Прозрачность подготовки решений позволила серьезно повысить эффективность научной политики, превратив ее в важную сферу публичной политики, в реальную зону ответственности всех участников выборных компаний. Результатом этих усилий стало разительное изменение европейской научной политики, произошедшее буквально за два последних десятилетия.

* * *

В развитии научно-технического потенциала всех современных развитых стран важнейшая роль принадлежит государству. Анализируя вклад государства в разработку и в осуществление научно-технической политики своих стран, можно зафиксировать следующие важные моменты.

1. Современные государства принимают активное и непосредственное участие во всех крупных международных проектах своих стран. Эти проекты, или мегапроекты, как их называют, имеют четко выраженную тенденцию к интернационализации, они требуют столь больших расходов, что необходимо объединять усилия ряда государств, т. к. в одиночку их не могут осуществить даже самые богатые страны. Примерами таких проектов могут служить, например, создание реактора, использующего процесс ядерного синтеза, разработка и эксплуатация телескопа Хаббла, крупных ускорителей элементарных частиц, радиотелескопов, строительство и эксплуатация космической станции, программа «Геном человека» и др.

2. Проблемы повышения технического уровня и конкурентоспособности той или иной отрасли производства страны решаются в рамках «национальных программ», объединяющих усилия

государства, академического сектора и ведущих в данной отрасли частных концернов. В них выполняются все этапы инновационного цикла, который начинается не с производственных технологий и рыночных товаров, а с фундаментальных исследований. Исходным этапом инновационного цикла является фундаментальное открытие. Второй этап цикла нововведений – прикладная наука. На этом этапе выясняется возможность и целесообразность использования фундаментального результата в практической сфере, выполняются разработки макетов, опытных образцов, проводятся их испытания, коррекция, новые испытания и в конце концов возникает прототип изделия, с помощью которого уже можно оценить его рыночные перспективы. Далее следует третий этап – конструктивная доработка прототипа, превращение его в товарный образец, параллельно с этим идут маркетинговые исследования – и в итоге изделие поступает на рынок. Для любого вида изделий указанный цикл является обязательным, объективно неизбежным, но это не означает, что он полностью должен протекать в пределах одной страны или одной фирмы. И во времени, и в пространстве отдельные этапы могут отстоять друг от друга сколь угодно далеко, особенно это касается первых двух этапов, и выполняться различными субъектами.

3. На отраслевом уровне силами основных производителей создаются исследовательские консорциумы с участием государства или без него и опять-таки на доконкурентной стадии решают общепромышленные проблемы. Типичный пример – американский консорциум «Sematech», специализирующийся на разработке новых поколений интегральных схем. Нужно подчеркнуть, что коллективные ИР организуются их участниками не вместо собственной исследовательской базы и не в ущерб ей, а лишь наряду и в дополнение к ней. Собственный научный потенциал является необходимым условием участия в кооперации и извлечения из нее наибольшей пользы.

4. Государство за последние полвека постепенно расширило свою поддержку национальных ИР до такой степени, что она охватывает сегодня в той или иной форме практически все стадии инновационного цикла и все категории частного предпринимательства – крупные, средние и мелкие фирмы. При этом государство использует все свои функции, выступая: а) как ответственный за-

конодатель; б) как один из основных источников финансирования национальных ИР; в) как крупный заказчик и покупатель новой технической продукции; г) как важный субъект инновационной деятельности (государственный сектор ИР); д) как координатор всех секторов национальной науки; е) как политическая сила, способная внутри страны в значительной мере определить отношение общества к проблемам развития науки и техники, а вне страны оказать политическое, дипломатическое, а иногда и военное давление в интересах национального бизнеса.

Следует иметь в виду еще два важных направления деятельности государства в поддержку инновационного климата в стране.

Прежде всего силами своих научных организаций и с привлечением экспертов из частного и академического сектора государство выполняет большой объем прогностических работ и мониторинг состояния мировой научно-технической сферы, стремясь на возможно более ранних стадиях обнаружить наиболее перспективные «точки роста», для того чтобы взять их под наблюдение и, если целесообразно, под опеку. Так, в Японии министерство внешней торговли и промышленности регулярно публикует обстоятельные 10-летние «Предвидения» («Visions»), которые сбываются с хорошей точностью. В США в составе министерства обороны функционирует Агентство перспективных исследовательских проектов – Advanced Research projects agency (ARPA), – задачей которого является постоянно «держать руку на пульсе» событий, происходящих в сфере ИР (в университетах, государственных лабораториях или в частном секторе), отыскивать новые потенциально полезные идеи и создавать условия для их реализации. В очень богатом «послужном списке» Агентства много эффективных видов вооружений, а также суперкомпьютеры, компьютерные коммуникационные сети, микросхемы на арсениде галлия и т. д. В гражданской науке аналогичную функцию, но по-иному и менее эффективно выполняет Национальный научный фонд через систему грантов.

Во-вторых, государство активно вовлекает в инновационный процесс сотрудников своих исследовательских организаций, поощряя их изобретательскую деятельность, продажу лицензий, заключение соглашений о научно-технической кооперации с частными фирмами. В США такого рода деятельность государственных лабораторий не только поощряется, но и вменяется им в обязанность

на законодательном уровне, рассматривается в качестве одной из приоритетных задач их деятельности. Целой серией законов, принятых в 80-х и начале 90-х гг. XX в., американский конгресс снял все связанные с правами на интеллектуальную собственность преграды на пути коммерциализации научно-технических результатов, полученных в государственных исследовательских центрах или в других исследовательских организациях, выполнявших ИР на государственные деньги. Была даже предусмотрена система солидных вознаграждений сотрудников госсектора – авторов лицензируемых изобретений.

Приведенная выше краткая характеристика государственной научно-технической политики современных развитых стран позволяет оценить, насколько это направление деятельности государства стало за последние полвека сложным, многогранным и тесно взаимосвязанным комплексом. А что же в России?

* * *

Хорошо известно, что СССР был одной из ведущих научных держав мира, а его военно-промышленный сектор крайне наукоемким. Доля финансирования науки в федеральном бюджете СССР в 70–80-е гг. XX в. составляла около 6–7 % в год. Аналогичная доля в бюджете России последнего десятилетия колеблется в пределах только 1,3–1,5 %. Конечно, в рыночной экономике современной России наука финансируется не только из одного источника – федерального бюджета, но и из средств частного бизнеса. Однако этот источник еще чрезвычайно слаб, а в целом роль науки в функционировании экономики в современной России на порядок ниже той, которую она играла в советской экономике. Если доля науки в валовом национальном продукте СССР всегда составляла более 2 % в год, то в ВВП России последних двух десятилетий она колебалась в пределах лишь 0,3–0,9 %.

Это стало ожидаемым следствием курса политического руководства РФ «лихих девяностых» и его новой экономической элиты на сырьевую экономику, на добычу и продажу за рубеж природных ресурсов страны. В итоге к началу XXI в. расходы на науку стран «Большой семерки» превысили аналогичные расходы

РФ в разы и десятки раз: США тратило больше России в 26 раз, Япония – в 9,6 раза, Германия – в 4,5 раза⁶. И это притом, что две последние страны и по территории, и по численности населения намного меньше РФ. С такой финансовой базой претендовать на сколько-нибудь солидное место в международном инновационном комплексе трудно. К сожалению, с тех пор мало что изменилось. И если абсолютные затраты на науку в России выросли к настоящему времени более чем в 2 раза по сравнению с концом 1990-х, то по сравнению с другими развитыми странами положение науки России здесь осталось прежним.

Другими словами, речь идет о катастрофическом отставании научного потенциала России от ведущих стран в разы, а от США – в десятки раз. Очевидно, что эти цифры говорят о прямой и серьезной угрозе национальной безопасности России, ее настоящему, но особенно будущему. Таким образом, переход экономики России из государственно-плановой в рыночную был куплен очень дорогой ценой – утратой инновационного характера экономики.

В настоящее время существует несколько вариантов стратегии развития научно-инновационного потенциала современной России.

1. Интеграция России в глобальные инновационные цепочки (формирование транснационального инновационного модуля).

2. Формирование прорывного инновационного цикла в России (ставка на инновационный суперпроект общенационального уровня, конкурентоспособный на мировых рынках).

3. Создание кластера инновационных технологий, обеспечивающих постепенное формирование конкурентоспособного эшелонированного инновационного сектора в российской экономике.

Очевидно: в принципе эти варианты логически не исключают друг друга. Вопрос заключается в том, какой из них взять за основу. Для этого нужно определиться с набором критериев, по которым следует выбирать, на что опираться при выборе. Он может быть получен при положительных ответах на следующие вопросы.

1. В какой мере тот или иной вариант поможет российскому инновационному потенциалу включиться в складывающуюся в настоящее время международную, транснациональную инновационную систему, «почувствовать» ее пульс и ощутить напряженность в разных зонах глобального инновационного поля?

2. Есть ли у нас опыт организации работ и реализации стратегии того или иного типа, особенно с учетом фактора времени, которого и так уже потеряно слишком много?

3. Насколько тот или иной вариант вписывается в уже действующие сегодня направления развития научно-технической сферы?

4. Каков социальный и политический эффект выбора того или иного стратегического варианта?

Если теперь с учетом перечисленных критериев выбора оценить предлагаемые варианты, то, прежде всего, *представляется целесообразной ставка на инновационный суперпроект*. Таким инновационным суперпроектом мог стать проект строительства Международного Линейного Коллайдера (электрон-позитронного линейного ускорителя – International Linear Collider, ILC), позволяющего измерить все параметры и характеристики новой физики с беспрецедентной точностью. Уникальность и необходимость ILC заключается в том, что сверхточные измерения, которые он обеспечит, позволят однозначно понять фундаментальные свойства материи, новые законы и теории при сверхвысоких энергиях. В этом смысле проект ILC еще более важен, чем проект ЛHC (Большой Адронный Коллайдер), т. к. понимание того, что открыто, часто важнее самого открытия, как подтверждает вся история физики.

В начале 2008 г., когда ведущие страны мира в связи с начавшимся экономическим кризисом временно сократили свое участие в международных суперпроектах, с письмом к руководству страны, содержащим предложение возглавить этот проект, обратилась группа российских ученых, успешно работающих за рубежом. Цена вопроса в то время составляла всего 2–3 млрд долларов (полная стоимость проекта – 8 млрд долл.). А выгоды были несопоставимо больше. *Возглавив этот проект, Россия могла бы сделать его ядром национальной программы по возрождению отечественной фундаментальной науки и инновационных технологий.*

«Строительство ILC в России, – писали ученые, – привлечет в страну колоссальный научно-технический и инновационный потенциал и высококвалифицированные кадры, в том числе многих первоклассных советских ученых, покинувших родину вследствие распада СССР. ...Наличие кадров позволит воссоздать научные школы, привлечь талантливую молодежь к изучению физико-математических дисциплин, поднять престиж фундаментальных ис-

следований и научного мировоззрения в стране. Россия получит возможность стать одним из мировых центров в области современных фундаментальных исследований и восстановить свой престиж в этой сфере. Россия приобретет качественно новый опыт кооперации с мировым научным сообществом... получит непосредственный доступ к передовым технологиям, необходимым для создания ИС, включая новейшие информационные системы». Ничего из этого, понятно, не вышло.

Вместо вложений в науку и образование государство предпочло инвестировать огромные деньги в ненужный, заведомо убыточный и коррупционный проект «Олимпиада-2014». Не имея долгосрочной программы развития научно-инновационного потенциала России, правительство пошло по третьему из отмеченных мной вариантов – созданию кластера инновационных технологий на базе подмосковного центра «Сколково». Научную часть проекта возглавил академик Ж.Алферов, «ведет» проект олигарх Виктор Вексельберг.

Дело, понятно, хорошее. Непонятно, правда, зачем в Московской области надо строить еще один наукоград. Почему нельзя привлечь отечественный и зарубежный бизнес в уже существующие научные центры? Любопытный ответ на этот вопрос дал теневой куратор проекта Владислав Сурков. На вопрос корреспондента, каковы начальные условия для возникновения этого «инновационного чуда», Сурков ответил: «1. Дерзость, Вера и Воля». А отечественные вузы и академические институты отнес к числу третьего по счету факторов. И это неудивительно, поскольку этот, как его назвал сам Сурков, «остров фантазий» будут создавать иностранцы: «Они сами скажут, что им нужно. Останется только исполнить. Нам нужна новая “Немецкая слобода”. Нам критически необходимо, чтобы сюда проникала более высокая культура производства, технологий и исследований – вместе с живыми ее носителями»⁷.

Ну, что же – ходить за умом к варягам нам, со времен Гостомысла и Петра, не привыкать. Но рассчитывать всерьез на то, что «заграница нам поможет», не следует. Какие бы импортные технологии мы ни покупали, они не будут «завтрашними», ибо никто не желает плодить собственных конкурентов. А технологии сегодняшнего дня к моменту их запуска в производство с неизбежностью будут вчерашними. Поэтому прогрессивные и, особенно,

высокие технологии и создаваемые ими наукоемкие высоко конкурентные товары, так же как инновационный сектор экономики, можно создать лишь на основе собственной науки, собственных опытно-конструкторских разработок, собственных технологических проектов. Для этого наша наука и наше образование нуждаются в мощных инвестициях и государственной поддержке. Но этого пока не происходит, а «инновационная власть» остается таковой лишь на словах.

Свидетельство тому – реальное снижение финансирования РАН, неоднократные попытки Министерства образования и науки РФ дискредитировать Российскую академию наук. Последний пример – заявление министра Дмитрия Ливанова о создании собственной научной организации, которая будет оппозиционной по отношению к РАН. «В ближайшее время, – пишет “Коммерсант”, – мы создадим Совет по науке, где будем обсуждать программу исследований и ход реформы, – заявил министр. – Этот совет станет голосом российской науки»⁸. При этом господин Ливанов подчеркнул, что в совет войдут только «крупные ученые в дееспособном возрасте, работающие и достигшие реальных успехов». Ранее Дмитрий Ливанов публично заявлял, что в президиуме академии практически нет реальных ученых.

Вице-президент РАН, нобелевский лауреат Жорес Алферов раскритиковал позицию министерства по реформе науки. «Не нужно противопоставлять академию наук вузам, – заявил он. – Да, многие вузы делают прекрасные вещи. Но академия лучше сохранила свой научный потенциал. Давайте делать науку вместе, это наше общее дело»⁹. Но судя по всему, федеральная власть так не считает, продолжая уповать на Сколковское чудо.

Примечания

- ¹ Павловский Г. Инновационная власть пытается соблазнить экономику // Русский журн. 2010. № 46–47. С. 2. Кстати, статья Павловского в этом номере – не исключение: весь номер посвящен теме «прогрессизма», с которым, собственно, и отождествляется отечественная «модернизация».
- ² Павловский Г. «Больше всего Путин, по-моему, опасается стать лишним» // Новая газ. № 121. 24.10.2012 (<http://www.novayagazeta.ru/politics/55076.html>).
- ³ Павловский Г. Инновационная власть пытается соблазнить экономику. С. 2.

- 4 Чубайс: ученым денег не дадим! (<http://www.regnum.ru/news/1388269.html>).
- 5 Лебедев С.А., Ковылин Ю.А. Философия научно-инновационной деятельности. М., 2012. С. 10.
- 6 Наука России в цифрах. М., 2000. С. 130.
- 7 Сурков В. Чудо возможно // Ведомости. 2010. 14 февр. С. 4.
- 8 Дмитрий Ливанов уравнивает академиков. Министр образования и науки создает альтернативу РАН // Коммерсант. № 48(5079). 21.03.2013. С. 1.
- 9 Там же.

Виртуальные деньги против бумажных: “Quo vadis?”

Начало XXI в. ознаменовалось крупномасштабным внедрением новейших интернет-технологий в повседневную жизнь людей. Особенно это коснулось современных средств индивидуальной и массовой коммуникации и сферы банковских услуг. Сейчас все меньше можно встретить молодых людей, у которых нет в кармане ни смартфона, ни банковской карты – своеобразных социальных символов мобильности и современности. Проблема воздействия на человека устройств мобильной связи обсуждается достаточно широко как у нас в стране, так и за рубежом. Однако вопросы, касающиеся социальных последствий повсеместного внедрения современных банковских интернет-технологий и влияние этого процесса на жизнь рядового человека, дискутируются гораздо меньше.

Следует отметить, что за последние 10–15 лет данные технологии совершили революцию в банковской деятельности вообще и во взаимоотношении банков с клиентами в частности. За это время появились и стали обыденными такие устройства, как банкоматы и платежные терминалы, внедрены и успешно используются интернет-банкинг и мобильные банкинг, получили широкое распространение банковские карты, как дебетовые, так и кредитные, появились электронные кошельки, заработали многочисленные способы мгновенного перевода денег. Наконец, в России возникли даже такие экзотические образования, как виртуальные банки и виртуальные деньги. Поскольку эта тема достаточно обширна и многопланова, в данной статье мы рассмотрим лишь одну пробле-

му – проблему виртуальных денег, перспективы их распространения в обществе, взаимоотношение с деньгами бумажными и влияние их на повседневную жизнь человека, а также *проблему социального выбора* модели информационного общества, к которому нам следует стремиться.

Природа виртуальных денег

По мнению отечественного философа Н.Н.Зарубиной, «наиболее существенное влияние на трансформацию социальных конструкций пространства, как и времени, оказала сформировавшаяся на рубеже XX–XXI вв. двойственность денег: наряду с деньгами реального производства в условиях глобализации возникли виртуальные деньги и виртуальная финансовая экономика. Виртуальные деньги являются деньгами “семиотическими”, то есть информацией, чистыми деньгами-символами, освободившимися от “осязаемой” формы, но и – самое главное – от любой референции в реальной действительности, в том числе и от реальности рынка и меновых стоимостей. Они образуют собственное *виртуальное пространство*, живущее по своим законам и трансформирующее пространство реальное»¹.

Не претендуя на полноту, попытаемся эксплицировать понятие «виртуальные деньги». Под ними в первом приближении мы будем иметь в виду *безналичные* платежные средства, находящиеся на банковском счете или на счете другой финансовой организации, с которыми можно *дистанционно* производить транзакции при помощи интернет-технологий. Доступ к виртуальным деньгам на сегодняшний день может осуществляться при помощи банковской карты, а также банкоматов, POS-терминалов, интернет-банков или мобильных банков. Таким образом, до начала «эпохи Интернета» виртуальных денег не существовало.

Виртуальным деньгам противостоят деньги бумажные, отличающиеся от них по типу носителя. Бумажная денежная система обращения имеет длительную историю. Основной ее составляющей являются наличные деньги или банкноты. Однако исторически в процессе функционирования этой системы начала выделяться и обособляться счетная функция денег, представленная в виде

записей в долговых книгах торговцев, а затем в виде и банковских записей. На их основе оказалось возможным осуществлять долговые расчеты между банком и клиентом, а также переводы денег из банка в банк без конвертации в наличные деньги. Такие переводы получили название безналичных. Они образуют вторую – безналичную – составляющую денег.

Эти банковские записи раньше также осуществлялись на *бумажном* носителе. Ярким примером здесь может служить сберегательная книжка советских времен, отражавшая на своих страницах процедуру учета долгов банка перед ее владельцем. После появления компьютера эта денежная счетная функция обрела свой новый носитель – *электронный*, после чего и появился в обращении термин «виртуальные деньги».

Обратим внимание на одну важную деталь. Согласно п. 1 ст. 75 Конституции России, «денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются». Центробанк на сегодняшний день эмитирует исключительно бумажный рубль, и потому только он является законной денежной единицей в России. Следовательно, существующие у нас в стране виртуальные деньги в строгом смысле слова нельзя считать деньгами. Это некий эрзац денег, представляющий собой своеобразную запись на электронном информационном носителе о законодательно закреплённом долговом обязательстве банка перед клиентом или другим банком по поводу выдачи тому по первому требованию причитающегося количества бумажных денег, если таковое требование будет соответствующим образом сформулировано. Это все та же старая «счетная функция» бумажных денег, только сильно обособившаяся и «ушедшая» в Интернет.

Нетрудно убедиться, что в отношении виртуальных денег мы занимаем здесь позицию крайнего номинализма². Мы полагаем, что таких *денег* как самостоятельных объектов в настоящее время не существует. Слово «деньги» в подобных языковых выражениях мы используем сугубо метафорически: «как будто это не записи о деньгах, а сами деньги». Что же касается бумажного³ наличного рубля, то он обладает законно санкционированным статусом существования, поскольку на сегодняшний день является единствен-

ным платежным средством России, обязательным к принятию на всей территории страны. Итак, сегодня у нас в стране виртуальных денег в строгом смысле слова не существует, однако из этого вовсе не следует, что они не появятся в будущем.

Несколько слов о пластиковых деньгах, электронных кошельках и электронных деньгах. Расхожее мнение о том, что носителем виртуальных денег является пластиковая карта в том же смысле, в каком бумага является носителем бумажных денег, и что теперь можно вполне оправданно говорить о появлении пластиковых денег, не вполне корректно. На самом деле банковская карта выступает лишь в качестве своеобразного ключа доступа к виртуальным деньгам. Так, потеряв ее, мы автоматически еще не лишаемся при этом самих денег.

Нередко банки в экономических теориях рассматриваются как торговые организации, занимающиеся куплей-продажей специфического товара, а именно денег. Однако на практике чаще всего банки торгуют не непосредственно наличными деньгами, а так называемыми банковскими продуктами: банковскими картами, депозитами, кредитами и т. д., в которые в качестве существенной составляющей могут быть интегрированы виртуальные деньги.

К числу банковских продуктов не относятся так называемые *электронные кошельки*. В России предоставлять возможность людям открывать личные счета, предназначенные для работы с ними, имеют право не только банки, но и небанковские финансовые организации. Счета электронных кошельков, в силу их специфики, могут быть анонимными (неперсонифицированными), и по ним разрешается проводить операции без прохождения процедуры идентификации клиента. Предназначены они не для хранения денег, а для оплаты товаров и услуг, например, для оплаты труда фрилансеров, покупок в интернет-магазинах и т. д. Для этих целей электронные кошельки обычно интегрируются в электронные платежные системы, призванные осуществлять переводы денежных средств.

В качестве примеров электронных кошельков можно назвать Qiwi-кошелек, Элекснет, WebMoney, Яндекс.Деньги и т. д. В связи со спецификой электронных кошельков находящиеся в них средства платежа называются электронными деньгами, хотя на самом деле они деньгами также не являются.

Можно выделить следующие основные особенности, которые привнесли в банковскую деятельность виртуальные деньги, по сравнению с ситуацией второй половины прошлого века:

– обращение к нуждам современного человека, в первую очередь *человека мобильного*, создание для него невиданных ранее удобств и комфорта в банковском обслуживании. Теперь людям больше не нужно приходить на работу и стоять в очереди в кассу для получения зарплаты: ее можно получить и начать тратить практически в любом городе мира. Можно не возить с собой крупные суммы денег наличными в общественном транспорте: достаточно положить их на банковскую карту и по приезде снять в ближайшем банкомате. При острой нехватке денежных средств во время командировки или отдыха за границей можно позвонить родственникам или знакомым и попросить их пополнить деньгами вашу карту из домашних запасов и т. д.;

– оплата товаров и услуг может производиться денежными средствами, списываемыми *непосредственно с банковского счета* физического лица. Раньше такое было возможно лишь при ежемесячной оплате коммунальных услуг, для чего необходимо было лично явиться в банк со сберкнижкой и паспортом;

– стало возможным производить операции по оплате товаров и услуг и переводу денег другим лицам, как физическим, так и юридическим, *дистанционно*, т. е. не посещая отделение банка. Так, чтобы расплатиться за покупку в интернет-магазине виртуальными деньгами, достаточно на его персональном интернет-сайте указать реквизиты банковской карты покупателя и ввести требуемую к оплате сумму, а чтобы погасить задолженность перед банком по кредитной карте, надо лишь заполнить в интернет-банке соответствующую форму и дать распоряжение на перевод денег. Все это можно сделать на персональном мобильном устройстве – планшете или айфоне, – сидя в кафе за чашкой чая;

– появилась возможность *моментального* (в течение 5–10 минут) *перевода* денежных средств от одного физического лица к другому, в том числе находящемуся в отдаленном городе и даже за границей, в любое время дня и ночи⁴.

Грядущая денежная реформа и ее основные этапы

Деньги не всегда были бумажными. Первоначально функцию денег выполняли отдельные товары. Потом она перешла к благородным металлам – золоту и серебру, которые служили в торговле в качестве эквивалента обмена в зависимости от весовой характеристики слитков. Наконец, появились деньги в виде золотых и серебряных *монет* с обозначенным на них номиналом.

Такие деньги дожили до сегодняшнего дня. Например, в российских банках любой желающий может приобрести золотые монеты «Георгий Победоносец» номиналом в 50 рублей. Разумеется, их меновая стоимость будет превышать номинальную в сотни раз, но несмотря на это, они могут служить законным средством платежа при покупке любых товаров, как и обычные бумажные рубли.

В свое время переход от драгоценных монет к медным, а от них к банкнотам, протекал достаточно болезненно. Однако сейчас бумажные деньги, как правило, не вызывают отторжения у подавляющего большинства населения. При этом люди (особенно пожилого возраста) испытывают недоверие к виртуальным деньгам, поскольку те, по их мнению, не имеют материального носителя. Увещевания же банковских работников, что виртуальные деньги в отличие от бумажных невозможно потерять на улице или украсть из кармана, малоэффективны.

Однако сегодня, несмотря на существующие психологические трудности, процесс ввода виртуальных денег в активное обращение среди населения усиленно торпедируется не только банками, но и государством. Более того, можно сказать, что весь финансовый мир готовится к очередному процессу смены формы денег и переходу на виртуальные средства платежа. *Мировая тенденция свидетельствует о том, что в ближайшие 15–20 лет во многих странах мира произойдет очередная денежная реформа, суть которой состоит в полном переходе на виртуальные деньги.*

Не является исключением и наша страна. Так, еще в 2011 г. глава Сбербанка Герман Греф обратился к президенту В.В.Путину с предложением ограничить хождение наличных денег в России. В ноябре того же года при Минфине был сформирован Межведомственный совет по оптимизации платежного оборота. Этот совет призван обобщать предложения, направленные на оптимизацию

платежного оборота, увеличение доли безналичных платежей и использование безналичных расчетов. За время его работы был выработан целый ряд предложений, которые 13 марта 2012 г. переданы в правительство РФ. Эти предложения, по сути, содержат в себе шаги, направленные на реализацию первого, *подготовительного* этапа смены формы денег.

Суть этого этапа заключается в осуществлении трех основных инновационных мер.

– Во-первых, – это *введение ограничений на покупки наличными деньгами*. Следует отметить, что такие меры уже введены в целом ряде других стран. В Европе, например, самые жесткие законы действуют в Италии, где с 4 декабря 2011 г. правительство страны запретило проводить оплату наличными товаров и услуг стоимостью свыше 1 000 евро. В других странах пороговые планки для платежей бумажными деньгами более высокие, но в среднем они составляют где-то в районе 10000 \$.

В России в настоящий момент для физических лиц не существует ограничений на оплату наличными. Однако в феврале 2013 г. в Госдуму был внесен законопроект, ограничивающий покупки бумажными деньгами: с 1 января 2014 г. суммой в 600 000 р., а с 1 января 2015 г. – в 300 000 р. Последняя цифра как раз и эквивалентна 10 000 \$.

Национальный банк Украины также заявил о своем намерении установить для физических лиц лимит на расчеты наличными средствами внутри страны на уровне 150 тыс. грн. Ввести предельную разрешенную величину платы наличными планирует и национальный банк Белоруссии. В дальнейшем первоначально заявленный порог будет только понижаться.

– Вторая мера – это *обязательная выплата заработной платы, пенсий и пособий виртуальными деньгами*. Для осуществления таких целей каждый человек должен будет стать в принудительном порядке клиентом какого-либо банка и обзавестись зарплатной банковской картой. Собственно говоря, этот процесс в России уже набирает обороты последние три-четыре года. Помимо прочего, он приводит к вынужденной ликвидации должности кассиров на предприятиях. Однако в настоящий момент человек все же имеет право отказаться от получения банковской карты, а также вообще не иметь банковских счетов.

Следует отметить, что банки активно поддерживают и лоббируют идею виртуальных зарплат, поскольку она им чрезвычайно выгодна. Дело в том, что на зарплатных картах после снятия денег обычно остается небольшая сумма, которая в силу технических ограничений не обналичивается и потому фактически находится в бесплатном пользовании у банка. Существования неснижаемых остатков банки добиваются искусственно блокировкой возможности банкоматов выдавать деньги мелкими купюрами и монетами. К сожалению, эта проблема у нас законодательно никак не урегулирована, чем банки с удовольствием пользуются в своекорыстных целях. Нам доводилось сталкиваться с ситуацией, когда минимальные купюры для выдачи наличных в банкомате оказывались номиналом в 5000 р. Что же касается монет, то на сегодняшний день их выдают только банкоматы Мастер-банка, да и то не всегда.

В Белоруссии при активной поддержке банков власти сейчас планируют запретить всем субъектам хозяйствования независимо от их формы собственности выдачу зарплаты, премий, бонусов и пособий наличными деньгами.

Сходный законопроект готовится и в России. Согласно ему не попадут под принудительную выплату зарплаты на банковскую карту лишь малый бизнес, число сотрудников которого не превышает 35 человек (для торговых предприятий – 20), и компании, расположенные в труднодоступных местностях. Не исключено, что это требование может вступить в силу у нас в стране уже в 2013 г.⁵

Первая и вторая меры будут реализовываться на фоне уже существующей практики введения дневных и месячных ограничений на снятие наличных денег с банковских карт. Например, сейчас в российском банке «Русский стандарт» клиент, владеющий бесплатной картой «Банк в кармане», может позволить себе обналичить без комиссии не более 100 000 р. в сутки; клиент, владеющий картой «Банк в кармане Gold» стоимостью обслуживания 3 000 р. в год – не более 300 000 р. в сутки (комиссия за выдачу денег отсутствует) и не более 1 млн р. в месяц; клиент, владеющий картой «Банк в кармане Platinum» стоимостью обслуживания 7 000 р. в год – не более 500 000 р. в сутки (комиссия за выдачу денег отсутствует) и не более 1,5 млн р. в месяц. Во многих банках России на сегодняшний день установлены более жесткие лимиты.

Не исключено, что со временем эти ограничения будут лишь ужесточаться, поскольку банкам выгодно, чтобы люди хранили деньги в электронном виде на картах, а не у себя в карманах.

Банки даже готовы тратиться на поощрения лиц, использующих подобные виртуальные хранилища. Например, в настоящий момент такие банки, как Русский стандарт, ТКС-Банк, Связной Банк начисляют своим клиентам 10 % годовых на остаток средств по дебетовым картам, причем два последних банка к тому же позволяют снимать деньги с карт во всех без исключения банкоматах России без комиссии. Русский стандарт также позволяет снимать наличные в любых банкоматах без комиссии, но лишь с одной своей карты – «Почтовой».

– Третья мера, являющаяся логическим продолжением двух предыдущих, предусматривает *установление в обязательном порядке торговыми предприятиями во всех своих точках обслуживания для приема банковских карт* – так называемых POS-терминалов. Министерство финансов России уже готовит подобный законопроект. Последними супермаркетами, перешедшими на карточную систему оплаты, стали у нас «Ашан» и «Пятерочка». Это случилось в 2012 г. В 2010 г. начало принимать к оплате карты предприятие общественного питания «Макдоналдс».

Для принятия электронных платежей мелкими предприятиями и индивидуальными предпринимателями разработаны и активно внедряются так называемые мобильные POS-терминалы, которые могут работать на базе iPhone, оснащенном соответствующим программным обеспечением. Первые мобильные платежные терминалы появились в России в апреле 2012 г. благодаря стараниям Москомприватбанка. Сейчас они начинают довольно активно использоваться индивидуальными предпринимателями.

Все эти три меры нацелены на то, чтобы заставить население страны расплачиваться за покупки виртуальными деньгами. Запустить этот механизм выгодно и государству, и банкам. О государстве мы поговорим чуть позже. Что же касается банков, то они отчисляют себе с каждой транзакции немалые проценты за обслуживание. В этом плане их доходы после завершения первого, подготовительного этапа заметно увеличатся. В настоящее время проценты за обслуживание покупок, совершенных с помощью банковских карт, достаточно высоки (по сравнению с аналогичными западноевропейскими) и делятся на три категории:

- проценты, получаемые банком – эмитентом карты;
- проценты, получаемые банком, эквайрящим (обслуживающим) торговую точку;
- проценты, получаемые карточными платежными системами, такими как Visa, Mastercard, American Express и т. д.

Величина процентов сильно варьируется и зависит, в частности, от типа карточной платежной системы и так называемого MCC-кода, в котором зашифрован тип торговой точки (супермаркет, ресторан, гостиница, связь и т. д.). В среднем по рынку на обслуживание расчетов по карте с каждого платежа клиента уходит 2 % денег.

В настоящий момент 66 % (77 млн) россиян пользуются банковскими картами. Но несмотря на это, доля виртуальных платежей по ним пока невелика. В основном люди, получив зарплату, снимают ее в ближайшем банкомате. На такие операции приходится в среднем около 86 % от их общего числа⁶. В России в целом по объему расплачиваются наличными в два раза больше, чем в развитых странах, и в 1,5 раз больше, чем в развивающихся. Однако есть страны, где дела обстоят гораздо хуже. Так, согласно «Аналитическому обзору рынка электронных банковских услуг и платежных систем за 2012 год», размещенному на сайте Национального банка Казахстана, в 2012 г. в этой стране на один POS-терминал в день приходилось менее двух транзакций.

Переломить существующее положение дел пытаются и сами банки. Для этого они активно используют систему поощрений покупателей, расплачивающихся виртуальными деньгами. Например, в России банк Авангард за каждую транзакцию по покупке товаров с помощью карты «Авангард World» возвращает 1 % денежных средств обратно на карту в качестве премии за платеж. То же самое делает и банк Ренессанс кредит для пользователей так называемой «Прозрачной карты». Наконец, Хоум кредит энд финанс банк по карте «Cashback Gold» начисляет пользователям 3 % денежной премии от суммы каждого платежа.

Такова суть первого, подготовительного этапа перехода общества на виртуальные деньги. Второй, *основной* этап подразумевает объявление виртуальных денег законными деньгами страны и постепенное превращение банкнот в денежные суррогаты, представляющие собой узаконенные денежные обязательства перед их держателями. При этом не исключено, что за покупку и продажу таких

ценных бумаг будет взиматься комиссионное вознаграждение. На этом этапе Банк России начнет эмитировать вместо бумажных денег виртуальные рубли. Будет создана национальная система оборота виртуальных денег, полностью «зашитая» от возможности эмитации со стороны частных банков. Оставшиеся в обращении бумажные денежные суррогаты будут использоваться для оплаты мелких товаров и услуг, например для покупок на продуктовом и вещевом рынках, а также для мелких расчетов граждан друг с другом.

Следует отметить, что в настоящее время на виртуальные деньги уже перешел Сингапур. В 2014 г. на них планирует перейти и Япония.

Кому выгоден переход на виртуальные деньги?

Как уже было показано выше, переход на виртуальные деньги выгоден в первую очередь *банкам*. Не претендуя на полноту, перечислим некоторые из этих выгод. Они сводятся к следующему.

– Банки обеспечат себе получение прибыли от уже упоминавшихся высоких комиссий, которыми облагается оплата каждой покупки. Разговоры о том, что при этом уменьшатся их затраты на услуги инкассаторов и потому повсеместный переход торговых точек на электронные платежи посредством POS-терминалов окажется в конечном счете выгоден для покупателей, верны лишь отчасти. До тех пор пока будут существовать в обществе бумажные деньги, магазины вынуждены будут пользоваться услугами инкассаторов, а следовательно, и оплачивать их труд. Поэтому введение обязательной системы электронных платежей будет выгодно в основном для супермаркетов, да и то лишь отчасти, а для всех средних и мелких торговых точек эта мера ляжет дополнительным бременем на покупателя.

– Банки обеспечат себе получение дополнительной прибыли от банковских комиссий, взимаемых за перевод виртуальных денег от одного физического лица к другому.

– Банки также обеспечат себе получение дополнительной прибыли от введения банковских комиссий за обмен виртуальных денег на бумажные и наоборот. Причем эти комиссии с течением времени будут только возрастать, а лимиты на обналичку, наоборот, падать.

– Банки получают дополнительную прибыль от дешевого, а иногда и просто бесплатного, привлечения денежных средств населения. Это в свою очередь приведет к существенному понижению банковских ставок по вкладам для физических лиц. Теперь больше не нужно будет агитировать людей хранить деньги в банке, ибо других мест их хранения просто не окажется.

Помимо банков введение виртуальных денег очень выгодно *государству*. Эта выгода основана на таком свойстве электронных транзакций, как их *прозрачность* в Интернете. Дело в том, что относительно любой подобной транзакции всегда точно известно, с какого счета деньги поступили и на какой счет они ушли. Точно известны также сумма отправленных денег и время их отправления и поступления. Известен и целевой характер каждой транзакции, чем она является: покупкой товара, платой за услуги, погашением долговых обязательств, выплатой зарплаты работнику или просто переводом денег частному лицу. Поскольку каждый банковский счет имеет своего владельца, все денежные перемещения граждан и организаций оказываются под жестким контролем со стороны банков и государства. Разумеется, такой контроль государству крайне выгоден. Это по большому счету его вожденная мечта.

Другое дело, что такая абсолютная прозрачность существует только в рамках Интернета. Как только мы пытаемся заглянуть за его пределы в реальный мир, эта прозрачность начинает стусываться. В результате банку требуются дополнительные средства идентификации клиента, чтобы определить, кто на самом деле произвел данную транзакцию.

Сейчас существует множество способов подобной идентификации. Например, если человек впервые пришел в российский банк открывать счет, его обязательно попросят предъявить паспорт и сфотографируют. За ним документально будет закреплена уникальная пара «логин – пароль», чтобы он мог с ее помощью входить и пользоваться услугами интернет-банка или мобильного банка. Та же ситуация существует и с банковскими картами: в настоящее время четырехзначный PIN-код является полным аналогом собственноручной подписи клиента. В результате, если PIN-код был введен правильно, то банк считает, что данную транзакцию совершил владелец счета независимо от того, кто на самом деле ввел этот код. В результате существующая законодательная

практика позволяет банкам отказывать своим клиентам в требовании вернуть похищенные у них мошенниками с пластиковой карты денежные средства при условии, если PIN-код был введен правильно. В этом случае владелец денег может рассчитывать на возврат своих средств только из карманов самих злоумышленников, если таковые будут найдены.

Банки также используют в своей работе дополнительные средства идентификации клиента. В настоящее время наиболее распространена система «3d secure», позволяющая получать переменные пароли для подтверждения транзакции. Переменные пароли либо выдаются клиенту непосредственно в банке на пронумерованной пластиковой карточке, либо присылаются ему на указанный в анкете номер мобильного телефона в виде SMS-сообщения. При использовании интернет-банкингом некоторые банки предлагают клиентам воспользоваться электронными ключами для заверения документа электронно-цифровой подписью, которая также является аналогом собственноручной подписи. В частности, эту практику использует банк Авангард. Ключи с электронно-цифровой подписью выдаются в отделении этого банка на флеш-диске непосредственно самому клиенту.

Следует отметить, что при оплате покупок в интернет-магазинах банковскими картами обычно требуется ввод так называемого CVV-кода. Этот код не является средством идентификации клиента, а используется исключительно для определения валидности самой карты. Поэтому и потребовалась разработка и внедрение системы «3d secure» для идентификации клиента.

Все эти меры направлены на увеличение относительной прозрачности в вопросе о том, кто на самом деле пользуется данными виртуальными деньгами. Однако достичь абсолютной прозрачности здесь вряд ли удастся в обозримом будущем. При этом возникающие проблемы с идентификацией клиента будут решаться на все более и более высоком технологическом уровне.

Так, уже сейчас появились банкоматы, идентифицирующие владельца банковской карты по биометрическим характеристикам, в частности по отпечатку пальца. Правда, в настоящее время они очень дорогостоящи и потому не могут широко использоваться в повседневной жизни. Банальный акт вандализма может слишком дорого обойтись владельцам такого банкомата.

Еще одна возможная тенденция – это внедрение карточного чипа под кожу человека. В этом случае клиент всегда будет носить все свои деньги с собой, а для проведения транзакции ему потребуется лишь поднести палец с чипом к считывающему устройству.

В свете всего сказанного попытаемся обозначить возможные выгоды государства от перехода на виртуальные деньги. По нашему мнению, они сводятся к следующему:

- исчезнет сама возможность уклонения юридических и физических лиц от уплаты налогов, поскольку все их доходы станут абсолютно прозрачными для государства;

- исчезнет возможность выдачи работникам зарплаты «в конвертах», что приведет к значительному сокращению числа нелегальных гастарбайтеров. Что касается бумажных денег, то в будущем их нельзя будет в большом количестве превратить в виртуальные, а следовательно и переслать родственникам за границу. Гастарбайтерам волей-неволей придется тратить их внутри страны пребывания на покупки в мелких палатках, расположенных на продовольственных и вещевых рынках;

- в связи с прозрачностью электронных транзакций, должна значительно уменьшиться коррупционная составляющая нашего общества. Однако полностью искоренена этими мерами она не будет, поскольку все равно сохранится возможность получения взятки подарками, в том числе монетами и слитками из драгоценных металлов, драгоценными камнями, ювелирными изделиями, предметами искусства и т. д.;

- на новый уровень перейдет борьба с нелегальным бизнесом, в том числе наркобизнесом, игровым бизнесом, торговлей оружием, человеческими органами, женщинами, детьми и т. д., а также борьба с терроризмом во всех его проявлениях;

- использование виртуальных денег приведет к улучшению экологической обстановки, поскольку уменьшится потребность в производстве бумаги, бумажных денег и в их уничтожении.

Если для *государства* и для *банковской системы* страны переход на виртуальные деньги сулит много выгод, то для *обычных людей* ситуация, на наш взгляд, не столь уж однозначно позитивная. Среди плюсов, как мы уже отмечали, следует указать на комфорт проведения переводов и платежей, которые можно будет осуществ-

влять когда угодно и где угодно. Однако возникнут и отрицательные последствия для *индивида*, на которые следует обратить особое внимание. Попытаемся их здесь обозначить.

– При использовании виртуальных денег возможна организация тотального контроля за доходами и расходами граждан. Причем участвовать в таком контроле могут не только банки и государство, но и нежелательные для человека организации, и просто люди, имеющие непосредственный доступ к базе данных. Например, пресса вполне может организовать канал утечки информации о доходах и расходах интересующих ее людей, как знаменитых, так и не очень. Кроме того, на этой почве в обществе может возникнуть чувство нездорового психологического дискомфорта и подозрений от существования тотальной слежки государства за транзакциями всех граждан, в том числе и тех, кто ни в чем перед ним не провинился. В настоящее время психологический дискомфорт вызывают многочисленные камеры слежения, в том числе и скрытые, молча устанавливаемые теперь не только в зданиях организаций, на улицах и дорогах, но и в подъездах жилых домов. Теперь эта тенденция фактически перекидывается и на денежный оборот.

– В обществе, перешедшем на виртуальные деньги, возможна организация контроля над местонахождением любого человека. Тратя виртуальные деньги, человек оставляет информационные следы, поскольку оплата банковской картой всегда происходит в конкретное время, в конкретной торговой точке, расположенной по конкретному адресу. Расплачиваясь же бумажными деньгами, человек сохраняет свое инкогнито и не информирует третьих лиц о своем местоположении и характере покупки.

– Благодаря виртуальным деньгам можно оказывать существенное влияние на поведение человека со стороны государства и правоохранительных органов путем угроз блокировки его банковского счета. Реализация данной угрозы может поставить человека на грань физического исчезновения, и чтобы избежать этого, он может признаться в чем угодно.

– Обычные люди будут сильно страдать во время так называемых технических сбоев, остановки работы банковских серверов. Такие явления наблюдаются уже сейчас. Однако при наличии бумажных денег проблему с оплатой в таком случае удастся решить

абсолютно безболезненно. Некоторые опытные пользователи, идя в магазин или отправляясь в другой город, берут с собой несколько банковских карт, чтобы в случае блокировки одной из них по техническим причинам, можно было бы в ближайшем банкомате снять наличные с другой. При отсутствии бумажных денег люди фактически лишаются такой возможности.

– В период острого экономического кризиса многие банки перестают доверять друг другу. Это обычное явление, известное каждому финансисту. В результате торговые точки, которые эквайрит один банк, могут отказываться принимать пластиковые карты, выпущенные другим банком. Именно в такую ситуацию попали люди во время кипрского банковского кризиса весной 2013 г. Тогда их спасала только расплата наличными.

– Нельзя не упомянуть и о киберпреступности. Последняя сейчас разрослась до невиданных ранее размеров и приобрела поистине общемировой характер. Однако следует отметить, что в настоящее время киберпреступность все больше начинает интересоваться не карточными счетами отдельных граждан, а непосредственно банковскими активами и счетами крупных компаний. Ибо мошеннику гораздо доходнее изъять часть прибыли у крупного банка, чем лишить пенсии одинокого пожилого человека. Но если все-таки обратить внимание на граждан, то, к сожалению, наиболее уязвимыми для преступников людьми становились и становятся самые обездоленные – пенсионеры и дети. Переход на виртуальные деньги, на наш взгляд, лишь усугубит для них эту ситуацию, в том числе и в силу специфики их психического склада.

– Переход на виртуальные деньги удорожит в целом жизнь населения, поскольку все банковские комиссии, взимаемые за пользование пластиковыми картами, будут включены предприятиями в цены предлагаемых товаров и услуг. Кроме того, сыграет свою злую шутку и психологический фактор нарушения контроля человека за количеством совершаемых им покупок с помощью карт. Виртуальные деньги неосвязаемы, и потому их трата становится для человека как бы проще и незаметнее. Более того, банки всячески стараются поощрять и развивать эту выгодную им тенденцию. Например, специально разработаны и внедряются так называемые «кредитные карты», способные беспрятственно уводить клиента «в минус», а также «карты для

дам», подталкивающие представительниц прекрасного пола тем или иным способом совершать больше дорогостоящих покупок и ненужных трат.

– Наконец, совершая покупки с помощью банковских карт, граждане нашей страны вынуждены оплачивать услуги международных платежных систем, таких как Visa, Mastercard, American Express и т. д.

При этом совершенно непонятно, как может государство принуждать своих граждан к таким тратам? Было бы гораздо более разумно осуществить переход страны на электронные платежи после введения общенациональной платежной системы. Однако решение этого вопроса чрезвычайно трудоемко и длительно из-за существования жесткой конкуренции между платежными системами на мировом рынке. А ждать банки не хотят, и потому готовы обречь население России на дополнительные ненужные отчисления западным компаниям.

Как известно, попытки создания в России национальной платежной системы ранее предпринимались, но в конце концов потерпели крах. Так, в 1993 г. была создана на базе Сбербанка платежная система «Сберкарт», которая ориентировалась на рынок ежедневных платежей населения. Была даже выпущена одноименная банковская карта. Ее разработчики надеялись переломить тогдашнюю тенденцию лавинообразного вовлечения в оборот карт иностранных платежных систем в нашей стране. Однако отечественные карты оказались абсолютно невостребованными не только за границей, но даже у нас в стране. В результате 20 августа 2010 г. акционерное общество «Сберкарт» прекратило свое существование, а двумя годами позже, 20 августа 2012 г., Сбербанк полностью прекратил выпуск и обслуживание одноименных банковских карт.

Таким образом, при переходе на виртуальные деньги наше общество волей-неволей будет интегрироваться в глобальную платежную систему, в первую очередь американскую и западноевропейскую, в ущерб развитию своей собственной. А это еще больше поставит страну и ее граждан в зависимость от стихии мировых финансовых кризисов⁷.

Куда идем?

Отвечая кратко на вопрос “Quo vadis?”, сформулированный в названии статьи, можно сказать, что на самом деле мы прекрасно знаем, куда идем. Мы движемся к информационному обществу, которое издали кажется нам напрочь лишенным всяческих недостатков. Но именно от нас сейчас во многом зависит, какой облик оно в последующем примет.

Как справедливо заметил профессор И.Л.Андреев, будущее «отодвигается по мере приближения к нему, как видимая линия горизонта. Де-юре его еще нет, хотя де-факто оно уже присутствует в настоящем... Оно существует, но пока виртуально, перцептивно не воспринимаемо, как потенция, которая может себя по-разному реализовать: продуктивно или контрпродуктивно, созидательно или катастрофно. Все зависит от того, какие тенденции поддержит либо затормозит своими действиями человечество, насколько адекватно оно сможет распознать проблески грядущего и растолковать с помощью науки адресованные нам знаки»⁸.

Впитает ли информационное общество идеалы гуманизма и будет способствовать развитию человека, его творческих способностей, базируясь на уважении прав и свобод? Или оно превратится в общество тотального информационного контроля, где люди будут трудиться под бдительным оком безличного Большого брата? На наш взгляд, полный переход общества на виртуальные деньги скорее склонит выбор в пользу последнего варианта. Поэтому надо пытаться искать компромисс в совместном использовании виртуальных денег и бумажных, ни в коем случае не отказываясь от последних как от законного средства платежа.

Все вышесказанное свидетельствует о важности проблемы *выбора* ориентиров развития, тех целей и задач, которые мы себе ставим и пытаемся реализовать на пути к грядущему информационному обществу. В противном случае, сами того не желая, мы рискуем ненароком однажды оказаться живущими в мире, где на каждого человека будет иметься интернет-досье о всех его покупках, заработках, о его местонахождении и передвижениях, а в случае распространения интернет-телефонии, и о содержании его телефонных переговоров.

Примечания

- ¹ Зарубина Н.Н. Влияние денег на конструирование пространства // Историческая психология и социология истории. 2012. Т. 5. № 1. С. 35.
- ² Речь в данном случае идет не о средневековой, а о современной трактовке понятия «номинализм».
- ³ Как известно, сегодня наличный рубль выпускается не только на бумажном, но и на металлическом носителе. Поэтому, строго говоря, термин «бумажный рубль» предполагает безусловное доминирование бумажного носителя наличных денег в их общей массе, но не отрицает возможности использования других носителей. Это замечание несколько не умаляет смысла сказанного.
- ⁴ Разумеется, далеко не все переводы виртуальных денег сейчас осуществляются мгновенно. Однако число их в последнее время неуклонно растет. Так, с 1 ноября 2012 г. заработала одна из систем мгновенного перевода денег на карты Visa Сбербанк России. Вот что говорится по этому поводу в новостном пресс-релизе: «Сбербанк РФ и компания Visa объявили о запуске услуги “Платежи и переводы Visa” для держателей карт Visa Сбербанка. Новый сервис позволяет моментально пополнять дебетовые карты, погашать задолженность по кредитным картам, а также перечислять деньги на любые карты Visa Сбербанка» (URL: <http://moneynews.ru/News/16961>).
- ⁵ Норма о выдаче зарплаты только на карточки содержится в «Основных направлениях налоговой политики РФ на 2013 и 2014–2015 годы», которые правительство утвердило 2 мая 2012 г.
- ⁶ Более точные данные см. в: URL: <http://www.plusworld.ru/daily/bankovskimi-kartami-polzuutsya-77-mln-chel-66-rossiyan>
- ⁷ При использовании виртуальных денег нестабильность финансовой системы и отдельных финансовых организаций может возникать и из-за внутренних факторов. Действие одного такого непредвиденного виртуального фактора подробно проанализировано нами в: Малков С.М. Закрытый интернет-форум как средство коммуникации: bank case // Человек вчера и сегодня: Междисциплинар. исслед. / Отв. ред. М.С.Киселева. Вып. 5. М., 2011. С. 236–249.
- ⁸ Андреев И.Л. Россия: взгляд из будущего // Вестн. Рос. акад. наук. 2003. Т. 73. № 4. С. 321.

Игорь Андреев

Выбор модели поведения в африканском социуме

Мир резко меняется на наших глазах. Глобализация в её сегодняшнем рыночном варианте нивелирует человечество, порождает безоговорочную ориентацию деятельности и поведения людей на деньги. Растущая зависимость от них всё более явно вытесняет из нашей жизни, общества и общения исходную человечность. Заходит ли речь о судьбах страны или об экологической ситуации в современном мире, об интересах конкретного человека или перспективах всего человечества, всё непременно упирается в бездушные, вездесущие, всесильные деньги. Контрапунктом любых рассуждений об инновациях, направленных на улучшение качества жизни и здоровья населения, оказываются финансы, кредиты, рынок, конкуренция, прибыль. Откуда взялась эта немереная власть денег и банков над человечеством, над бизнесом и государством, над наукой и искусством, над мыслями и чувствами людей? Всегда ли так было? И могут ли люди жить иначе, имея другие, нежели обогащение во что бы то ни стало, цели жизни, более возвышенные и гуманные ориентиры, стратегию и мотивы своего поведения? Философско-антропологические размышления на этот счёт выглядят из далёкой Африки совсем иначе, нежели в наших СМИ, упорно навязывающим нам ток-шоу «Как стать миллионером?», а не как ***стать, быть и оставаться человеком.***

В африканском фольклоре деньги издавна персонифицированы, они выступают как довольно рискованное и малонадежное средство построения отношений обмена. Зато как орудие обмана

доверчивых людей они просто незаменимы. Персонаж детской сказки «Человек по имени Деньги» взялся стеречь дочь и имущество своего друга, отправившегося по неотложным делам в дальнюю дорогу. Однако, не дождавшись его возвращения, отдал девушку замуж богачу за большой денежный выкуп, выгодно распродал вещи и хозяйство ее отца, а затем исчез, пообещав скоро вернуться. Огорченный друг его искал всю оставшуюся жизнь, завещав перед смертью продолжить поиски причитающихся ему денег детям и внукам. Но и им не повезло. С тех пор простые люди вечно ищут деньги, которые, как тот человек, от своего доверчивого друга, ловко ускользают от них. Поэтому само слово «Деньги» стало нарицательным прозвищем ловкачей и обманщиков, а человек, носящий такое имя, обычно неуловим.

Социальное зеркало африканского рынка

Российские туристы – богатые «новые русские», приехавшие на престижное сафари, и те, кто скромнее в своих запросах и возможностях, – все они, совершая путешествия, отправляясь на отдых либо по делам бизнеса в тропические страны и на острова южных морей, не могут избежать соблазна посетить столь яркий сгусток экваториальной экзотики, каким является неизменно колоритный местный рынок. Конечно, отождествлять с пестрым, фольклорным, бытовым базаром всю сферу товарно-денежных отношений как гигантский, расплзающийся по континенту блок африканской экономики, было бы наивным и неверным. Просто народ, как свой, так и приезжий, по идущей из глубин истории, как бы засевавшей в генах привычке, неодолимо тянется к тому, что смутно напоминает не им прожитое прошлое, что по-своему психологически комфортно, да и по деньгам более доступно. А заодно непрочь совершить путешествие по «ту» сторону современности. Ведь даже столь универсальный фактор нашей жизни, каким является время, протекает и воспринимается здесь иначе, чем в привычном индустриальном ритме «окультуренной» городской суетни.

Солнечный маятник торговли

Африканский рынок – это нечто! Полная противоположность западному супермаркету, холодно и бездушно блистающему стеклом, никелем, изыском ламинированных упаковок. К тому же он – не только торжище, место получение прибыли в «живых» деньгах, но и «заключенная» в акте купли-продажи «жизнь» денег, в значительной мере еще дистанцированная от текущих своим путем человеческих взаимоотношений.

Традиционный африканский базар сохранил в себе немало элементов далекого для нас исторического прошлого, напоминая многими нюансами древнейший обмен дарами, психической энергией, жизненным опытом различных племен и народов. Это заметно отличает его от «бездушной» информационной индустрии продаж и «деланья» прибыли, до блеска отшлифованной в странах «золотого миллиарда».

Вместо музейной почтительной тишины, в которой привыкли делать покупки на Западе, – невообразимый, словно идущий из недр Земли, гул. В многоголосый шум возбужденной толпы будто влились и все природные звуки Африки: океанского прибоя и водопада на горной реке, зловещего шуршания песка в Сахаре и ласкового шелеста пальм в гостеприимном оазисе, мерный топот вытянувшихся в многокилометровую ленту табунов антилоп-гну и трубный диалог слоновьего стада, предзакатный рев голодного льва и встревоженные крики обезьян на опушке тропического леса.

Вместо привычной стерильной чистоты, вылизанности, лоска, не воспроизводимая искусственно смесь первозданных компонентов местного ландшафта: пыли, глины, гальки, листвы, птичьего помета, шерсти животных, щепы тропических деревьев и веток саванновых кустарников, кожуры съеденных и слизи растоптанных плодов, а также обрывков бумаги, рекламных листовок, пестрых целлофановых пакетов, цветных ленточек, картонных упаковок, занесенных сюда путанными ветрами международных контактов.

Вместо жестко упорядоченных и строго выверенных модными дизайнерами горделивых витрин и прилавков – дерзко бьющая в глаза невообразимая палитра природных красок, пестрых и ярких одежд и тканей, обилие масок, головок, фигурок, целых композиций на темы местной жизни, а также фольклорно-племен-

ных фетишей, амулетов гри-гри, замысловато орнаментированных сосудов-калебасов из высушенной тыквы, ножей, копий, щитов и порою весьма изысканных абстракций, умело изготовленных из черного, тонущего в воде, и легкого розового дерева, из латуни и бронзы самобытным методом «потерянной формы», из соломы и ракушек, кости и рога великанов джунглей – слонов, носорогов и грозных буффало. Бросается в глаза обилие разнообразных ювелирных изделий ремесленной выработки из золота, серебра, полудрагоценных камней: бус, колец, браслетов, ремней, кошельков, шкатулок местной работы. Всего не перечесать!

Вместо величавой прохлады пантеона – жара и духота неминуемая. Причудливый коктейль самых разнообразных, с трудом различимых и вряд ли где-то еще встречающихся в подобном сочетании запахов: зноя и пыли, овощей и фруктов, животных и птиц, массы разгоряченных потных, подчас еще не знакомых с мылом человеческих тел, терпкости недавно спиленных тропических деревьев-великанов, свежесделанных кож крокодилов, питонов, варанов, хамелеонов, обработанных шкур верблюдов, быков, овец; солоноватых даров океана, раковин, костей, изготовленных на месте металлических изделий местных кузнецов. Все это смачно сдобрено испарениями быстро гниющих отходов, отбросов, испражнениями людей и животных, дымом мангалов и крохотных, будто игрушечных, кузниц, где желающему могут тут же изготовить золотые серьги и при необходимости... вырвать больной зуб.

В воздухе не просто витает, а буквально стоит сладковатый аромат ананасов и ванили, горьковатый всех видов перца и других пряностей, располагающей к прохладе и покою мяты, щедро добавляемой в полуденный чай. Здесь же – запах подгоревшего пальмового масла, в котором жарят кусочки рыбы и бананов-планте. От всего этого ломит виски. Наше заласканное косметикой и гурманством обоняние, древнейшее из органов чувств, с непривычки не выдерживает интенсивных запахов Африканского континента.

Время здесь течет цветисто, шумно, ароматно, размеренно и в хорошую погоду жизнерадостно. Ритм торговли согласуется с движением Солнца. Отсюда – ненужность регламента, специальных указаний относительно дней и часов работы. *Африканцы*, по общему выражению бывшего посла Мали в Москве доктора Даниоко, *смотрят не на часы, а на солнце*. Светило взойшло – рынок

ожил. Закат означает переход к отдыху и другим видам жизнедеятельности. Прохладный, полный оптимизма начинающегося дня утренний рынок заметно отличается от обожженно-вялого в полдень и от вновь оживляющегося после часов сиесты. Присущая африканцам экспрессия взвинчивает атмосферу утреннего рынка до сутолоки вокзала перед отправлением поезда и возбуждения ипподрома, когда ставки уже сделаны. После полудня все это как бы остывает, сменяется фазой замедленного действия: наступает тягучее время дремоты и сладкого мечтания. Поближе к вечеру приходит пора трезвых размышлений и подведения итогов такого длинного и так незаметно пролетевшего торгового дня.

Эта ритмика, будучи во многом обусловленной климатом, в свою очередь, заметно влияет на механизм ценообразования. Утром это – вихреобразный темп «танца с саблями» Арама Хачатуряна; днем – мелодично-плавное адажио из балетного наследия Чайковского; ближе к вечеру – раздумчивые, но вместе с тем тугие от сосредоточенной в них энергии вальсы Йоганна Штрауса с возможной аранжировкой под местную специфику джунглей и саванн в виде «Сказок африканского леса» или мечтаний «На прекрасном желтом Нигере»...

После восхода солнца, когда природа и торговцы дышат надеждой и предчувствием успеха, цены, подстегиваемые оживленным по холодку спросом, состязаются в скорости с температурой воздуха, взлетая к почти белесым, выжженным солнцем небесам. Днем они застывают, словно делая скидку за мужество тем, кто отважно предпочел посещение рынка столь желанной в тропиках послеобеденной сиесте. На солнцепеке цена медленно, неохотно свертывается, как питон, в клубок, чтобы вмиг сделать стойку кобры в случае прибытия автобуса с иностранными туристами. Ближе к вечеру дыхание приближающейся ночи заметно охлаждает дневной пыл и уровень претензий рискованных рыцарей базара. Когда темно-фиолетовый занавес тропической ночи уже опускается почти с той же скоростью, что в старом МХАТе, те из них, кто не одержал в течение дня коммерческих побед, выкидывают белый флаг капитуляции. Реальная угроза голодных снов подчас роняет цену товара до стоимости скромного ужина.

Арена общения, а не только место торга

Африканский базар – своего рода зеркало традиционной жизни, арена повседневного общения и житейских контактов, место обмена новостями, мудрыми мыслями, опытом предков и современников, шутками и анекдотами, а не просто вульгарное торжище, площадка для «продай – купи». Представители различных стран, народов, племен, вероисповеданий, люди обоего пола и самых различных возрастных групп чувствуют себя здесь свободно и раскованно. Раньше в базарные дни прекращались распри и даже местные войны. Рынок – святое место. Здесь нельзя никого обижать.

Как-то раз группа молодых людей вблизи танзанийского города Аруша проходила мимо меня на узкой тропинке вблизи рынка. Я по неопытности положил в нагрудный карман рубашки паспорт и деньги. Один из прохожих сделал попытку завладеть столь вызывающе безалаберно торчащим бумажником. Мне не оставалось ничего другого, как броситься на землю, закрывая своим телом главное сокровище – паспорт, и ждать помощи от своего спутника Джима Паттерсона, да, того самого, который в известном фильме «Цирк» был «сыном» Любви Орловой. Но Джим увлекся фотографированием местных красавиц для обложек элитных московских журналов. И тогда мне на помощь неожиданно пришли торговцы соседнего рынка. Они взяли палки от своих навесов, отдубасили ими молодых хулиганов, помогли мне подняться, извинились за соотечественников. И объяснили, что рынок – место, где человек должен чувствовать себя в безопасности, здесь резко пресекаются ссоры, ругань, драки, мошенничество и воровство. Человек должен чувствовать себя здесь как на празднике жизни, полном оптимизма и радости, даже если у него сегодня нет денег для совершения покупки.

Женщины обычно торгуют фруктами, овощами, бахчевыми, орехами, словом, тем, что растет над головой или под ногами. Мужчины располагаются обычно в центре рыночной площади. У них товар серьезнее: ремесленные изделия, зачастую изготавливаемые здесь же на глазах у покупателя или по его заказу. Обувь, одежда, украшения, ремни, сумки, домашняя утварь, пряности. Калebasы для воды из выдолбленной тыквы с расписными боками, оружие, статуэтки и браслеты из эбенового, розового или «железного», тонущего в воде дерева, гиппопотамовой, буйволовой, слоновой кости.

Естественно, никаких ценников, прайс-листов и другой подобной атрибутики здесь нет и в помине. Многое зависит от того, кто фигурирует в амплу потенциального покупателя. Ведь по большому счету, акт купли – продажи выступает как искаженная временем тень древнейшего обычая обмена дарами, не обязательно равноценными, скорее равно нужными, полезными, достойными меняющихся ролями дарителя и одариваемого. В Африке это – не просто рядовая сделка периода товарно-денежных отношений в духе римского права или кодекса Наполеона, а целый ритуал, беседа, взаимная услуга, сопровождаемая неторопливым уважительным обменом мнениями, выходящими за пределы обсуждения достоинств покупки. Вспыхивающие на базаре горячие споры не всегда являются ссорами, как это подчас кажется заезжему европейцу. Их предметом может выступать не только дискуссия по поводу соотношения достоинств товара и запрошенной за него цены, но и прояснение родственных связей, уточнение приемов ремесла, времени и деталей проведения праздников и ритуалов.

Совершение удачной покупки неизменно предполагает неспешный уважительный диалог. Чтобы сбить цену, вовсе не обязательно искать недостатки у выбранной вещи. Гораздо надежнее искренне восхититься мастерством ее создателя и талантом народа, к которому принадлежит мастер. Доброе слово ценится не меньше денег. Как и небольшой сувенир со своей родины, рассказ о себе и семье, особенно о детях и внуках. Торг здесь не только уместен, но более того – желателен. Первоначально названная «от фонаря» цена может быть в несколько раз выше реальной. Никто не обидится, если покупатель назовет встречную цену, примерно на порядок ниже предложенной. Если вы «загнули», продавец улыбнется, и интерес к вам в его глазах погаснет. Если он вступил в диалог, значит, «тепло», он почувствовал, что перед ним достойный покупатель, принявший игру на понижение. Дальше все зависит от терпения и... обаяния обоих участников самодеятельной мини-пьесы, где воистину каждый сам себе режиссер.

Впрочем, возможны и забавные проколы. Как-то мне довелось путешествовать вместе с прекрасным человеком и талантливым журналистом Александром Каверзневым – старшим. Сидели мы в одном уличном кафе на территории рынка присахарского города Марракеша, а назойливый торговец-бедуин упорно предлагал

тонкое одеяло из верблюжьей шерсти, уверяя, что отдаст его себе в убыток всего за сто дирхамов. В надежде освободиться от опеки, я показал ему три пальца. Тут же товар полетел к моим ногам, и мне ничего не оставалось, как расстаться с согласованной суммой. Жил я тогда в общепитии, покупка эта была совершенно ни к чему. Но закон рынка неколебим: если сошлись в цене, отказываться от покупки неприлично.

Словом, торговаться надо. Упорно, терпеливо, с фантазией и улыбкой, а если позволяют языковые средства, то и с юмором. Снижение цены будет своеобразным гонораром за проявленный артистизм. И воспоминания у обеих сторон для рассказов друзьям, и чувство гордости останутся надолго. Ведь если не торгуешься, значит, не уважаешь того, с кем вступил в диалог, спросив цену. Или не умеешь этого делать и поленился поучиться. Или не знаешь обычаев. Или – еще хуже – не желаешь с ними считаться. И тогда, делились со мной вполголоса в ответ на мои вопросы о механизме формирования цены асы крупных рынков Бамако, Аккры, Ниамея, Дакара, Луанды, Абиджана, Антананариву, Банжула, Аддис-Абебы, Порт-Луи, Мапуту, Лусаки, Дар-эс-Салама, Марракеша, Таркве, Аруши, не считая мелких местных базаров, надуть тебя, напыщенного и самовлюбленного, торопливого и неулыбчивого, а значит, богатого и глупого, – святое дело. И чем крепче, тем почетнее...

В рыночной сутолоке и суете не сразу сообразишь, что африканская культура времени до сих пор остается натуральной. Она отдает предпочтение естественным процессам, а также издавна сложившимся традициями дележа пищи, взаимного одаривания ею. Даже в отношении скоропортящихся продуктов природное время их пребывания в приемлемом для потребления виде, как правило, искусственно не продлевается. Бог дал – Бог взял! Здесь скрыта логика и этика присваивающего хозяйства и потребительской экономики доиндустриального общества. Их инерция особенно сильна в собирательстве и охоте, скотоводстве и подсечно-огневом земледелии. Устойчивость обычаев дележа и уравнительного распределения продуктов среди довольно широкого круга людей и даро-обменные связи между общинами и племенами слабо инициировали создание емкостей и технологий длительного хранения пищи.

В Мали, например, 2/3 лучших в мире королевских манго (всего их 86 сортов) обычно медленно засыхают прямо на земле. Нет холодильников, транспорта для вывоза в порт, судов для экспорта, а главное – заказов. Когда я встретил в московских магазинах великолепный манговый сок, произведенный в Мурманске, то подумал не об удачливых заполярных селекционерах, а о том, что за лизинг рыбацких сейнеров в Гвинейском заливе или за пойманную там рыбу африканский партнер, не имея валюты, рассчитался по бартеру плодами родной земли. К обоюдному удовлетворению.

Кстати, веками складывавшаяся местная агрикультура рассчитана на равномерное получение базовых продуктов питания в течение всего года. В танзанийской глубинке я видел на сельскохозяйственной станции 120 сортов бананов с разными сроками плодоношения и функциональным предназначением: от банкетных крохотных ароматных с нежнейшей розовой мякотью до знакомых нам по многочисленным лоткам громадных желто-белых, предназначенных для жарки.

А как поступают африканские рыбаки? В предрассветной дымке их выдолбленные из ствола пироги, украшенные замысловатыми рисунками и афоризмами, уходят в океан. Еще в часы утренней прохлады лодки возвращаются на берег с уловом. Женщины шумно и шустро сортируют рыбу и попутные морепродукты, которые тут же засыпают сверху битым льдом. К вечеру от него, естественно, ничего не остается, зато амбре от непроданной за день рыбы делает проблематичным для изысканного обоняния европейца выбор автомобильного маршрута вечерней поездки даже в относительной близости от рыбного порта. Ночью все это увозят мусороуборочные машины, обычно со специализирующимися в этом деле филиппинцами на борту.

От Дакара до Мапуту, от Луанды до Дар-эс-Салама – картина одна и та же. Суровый маятник рынка без жалости и эмоций сортирует то, что будет куплено и съедено, и то, что сразу пойдет в отбросы, самым обычным для местного рынка образом: наличием спроса, обеспеченного деньгами. Конечно, по отношению к таким скоропортящимся продуктам, как рыба, особенно в экваториальной зоне, роль машины времени мог бы сыграть элементарный холодильник. Однако денег на него обычно нет. Кроме того, а может

быть, и поэтому традиционное сознание воспринимает его с большим трудом как нечто не просто непривычное, а даже противостественное.

«Говорящее» платье как феномен социального позиционирования

Очень своеобразно смотрятся в зеркале времени и представлений о нем эстетические вкусы африканцев и особенно африканок. Здесь отличие от вестерн-стандартов красоты и моды еще более выразительное и принципиальное. Кажущиеся неискушенному взору европейца примитивно-бессмысленными, обильно расцвеченные весьма замысловатые узоры традиционного женского наряда могут нести сжатую информацию о взглядах на жизнь, мечтах, семейном положении, племенном статусе и о даже матримониальных планах и претензиях той, чье тело он покрывает и соответственно приоткрывает в заранее намеченных местах. И далеко не всякому дано умение «считывать» заложенный в структуру такого «говорящего» орнамента текст и тем более понять его сокровенный смысл. Я попросил «прочитать» одно из нарядных пышных платьев своего друга профессора Джоя Нкруму, сына первого президента первой в Африке освободившейся от колониализма страны Ганы. Получилось примерно следующее: *«Я девушка веселая, улыбочивая, но серьезная. Может быть, ты просто хочешь со мной поиграть в любовь и сбежать, если я тебя полюблю. Лучшее этого не делай. Я хороший человек. Кроме того, мой отец, дядья и братья в обиду меня не дадут. Зато тот, кто станет моим мужем, будет радоваться всю свою жизнь. Я нарожаю много здоровых ребятшек, а те подарят хороших внуков»*. И при этом ни одной буквы. Только символы, недоступные пониманию чужого.

Африканская мода, господствующая на рынке, – не что иное, как остановленное, словно засушенное в гербарии растение, прошлое время. Прыжков и ужимок она не знает. Ценится лишь пунктуальное повторение многократно испытанного, за исключением дешевых поделок для невзыскательных иностранных туристов. Дизайн в европейском понимании, по мнению африканцев, сугубо конъюнктурен, вторичен, эклектичен, явно не заслуживает траты времени и усилий на его воспроизведение. Он не может быть источником вдохновения ни для ремесленника, ни для торговца, ни

для серьезного покупателя. Ведь главное в изделии – выверенная временем функция, надежность и продолжительный срок служения человеку, чего заведомо нельзя сказать о причуде богатых – непредсказуемо скачущей, словно антилопа *импала*, преследуемая гепардом, капризной и обычно непомерно дорогой для обычного человека моде.

Уловить затаенный смысл причудливого сплетения функциональной значимости вещи, ее оформления и затраченного на ее изготовление времени мне помог случай. Среди несметного множества сувениров на «деревянном» рынке Маколо в столице Ганы Аккре взор привлекла живописная дамская сумочка из хорошо выделанной змеиной кожи. Уже приготовившись к неспешному диалогу о цене, ибо первоначально названная почти на порядок превышала реальную, замечаю на дне дырочку величиной в спичечную головку. Указываю продавцу на дефект, чтобы он подобрал мне другую такого же фасона.

Не тут-то было! Прежде всего, выяснилось, что ни он сам, ни его многочисленные коллеги, сбежавшиеся в ожидании развлечения по такому случаю едва ли ни со всего рынка, совершенно искренне не понимают, хотя стремятся это сделать, что же смутило белокожего. В доказательство ничтожности моих капризов, тщательно посоветовавшись, бросают в сумку несколько мелких предметов, старательно трясут ее, торжествуя показывая, что из нее ничего не выпадает! Наконец один из добровольных экспертов после моей демонстрации сумки на просвет таинственно исчезает, затем возвращается, сияя от гордости за собственную находчивость. На кончике его пальца – крохотный кусочек лейкопластыря, которым он публично заклеивает злополучное отверстие. Аргументация в таких случаях безупречно веская: здесь у змеи была рана, эта царапина оказалась на шкуре при её жизни, а отверстие – след от оружия во время охоты. Все это естественно, а потому прекрасно, и отнюдь не требует траты сил и времени на недоступную традиционному менталитету корректировку данного самой природой, а потому как бы освященного ею.

Словом, прогуливаясь по африканскому рынку, помимо неизбежных экзотических покупок, попутно совершаешь небольшое путешествие в Историю. Причем ожившее прошлое не мумифицировано в пропыленных фолиантах и пронумерованных музей-

ных экспонатах с неизменными табличками-разъяснениями. Оно протекает прямо перед глазами. И без слов «говорит» о том, что люди жили, живут и могут жить, строя свои отношения с природой и друг с другом иначе, чем в ставших для многих пределом мечтаний странах «золотого миллиарда». Это позволяет лучше понять африканцев и самих себя. И, кстати, более удачно приобрести особенно понравившиеся сувениры.

Человек для денег или деньги для человека?

Эта антитеза выражает подспудную «дискуссию» западного и традиционного понимания смысла жизни и характера экономики. Мне довелось прочувствовать их «нестыковку» на собственном опыте общения во многих странах Африки южнее Сахары. Своими впечатлениями хочу поделиться с теми, кого интересует и волнует загадочный и малознакомый нам мир тропиков.

Капитал по-африкански

В Западной Европе прологом капитализма и рыночной экономики стали первоначальное накопление капитала и протестантская этика добровольной аскезы ради материально обеспеченного будущего. Годится ли этот рецепт для других народов и стран в наши дни?

На рынках Африки я столкнулся с отсутствием зримой связи между ценой и стоимостью ремесленного товара, между процессом торговли и прибылью как его целью и результатом. Решил выяснить ситуацию с местными ремесленниками, рыночными торговцами и кочующими корабейниками-*диула*. Естественно, оперировать я мог только простейшими арифметическими выкладками: собеседниками обычно оказывались люди неграмотные и к тому же не умеющие толком считать. При покупке нескольких разных изделий сразу продавец, держа фасон, нередко называл общую сумму «от фонаря»: на его взгляд, значительную, но подчас в несколько раз меньшую, чем запрашивал, и в то же время намного превосходящую обычную скидку оптовому покупателю. Неоднократно в разных странах я собирал группу торговцев, завсегда-

ев рынка, и заводил с ними беседу о том, что выгоднее несколько снизить цену на товар, ускорив его оборот, и тем самым увеличить прибыль. Меня уважительно выслушивали, вежливо просили повторить сказанное, благодарили за полезную информацию, но... продолжали действовать по-своему, вернее, по традиции.

«А ведь они, пожалуй, во многом правы, – подумал я. – Действительно, зачем и куда так безоглядно спешить? К чему ненужная суета, лишние хлопоты, расчеты и, не дай Бог, просчеты? Все равно когда-нибудь кто-нибудь да купит... И вообще абстракции, связанные со временем, вырванным из привычного течения традиционной жизни, пока что с превеликим трудом воспринимаются обыденным сознанием африканцев».

Скажем, стоимость исходных материалов ремесленник либо торговец – обычно его родственник, как правило, сообщить могут. Что же касается рабочего времени, затраченного на изготовление изделия, то выделить его из астрономического еще сложнее, а оценить в деньгах вложенный труд вообще не под силу. Стоимость последнего в большей степени определяют традиция и конъюнктура рынка, а также настроение и сиюминутные потребности индивида, нежели реально затраченное время и уровень мастерства. *«Да, вообще, зачем обязательно прибыль? Разве в жизни нет иных целей и радостей? Ведь я при деле, среди людей. Я им нужен, как и они мне... Да и что с ней, с прибылью, делать, если ты не голоден, и дети твои сыты, одеты и ходят в школу?»*, – сообщил мне «по секрету» один из торговцев по имени Мамаду из столицы Нигера города Ниамей, где проходил тогда экономический семинар ООН.

В Гане, например, уличные торговки зеленью, фамильярно-нежно называемые *мамми*, горластые, настырные, динамичные, скопили довольно значительные, по здешним меркам, капиталы. Но, не зная, в силу отсутствия элементарного образования, куда их вложить и как ими рационально распорядиться, держат накопления под циновкой. А правительство тем временем пускает в продажу гражданам своей страны перспективные акции золотодобывающей компании «Ашанти Голдфилдс» по цене всего два доллара за штуку. Об этом ежедневно писали газеты. Но мамми читать не умеют, а во всякого рода ценные бумаги и обещания властей не верят. Поэтому их деньги остались в чулке, а контрольный пакет

акций национальной компании «уплыл» в Великобританию... Два года спустя эти акции стоили уже по двадцать долларов, в десять раз дороже.

Другой вариант накопления богатства, на сей раз живого, без его продуктивного использования – так называемая «быкомания» *фульбе* и других пастушеских народов, кочующих вдоль южной кромки Сахары. Их страсть к бесполезным в хозяйственном отношении быкам, ставившая в тупик еще древних историков, не так давно нашла объяснение в том, что социальный статус мужчины определяется количеством принадлежащих ему быков, которые, в свою очередь, ценятся по расцветке, длине и форме рогов.

Метаморфозы экономики потребления

Стереотип присваивающего хозяйства, когда найденное, добытое или полученное иным путем следует поскорее употребить по прямому назначению, служит серьезной помехой развертыванию местного предпринимательства. Налицо специфическая «невпитываемость» капиталов и «проедаемость» безадресных инвестиций в африканскую экономику, если при этом не учитываются местные традиции, формы социальной консолидации и менталитет.

...Как-то вечером несколько россиян уютно устроились на отдых в небольшом кафе на вольном воздухе у кромки Гвинейского залива. Любовались игрой волн у своих ног и переменной небесных декораций, суливших скорое завершение знойного дня. Покой нарушил эксцентричный сын Кавказских гор с громадными золотыми часами на браслете толщиной с полицейский наручник, в перстне размером с грецкий орех, замашками Креза из районного аула и прочими знаковыми атрибутами крутого «нового русского». Вначале озадаченный стюард принес нам «Мартини», которого мы не заказывали, с трудом выговаривая за доллар вымученную фразу: «От нашего стола – вашему столу». Гость постепенно входил в раж. Официанты немели от восторга, тем более, что он им оставил царские, по местным понятиям, чаевые. Под занавес, выстроившись в подобие шеренги, они залпом выпили за благодетеля по его команде даровую водку. На этом первое действие завершилось ко взаимному удовольствию обеих сторон.

Второе началось несколько неожиданно на следующий день, когда, проезжая по той же дороге вдоль океанского берега, я решил утолить жажду в знакомом кафе. И был удивлен: оно – среди бела дня – оказалось закрытым! Расстроенный хозяин, отсутствовавший вчера, доверительно рассказал, что молодые официанты – ребята, недавно пришедшие в город из окрестных деревень, не смогли утром головы поднять и до сих пор спят в прибрежных кустах. Причина – не в неожиданно полученных деньгах. Щедрость издавна расценивается здесь как достаточно верный путь к престижу и успеху. Просто менталитет молодых людей, воспитанных в атмосфере присваивающего хозяйства, не был настроен на «волну» будущего времени, планирования, предвидения, активного воздействия на собственную судьбу. Ему оказалась чужда и неподъемна сама мысль о накоплении, вложении денег в какое-то дело, покупку акций того же кафе, например. Или о другом варианте отсроченного потребления, скажем, приобретении подарков для многочисленной сельской родни и сверстников на случай посещения родной деревни, откуда их сманили огни большого города. Гораздо ближе, душевнее, понятнее показался другой стереотип. Появились деньги, тем более нежданно-негаданно, не томи душу, не искушай – истрать! Как? Пример продемонстрировал щедрый даритель. Ну, а то что местные парни не учли многовековой тренировки и невиданной нигде в мире устойчивости нашего брата-россиянина к крепким напиткам, так это им можно простить... Впрочем, я очень хотел бы выслушать их версию случившегося у затерянного в джунглях ночного костра в кругу удивленных родных и близких, никогда не бывавших дальше соседнего селения...

Магазин – «потомок» места обмена дарами

Выражая глубокую и искреннюю признательность африканским друзьям, знакомым и просто встреченным по жизни людям, позволю себе привести несколько жизненных ситуаций, наглядно показавших мне, сколь ничтожна подчас цена денег и прибыли для африканца в сравнении с эмоциональным порывом, душевным комфортом, чувством симпатии и морального удовлетворения. Как легко и непринужденно, тактично и грациозно они, люди далеко не богатые, буквально на глазах решительно отказывались от верного

дохода, смело действуя себе в убыток в коммерческом смысле, как бы повинуюсь древнейшему инстинкту отнюдь не слащавой благотворительности, а суровой, таинственной, скрытой в глубинах архаической психики сопричастности, язычески сакрального единения в чем-то невоспринимаемом всеу Вышнем! Эпизоды, о которых пойдет речь, могут показаться мелкими, частными, нерепрезентативными. И тем не менее в них, как в капле воды, отражается обобщенный «скелет поведения», по выражению нобелевского лауреата Конрада Лоренца, тысячелетиями складывавшийся в иной, чем европейская, самобытной цивилизации. И пронзает мысль: время радости и достоинства важнее денег, обычно связанных для африканца с грустью отторжения ради них чего-то близкого, важного, дорогого для души.

Бывая довольно часто в Гане, я регулярно делал нехитрые покупки в одной приглянувшейся мне лавчонке. Дородный немолодой хозяин обычно величественно дремал в предназначенном для веранды раскладном кресле. Дела вершила его бойкая, верткая, улыбчивая супруга. Однажды моя командировка неожиданно продлилась на неопределенное время. Надежной связи с Москвой в сезон дождей почти неделю не было. Я не знал, насколько растянется мое автономное – в финансовом смысле – пребывание здесь. Ситуация вынудила перейти на режим жесткой экономии, сменить гостиницу на более скромную и т. п. Ни с кем из местных жителей своими заботами я не делился. Тем большим было мое удивление, когда однажды хозяйка лавки с непроницаемым поначалу лицом вручила мне в качестве «сдачи» сумму, большую, нежели значилась на предъявленной мною к оплате купюре. Я указал ей на ошибку, пошутив насчет двойки по арифметике. Она, учтиво улыбнувшись, непривычно настаивала: *«сегодня так надо»*, сделав акцент на слове «сегодня» и тем самым разъясняя свой необычный жест. Несомненно, по каким-то, только ей ведомым признакам, она прочувствовала ситуацию. И деликатно пришла на помощь, делом продемонстрировав загадочно-непостижимый для западных экспертов феномен «торговли без прибыли».

Действительно, что бы сделал, к примеру, находясь на ее месте, добропорядочный и расположенный ко мне немец? Скорее всего, дал бы продукты в долг, помог бы устроить кредит, ускорить по его каналам получение денежного перевода с родины, рекомен-

довал бы лавку подешевле, пригласил бы поужинать или что-то в этом роде. А африканка поступила именно так, как она поступила бы сто, тысячу, десять тысяч лет назад. В ее глазах помощь мне – не кредит, а дар! Не коммерция, а живой реликт уравнительного распределения, дележа пищи с другим человеком, с гостем, своим далеким собратом.

Я не перестаю завидовать умению африканцев легко и изящно преодолевать психологические барьеры в отношениях с иностранцами, их удивительной толерантности, «чувствованию» другого человека, личной сопричастности к делам того, с кем их свела Судьба. Эта история вспомнилась мне много позже, когда пропустившая посещение детского сада из-за простуды трёхлетняя внучка Настя трогательно попросила по телефону: *«Игирь! Приезжай, я соскучилась. Мы будем играть в магазин. Я тебе всё бесплатно продам!»*

Разговор дороже денег

Время полезного общения и приятного внимания, оказанного лично ему достойным, по его мнению, человеком, для африканца священо. И его жаль осквернять замусленными бумажками, принесенными европейцами вместо полезных для стрел и украшений крученных железных «денег» *киси* в Лесной Гвинее или раковин *каури*, «курс» которых колеблется от 60 центов на океанском берегу до 3 долларов в глубине континента.

Как-то в полдень еду в такси через центр города. Вдруг небо потемнело. Раздался странный, ни на что не похожий шум и гам. Словно в фильмах Хичкока, столицу буквально «накрыла» несметная стая какой-то разновидности летучих мышей, называемых здесь летающими собаками. Почти все мужское население от мала до велика высыпало из домов и машин. В руках появились невесть откуда взявшиеся обычные мальчишеские рогатки. Началась тотальная охота. Землю быстро усеяли тела ее беззащитных жертв. Тут же зажглись мангалы. Судя по всему, готовилось отнюдь не вегетарианское пиршество. Движение на дорогах, естественно, замерло, тем более что пробка здесь дело вполне обыденное.

Водитель, с которым мы переживали и переживали столь пикантное зрелище, оказался почти единственным, кто не покинул машину, не выскочил на дорогу и не включился в развернувшуюся

там вакханалию. Может быть, постеснялся оставить меня в одиночестве? Чтобы не выглядеть чопорным иностранцем и избавиться от собственной растерянности, я вступил с ним в бесхитростный житейский разговор. Слово за слово, нашли общий язык и взаимные познавательные интересы, незаметно забыв о безвозвратно утекающем времени и на глазах разрушающихся сегодняшних планах.

Неожиданным оказался финал завершившейся, в конце концов, поездки: «Ваше общество и беседа с вами доставили мне большое удовольствие. Поэтому я возьму с вас плату только за бензин. Остальное вам наверняка пригодится. У такого человека должно быть много друзей. Пусть их порадуют хорошие африканские сувениры. Кстати, здесь рядом наш знаменитый на всю Африку “деревянный рынок”. И не отказывайтесь, не обижайте меня. Я вовсе не потратил понапрасну время, проведенное с вами. Напротив, я *приобрел* его, к тому же вместе с новыми, важными для меня впечатлениями и пищей для размышлений».

Другой характерный эпизод также был связан с поездкой по городу. Стою как-то на оживленном перекрестке в самом центре. Жду такси на автобусной остановке. Неожиданно рядом со мной тормозит местная маршрутка, называемая в народе «*тру-тру*», во всей своей обычной экзотической красе: с неизменно выбитыми стеклами (зачем они в такую жару, если нет кондиционера?), висящей на одиноком проводе фарой и вырванной с корнем другой, оторванной дверью, какими-то мешками и козой на крыше, зато с бойкими афоризмами, начертанными на размалеванных бортах.

Все разом – улыбающийся водитель, любопытствующие пассажиры и я – поняли, что это – лихая шоферская шутка. Ведь европейцы, будто соблюдая какое-то непреодолимое вслух табу, никогда не пользуются этим сугубо местным видом транспорта. «А почему нет?» – спросил я сам себя и под растерянными взглядами прохожих решительно забрался в чрево необычного микроавтобуса. Немного смущенные люди потеснились, уступили мне одно из сидячих мест, некогда бывшее креслом, и мы двинулись в путь. Я попросил высадить меня на площади капитана Санкары, откуда было рукой подать до моей гостиницы, расположенной на параллельной улице.

Каково же было удивление охраны и обитателей отеля, когда сквозь строй растерявшихся служителей в униформе к парадному подъезду приблизилось столь живописное сооружение на ко-

лесах. Если бы здесь появился живой динозавр, изумление вряд ли могло быть большим. Впрочем, пика оно достигло, когда на пороге появился постоялец из далекой и, по их мнению, вечно заснеженной Москвы, на окраинах которой по ночам бродят белые, как снег, медведи.

По негласно принятым расценкам, путь на такси от посольства до гостиницы с интригующим названием «Джи Ньюме» (в переводе с языка *акан*: «Да поможет мне Бог!») обычно обходился в тысячу седи. Соответствующего достоинства купюру я и протянул водителю, приветливо прощаясь с ним и со своими неожиданными попутчиками.

И тут я услышал нечто, меня поразившее не меньше самой поездки: *«Это – моя страна, а не ваша (Боже упаси, у меня и в мыслях не было каких-либо гегемонистских устремлений!). Не спорьте со мной! (Было бы о чем?). Вы такой же, как все мы, здесь сидящие (Естественно, как и шесть миллиардов обитателей планеты, включая пассажиров автобуса). Вы ведете себя, как африканец, как свой, как родственник или друг (Это, конечно, гипербола, но в данном случае приятная). Поэтому я просто обязан взять с вас за проезд ровно столько, сколько предусмотрено государственным тарифом для граждан нашей страны – 125 седи, и ни одним больше. А эту тысячу оставьте, когда поедете на легковом такси. Или вы теперь будете всегда ездить с нами?»* (Общее веселье). – *«Но ведь вы отвезли меня на другую улицу, отклонились от маршрута, сделали ради меня крюк...»* – *«Это – не более чем дружеский жест уважения; ответ на ваше уважение к нам. К тому же маршрут был изменен с согласия и более того – по предложению самих пассажиров, желание которых для меня – закон. Не переживайте! Нам некуда спешить. Мы живем размеренно и спокойно, не то, что вы, европейцы. А потому времени у нас много. На все хватает. Даже остается. Так что всего хорошего, друг!»*

Таксист предлагал клиентам не плоды своего труда или щедрой африканской природы, как торговцы на рынке, а транспортную услугу. Однако нетрудно заметить в его отношении к пассажирам и деньгам изначально-благородные черты первозданного традиционного гуманизма, наивного и чистого в своей незатейливой простоте. Те самые черты, которые в индустриальной цивилизации Запада напрочь исковеркал и изувечил «дикий» капитализм,

заставляя теперь мучительно искать новые замысловатые пути к давно утраченному «старому» отношению людей друг к другу и к природе не обязательно через деньги, как бы «рядом» с ними и, по возможности, минуя их.

Будь моя воля, я бы специально для европейских посетителей вывесил над африканскими рынками фольклорный сюжет самого крупного в Нигерии народа *йоруба*, который можно перевести как «Прорицание». Перевожу смысл этого текста:

*Мудрость – вот красота человека.
Деньги не помешают ослепнуть,
Деньги не помешают оглохнуть,
Деньги с ума сойти не помешают.
В любой части тела гнездятся болезни.
Так что ты лучше пойд и подумай,
Пойди и подумай, и выбери мудрость.
И жертву принеси, чтоб во всем твоём теле
Мир воцарился внутри и снаружи.*

Эти первозданные и кажущиеся наивными представления о роли денег в обыденной жизни людей обретают удивительно актуальное звучание в эпоху, когда вещный и тем более золотой эквивалент универсального средства сравнения и обмена продуктов, товаров и услуг на глазах «испаряется» из виртуальных финансовых и банковских операций. Романтические и религиозные покровы с многих возникших в эпоху индустриализма экономических процессов спали, обнажился их антигуманный смысл. В странах «золотого миллиарда» и особенно в их отношениях с остальным миром отчётливо выявилась денежная доминанта межличностных и международных отношений. Человек существует как бы в роли марионетки всемогущих, вездесущих, становящихся невидимыми и незримо всё контролирующих денег. «Цивилизованные» отношения между людьми явно либо подспудно опосредуются деньгами, обретающими огромную власть над людьми. «Невидимая рука» пронизанного электроникой глобального рынка жестоким скальпелем давно уже несправедливой конкуренции, безостановочной гонки за прибылью, во что бы то ни стало, неутолимой жажды наживы ампутирует целые пласты человечности даже у граждан экономически развитых государств, цинично превращает в дешёвый источник природного сырья и интеллектуального гра-

бежа страны с переходной экономикой, ставит на грань вымирания народы стремительно нищающего «четвёртого мира», грозящего стать очагом планетарного отчаяния, экстремизма и терроризма.

Да и сами деньги в эпоху информационной экономики меняют не только свой внешний купюрно-монетарный облик, но и глубокий социальный смысл. Лучшие умы человечества давно и упорно размышляют над тем, как вернуть деньгам хотя бы относительно справедливую «цену». А также присущую им на заре возникновения роль связанного с реальным производством гибкого и психологически адекватного социального регулятора хозяйственных отношений и связей, исключаящих тотальную дискриминацию миллиардов людей кучкой из нескольких сотен сверхбогатых финансовых кланов, до блеска отточивших ремесло «производства» денег из денег, вне зависимости от реальных проблем и нужд человечества. Из ежедневно «прокручиваемого» в банках мира триллиона долларов только десятая часть непосредственно связана с обслуживанием производства и потребления. Остальные воспроизводят сами себя. А поскольку закон сохранения является универсальным источником немалой прибыли для банковской системы, фактически оплачивает эти финансовые салто-мортале всё остальное человечество. Недаром банки и корпорации даже визуально отгородились от обычного люда не только до зубов вооружённой охраной, но и бронированными затемнёнными стёклами, как бы отсекая виртуальное Зазеркалье своих финансовых придумок и замысловатых причуд от реальной жизни простых людей.

Кстати, наличные деньги в их оторванном от реальной стоимости виде являются непосредственной питательной средой большинства видов преступности и терроризма. Известно выражение: терроризм – это не война, а бизнес. В этом ключе показательна связь оборота наличных и безналичных денег с уровнем уголовных правонарушений. Если индекс России принять за 100, то в США он равен 10, в Австралии – 1,5. А в Сингапуре –1! Совпадение в уровне криминализации отчётливо прослеживается по обеим номинациям!

По мнению известного писателя – футуролога Артура Кларка, единицей и эталоном денежного «измерения» и сопоставления основных факторов социальной жизни должен стать универсальный и легко измеряемый продукт и предмет современного производ-

ства и потребления – *киловатт-час электроэнергии*. Кстати, эта идея привязки денежного содержания к основным компонентам хозяйства вкупе с осуждением «бесхозяйственного» паразитического ростовщичества прозорливо прописана А.С.Пушкиным в романе «Евгений Онегин». Я имею в виду его размышления о том, «как государство богатеет и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». Свое отношение к ссудному проценту, ставшему два века спустя глобальным средством надгосударственного управления, мудрый поэт выразил метафорами, не оставляющими на этот счёт никаких сомнений.

*«Бесенок, под себя поджав своё копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.
Горячий капал жир в копчёное корыто
И лопал на огне печёный ростовщик.
...Сей казни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в предмете,
Жир должников сосал сей злой старик
И их крутил безжалостно на нашем свете.*

Каждый из нас, задумавшись, легко найдёт тьму примеров того, как деньги, особенно взятые или отданные в долг, становились помехой и искривляли или, как минимум, напрягали отношения с другими людьми, в том числе и с самыми близкими. Вот почему я испытывал непонятный мне самому поначалу подспудный духовный комфорт, когда волею случая оказывался среди простых африканцев. Для многих жителей Африканского континента до сих пор отношения людей друг к другу – это одно, а товарно-денежные отношения – нечто *иное*, рядом лежащее, будто отдельный, хотя и не отделенный китайской стеной от остальной жизнедеятельности фрагмент их нынешней жизни. Или, как мудро резюмировал содержание одной из взрослых телепередач мой трехлетний внук Саша: *«Деньги – не главное в жизни. Главное – соблюдать закон»*. А, немного подумав над сказанным, разъяснил: *«Здоровье, например, важнее денег»*.

Словом, не **человек** для денег, а деньги **для человека!**

ИСТОРИЯ ВЫБОРА

Ольга Шульман

Августин о выборе: “De libero arbitrio I–III”

Проблема свободы воли у Августина привлекала множество средневековых мыслителей и необозримое число современных исследователей¹. Здесь мы попробуем проследить ход мысли Августина в одном, отдельно взятом трактате.

Трактат «О свободе воли» (*De libero arbitrio*) – один из текстов, написанных Августином в 388 г., в период между крещением и рукоположением. Здесь Августин размышляет о происхождении зла – проблеме, занимавшей важное место в его интеллектуальных и духовных исканиях. Является ли Бог источником зла? А если нет, то откуда возникает зло? По собственному признанию Августина, именно решение этой проблемы привлекло его в манихействе: «Августин: Ты теперь коснулся того вопроса, который меня сильно беспокоил, когда я был юношей, и который заставил меня, измученного, примкнуть к еретикам и пасть» (*De lib. arb. I.2*)².

Краткое сопоставление манихейства и христианства дает в своих лекциях по средневековой философии М.Суини: «Манихейство – религия, у истоков которой стоял пророк Мани (ок. 216 – ок. 276), живший в Персии и объединивший в новой религии элементы зороастризма, гностицизма, буддизма и христианства. Мани учил, что изначально существовали две отдельные божественные силы: свет (благое начало) и тьма (злое начало). Сатана, порождение тьмы, вторгся в царство света, что привело к тому смешению тьмы со светом, которое являет собой наш мир. Цель этой религии – восстановить первоначальное положение вещей: отделить

свет от тьмы. Манихеи заявляют, что им известен секрет человеческой природы: истинное Я есть лишь благо (свет). Тело, страсти и сексуальность являются злом (тьма), но они не затрагивают истинного Я. Спасение есть освобождение от неистинного Я, т. е. отрешение от тела и от материального мира. Христианство расходится с манихейством по четырем важным пунктам. Во-первых, постулируя существование двух изначальных субстанций, манихейство отвергает монотеизм. Во-вторых, согласно христианскому представлению о творении, основывающемуся на Книге Бытия, материальный мир благ, тогда как для манихейства он является злом. Далее, в манихействе благое начало пассивно. Зло не может быть побеждено или изменено: манихейская доктрина учит лишь распознавать в себе благое начало. Зло же является активной силой, что проявляется в изначальном нападении на благо, которым объясняется несовершенство мира. Чтобы снять с Бога ответственность за существование зла, Мани отрицает всемогущество Бога (божественной субстанции). И наконец, из манихейского представления о материи как о злом начале следует, что Христос обладал лишь видимостью человека»³.

Манихейство – рациональная религия, оно обращается к разуму человека. Для объяснения природы зла в манихействе не нужна вера. «Если Бог благ и не может быть ответственным за существование зла, то зло является субстанцией, отделенной от Бога. Тогда мы имеем дуализм: есть субстанция зла и субстанция блага»⁴.

В трактате «О свободе воли» Августин утверждает, что познание истины без веры невозможно: «Если не поверите, то не поймете (Ис. 7, 9) (*Nisi credideritis, non intellegetis*)⁵» (De lib. arb. I. 2). Для Августина эта формула вытекает из следующего открытия: Бог искал нас еще до того, как мы стали искать Его. Вера означает, что Бог уже присутствует в нашем поиске: «Ведь Бог будет с нами и даст нам понять то, во что мы верим (*Aderit enim Deus, et nos intellegere quod credidimus, faciet*)» (Там же). В трактате «О свободе воли» Августин дает вполне философское объяснение природы зла: здесь нет посылок, которые надо принимать на веру. Тем не менее сама аргументация явилась результатом божественного вмешательства в жизнь Августина, а также плодом обретенной им веры в то, что Богу требуется не только наша вера, но и наше разумение.

«Главный вопрос трактата “О свободе воли” состоит в том, является ли Бог ответственным за зло. Каким образом с Бога, единственного творца, может быть снята ответственность за зло? Разве Бог, сотворивший человека, не отвечает за зло, причиняемое человеком? Речь здесь идет не о природном зле, т. е. не о смерти, болезнях и стихийных бедствиях, но о зле, которое исходит от человека. Августин приводит примеры того зла, поисками причин которого он занят: это прелюбодеяние, убийство, богохульство. Человеческое моральное зло – главный аргумент против того, что Бог благ и всемогущ. Более того, существование морального зла – наиболее важный аргумент против существования Бога. Может показаться, что если есть моральное зло, то нет такого бога, в которого верят христиане»⁶.

Чтобы решить эту проблему, Августин указывает, что во Вселенной есть порядок, иерархия бытия. Порядок проявляется в отличии между существованием, жизнью и пониманием. Жить лучше, чем просто существовать (бытие животного выше, чем бытие камня), а понимать, т. е. обладать разумом, – лучше, чем просто жить (бытие человека выше, чем бытие животного). Порядок – это вечный закон, который, по мнению Августина, мы должны соблюдать. «Августин: Итак, для того, чтобы я мог кратко объяснить, насколько это возможно сделать словами, понятие вечного закона, соблюдение которого возложено на нас, [дам ему такое определение]: это такой закон, в соответствии с которым справедливо, чтобы все вещи находились в наиболее совершенном порядке» (I.6). **Соблюдение порядка – справедливость**, указывающая каждому его место в соответствии с иерархией бытия: лучший должен управлять худшим, низший должен подчиняться высшему.

В человеке тоже есть иерархия: разум господствует над желанием. Когда желание встает над разумом, человек утрачивает свободу, становится рабом желания, правление которого напоминает тиранию. Результатом несоблюдения справедливости, отвечающей естественному порядку, является потеря власти над собой. Всякая попытка обрести свободу, восстав против естественного закона справедливости, ведет к утрате свободы. Наибольшая свобода заключается в соблюдении справедливости, подчинении вселенскому порядку.

«К этому же представлению о порядке Августин прибегает, пытаясь объяснить, что представляет собой зло и что является причиной зла. Зло есть недостаток или отсутствие порядка. Зло появляется тогда, когда от природы низший становится высшим, а от природы высший становится низшим. Если зло есть недостаток или отсутствие порядка, то оно не является чем-то позитивным. Зло – не субстанция, как считают манихеи; напротив, это отсутствие природного порядка. Более того, если отсутствие природного порядка приводит к рабству, то зло есть слабость, а не сила. Зло есть отсутствие упорядоченности в любви, неспособность любви соблюдать естественную иерархию бытия. Зло есть любовь, не соблюдающая справедливость, поскольку она не обращает внимания на то, как вещи устроены. Зло возникает тогда, когда любовь к какому-то предмету, вместо того чтобы быть соразмерной его положению в естественной иерархии, становится слепой, не замечающей места предмета, положенного ему природой. Зло не является чем-то, но есть беспорядочное желание чего-то»⁷.

Августин утверждает, что низшее не имеет власти над высшим. Власть и превосходство совпадают, так что лучшее является и сильнейшим. Разум от природы выше желания, поэтому он превосходит желание силой. «Августин: Как ты думаешь, существует ли желание более сильное, чем разум, чье господство над желаниями, как мы знаем, установлено вечным законом? Я-то ни в коем случае так не считаю. Ведь это никак не соответствовало бы порядку, если бы более слабое управляло более сильным. Поэтому я полагаю несомненным, что разум сильнее страсти. Это следует из того самого факта, что его господство над страстью правильно и справедливо» (I.10). **Однако если разум теряет свое господствующее положение, соответствующее природе, то вернуть его может лишь с помощью благодати.** Об этом свидетельствует собственный опыт Августина, отраженный в «Исповеди»: история избавления от страстей с помощью Божией.

Если ничто из низшего по отношению к человеческому разуму не может подчинить его желанию, став таким образом причиной зла, то ничто из высшего по отношению к нему не хочет подчинять его желанию и причинять зло. Высшее бытие не станет использовать свою власть, чтобы стать причиной зла, поскольку выше человеческого разума есть только Бог. «Августин: Поэтому тебе остается

ся ответить, если ты можешь, не кажется ли тебе, что существует нечто превосходящее рациональную и мудрую душу? – Эводий: Я думаю, только Бог. – Августин: Таково и мое мнение» (I.10).

Так Августин приходит к ответу на вопрос, кто отвечает за моральное зло. Если то, что выше разума, не станет подчинять его желанию, а то, что ниже его, не может этого сделать, то значит, человеческий разум сам подчиняет себя желанию. Причина зла находится в самом человеке: разум решает отдать себя в рабство тирании желания. Эта способность выбирать есть воля – власть разума над самим собой и над своими желаниями. Зло представляет собой свободный выбор индивида. Хотя человеческий разум от природы выше желания, он стоит перед необходимостью сделать выбор в пользу этого превосходства. Вопрос о разуме (о его главенстве над желанием) неотделим от вопроса о воле (какой выбор мы совершаем).

Соблюдение естественного порядка, справедливость, является также и счастьем. Избыточная любовь к мирскому, к таким вещам, как здоровье, физическая сила, красота, политическая свобода, семья и друзья, почести и деньги, приводит к несчастью, поскольку ничто из этого не находится в нашей власти. Нам суждено испытывать либо боль от потери мирских вещей, которые мы любим, либо страх потерять их. Мы свободны и счастливы только испытывая любовь к тому, что невозможно потерять. «То, что определено не может быть утеряно нами против нашей воли, есть сама наша воля. Поскольку воля и есть способность к самоконтролю и самообладанию, мы не можем потерять свою волю против своей воли. Тем не менее, когда воля выбирает зло, т. е. когда стремление к мирскому одерживает верх, происходит потеря свободы и власти воли над самой собой. Достижение счастья возможно только при обращении от мирского к вечному. Воля останется свободной, а человек – счастливым, если только будет соблюдаться естественный порядок»⁸.

Итак, зло можно определить как обращение воли от вечного к мирскому. Зло есть избыток любви к тому, что может быть утеряно помимо нашей воли. Одни люди любят высший закон, соблюдают естественный порядок; они счастливы, даже если и теряют мирские блага. Другие выбирают любовь к мирским вещам и неизбежно становятся несчастны, даже если и не кажутся таковыми.

В вечном законе счастье и благо совпадают. Августин полагает, что доказал это с помощью философской аргументации; однако, по любопытному замечанию М.Суини, «утверждение Августина о том, что истинная природа зла открылась ему через веру, наводит нас на мысль, что окончательным авторитетом оказывается его собственный опыт: опыт несчастья, когда он жил по земному закону; и опыт счастья, когда благодатью Христа он вернулся к вечному закону»⁹. Видимо, Августин взывает и к нашему собственному опыту, ожидая, что он окажется столь же плодотворным.

В противоположность манихеям, Августин считает, что материальный мир благ. Однако, поскольку существует иерархия, материальный мир не является наивысшим благом. Вводя понятие порядка, Августин одновременно отвечает и манихейству, и материализму. В трактате «О свободе воли» Августин утверждает, что вещи мира благи, но не настолько благи, как вечные вещи. К вещам мира можно испытывать любовь, но не такую, как к вечным вещам. Даже в несчастье есть благо: оно обращает нас к вопрошанию и к поиску высшего счастья. Хотя, конечно, несчастье само по себе не является высшим благом.

В первой книге Августин установил, что за моральное зло ответственна воля человека, а не Бог. Во второй книге рассматривается вопрос о том, правильно ли поступил Бог, наделив человека свободной волей, что привело к появлению зла в мире. Но действительно ли именно Бог наделил человека свободной волей? Действительно ли всякое благо исходит от Бога? И, наконец, Августин подходит к наиболее фундаментальному вопросу – о существовании Бога. «Августин: Давай будем вести наше исследование в следующем порядке, если ты не против: первое – из чего явствует, что Бог существует; затем – происходят ли все благие вещи, сколько их есть и какие они ни есть, от него; и наконец, следует ли отнести свободную волю к благим вещам» (II. 3). **Августин и Эводий** уже уверены в существовании Бога, в том, что от Него исходят все благие вещи, и в том, что свободная воля есть благо. Однако эти тезисы следует доказать, обогатив веру разумением. «Эводий: Хотя я твердо усвоил это [то, что Бог наделил человека свободной волей, и, сделав это, поступил правильно] в вере, все же, поскольку я не усвоил этого в разумении, давай поведем исследование так, как если бы все это было чем-то требующим выяснения» (II.2).

Во-первых, такое доказательство предназначено для неверующих. «Августин: Таким образом, если бы один из тех, о ком сказано – “Безумец произнес в сердце своем: “Нет Бога” (Пс. 13, 1), – сказал бы это тебе и не поверил бы в то, во что ты веришь, но пожелал бы узнать, истинно ли то, во что ты веришь, оставил бы ты такого человека или подумал, что его можно каким-то образом убедить в правильности того, во что ты так твердо веришь?» (II.2). И во-вторых, философское исследование необходимо, поскольку верующий тоже стремится к пониманию: доказательство истин откровения – часть созерцательной жизни христианина. «Эводий: Но мы стремимся знать и понимать то, во что мы верим. – Августин: Ты, без сомнения, к месту припомнил то, что было установлено нами в начале предыдущей книги и что мы не можем отрицать. Ведь если бы вера и понимание не были разными вещами и если бы вера не была условием понимания великого и божественного, то слова пророка: “Если не поверите, то не поймете”, были бы сказаны напрасно» (II.2).

Свое доказательство Августин начинает с утверждения: я уверен в собственном существовании. Августин здесь спорит с академиком, учением которых он одно время увлекался. Если я мыслю, то я существую. Но даже если я сомневаюсь в собственном существовании, то существую, ибо нельзя сомневаться не существую. Далее Августин говорит о некоторой внутренней иерархии. Я знаю, что я существую, но я также знаю, что живу и познаю, а жить лучше, чем существовать, и познавать лучше, чем просто жить. «Августин: Таким образом, поскольку очевидно, что ты существуешь и что это не могло бы быть очевидным, если бы ты не был живым, то очевидно и то, что ты живой... Августин: Итак, этот третий пункт очевиден – то, что ты познаешь... Августин: Что из этих трех вещей кажется тебе наиболее превосходным? – Эводий: Познание» (II.3). Доказательство бытия Бога начинается с постулирования собственного бытия, в котором есть определенный порядок. Августин выстраивает иерархию познания. «Августин: То, что представляется ясным: во-первых, телесные органы чувств ощущают бестелесные предметы; второе – сам факт ощущения не может ощущаться самими органами чувств; третье – во внутреннем чувстве и воспринимаются телесные объекты через органы чувств, и ощущается сам процесс

восприятия; четвертое – в разуме отображается все вышеуказанное и деятельность самого разума и все это составляет познание. Разве тебе так не кажется?» (II.4). Затем, тот, кто выносит суждение, выше того, о чем суждение выносится. Внутреннее чувство судит о внешних чувствах, а разум судит о внутреннем чувстве. Высшую позицию в познании занимает то, что наиболее удалено от внешних чувств. И наконец, если есть что-то высшее человеческого разума, превышающее познание, то это Бог. «Августин: Что, если нам удастся найти нечто, о чем мы можем быть уверены, что оно не только существует, но и превышает наш разум, разве ты бы не сказал, чем бы оно ни являлось, что это и есть Бог? ...Но спрошу тебя: если ты придешь к выводу, что выше нашего разума существует только нечто вечное и неизменное, будешь ли ты сомневаться, что это Бог?» (II.6).

Интересно комментирует это рассуждение Августина М.Суини: «Эти пять посылок отмечают шаги аргументации, но они также представляют собой рассказ о внутреннем путешествии души к Богу – о ее возвращении к Богу. И доказательство, и духовная жизнь начинаются с обращения от мира к самому себе, а внутри себя – от чувств к разуму. Отказываясь от погруженности во внешний мир, мы буквально возвращаемся к нашим чувствам, т. е. к душе как к инструменту познания. Поднимаясь внутри человеческой души от низших этажей познания к высшим, мы оставляем материальное и внешнее позади. Тем не менее внутреннее путешествие нельзя назвать прогрессирующим солипсизмом. Мы бы остались наедине с собой, если бы человеческий разум был высшей реальностью; итог внутреннего пути был бы темницей, если бы в конце этого восхождения не открывался новый путь – за пределы разума. Рассуждение Августина опирается на доказательство того, что разум, не меньше чем чувства, открыт вовне. Однако разум открыт не внешнему телесному миру, расположенному ниже души, но вечному и неизменному миру над ним»¹⁰.

Познание материального мира начинается с чувств. С их помощью мы можем воспринимать один и тот же объект, но мы не можем испытывать чувств друг друга. Вкус – наиболее индивидуальное ощущение: два человека могут попробовать одну и ту же булку, но не могут попробовать один и тот же ее кусочек. Зрение обладает более общей природой: два человека могут видеть один

и тот же объект, хотя с разных точек; аналогично обстоит дело со слухом. Чувственное восприятие индивидуально в той мере, в которой ограничено материей.

В чисто интеллектуальном познании математических истин человеку открывается более общая реальность. «Августин: Подумай-ка и скажи мне, может ли быть найдено то, что является общим для всех мыслящих своим собственным разумом и умом, поскольку это видимо всеми; и в то же время оно, будучи воспринимаемо теми, кто имеет с ним дело, не изменяется так, как изменяются пища и питье, но остается в целостности и полноте, видят они это или не видят? Или же ты считаешь, что такая вещь не может существовать? – Эводий: Более того, я считаю, что таких вещей много, и достаточно дать один пример – пропорции и истина числа видимы всем мыслящим» (II.8). **Одна и та же математическая истина может быть известна многим людям. Она вечна и неизменна. Никто не выносит суждение о ней, но о всяком выносятся суждения в соответствии с ней. «Совершив восхождение к разуму, мы испытываем не гордость, а смирение: мы обнаруживаем, что тот критерий, сверяясь с которым разум выносит суждения, не принадлежит нашему разуму, это всеобщее достояние, а не частная собственность», – замечает М.Суини¹¹. «Августин: Однако я обещал, если ты помнишь, показать, что существует нечто выше нашего ума и нашего разумения. Так вот оно – это сама истина» (II.13). Обнаружение вечной истины доказывает существование Бога. «Августин: Однако ты сказал, что, если мне удастся доказать, что существует нечто превышающее наш разум, ты признаешь, что это Бог, если нельзя будет показать, что есть нечто еще более высшее. Приняв твое условие, я сказал, что достаточно будет доказать это. Ведь если есть нечто превышающее истину, то это Бог; если же нет ничего выше ее, то сама истина и есть Бог» (II.13).**

Основу всякой математики составляют числа, которые состоят из единиц. Но откуда мы знаем о единстве? Тела не могут быть источником этого знания: всякое тело состоит из частей (в пространстве) и меняется во времени, следовательно, характеризуется множественностью. В телах есть подобие единичности, но не сама единичность. Но мы не могли бы распознавать этот подобие, если бы не знали об оригинале. Поэтому знание единичного предшествует знанию многого. Следовательно, знание нематериального

является основой знания материального, а изменение осознается благодаря знанию о неизменном. Только Бог поистине един и неизменен. Без Бога невозможно познание математики, материи и изменения. Все знание опирается на Бога как на критерий единства, поскольку мы не способны познать ничего, что не является единым в той или иной степени.

В познании отражается та же зависимость, которая существует в реальности: все зависит от Бога как от причины единства, ведь ничто не может существовать, не будучи в какой-то степени подобным единому. Августин отождествляет форму вещи с ее числом: бытие зависит от бытия единым. «Августин: Посмотри на небо, на землю и на море: все, что либо светит наверху, либо пресмыкается, летает и плавает внизу – все это обладает внешними формами, потому что обладает числом. Устрани эти две вещи, и ничего не останется. Где лежит исток их существования, если не в числе. В действительности они обладают бытием, поскольку обладают числом» (II.16). Таким образом, все множественное зависит от единого в своем бытии. В нашем знании отражено онтологическое первенство Единого. Ничто из того, что не причастно единству, не существует и не познаваемо. «Августин: При рассмотрении же вещей, подверженных изменениям, тебе не удастся постигнуть их ни телесными чувствами, ни умозрением, если только они не удерживаются какой-то внешней формой числа, по удалении которой они распадаются и превращаются в ничто. Не сомневайся в том, что если уж существование этих изменяющихся вещей не прерывается окончательно, но, совершая размеренные движения и принимая различные формы, они как бы отмеряют некие временные отрезки, то существует некая вечная и неизменная форма, которая не удерживается и не распространяется по поверхности, не удлиняется и не изменяется во времени – форма, благодаря которой все эти вещи получают способность быть оформленными; и в соответствии со своим родом они могут составлять материальные числа времени и пространства» (II.16).

Споря с упомянутым в Псалме глупцом, который считает, что Бога нет, Августин утверждает, что существование Бога не только определено – оно более определено, чем существование человеческого Я. Доказательство этого начинается с утверждения бесспорного существования Я. Однако Августин приходит к выводу,

что знание Бога предшествует всякому другому знанию. Поэтому знание Бога является основой знания самого себя. Невозможно знать себя, если не знаешь себя как несовершенное единство. Если Бог представляет собой основу всякого познания единства, то условием самопознания будет знание Бога.

Однако, – справедливо задается вопросом М.Суини, – каким образом Бог являет собой критерий всякого нашего знания, и в то же время Сам Бог остается нам неизвестным? В «Исповеди» мы увидим, что «в объяснении неосознанного знания Августин прежде всего опирается на свойства памяти: мы обладаем этим знанием, но мы его забыли. Критерий единства присутствует всегда, но мы не замечаем его участия в процессе познания, поскольку мы отвернулись от него, чтобы погрузиться в мирское. Таким образом, в доказательстве Августина отражается путь духовной жизни: наше внимание переключается с внешнего на внутреннее и с внутреннего на высшее. Бог всегда присутствует в человеческом уме, об этом нужно лишь напомнить»¹².

Итак, Августин рассмотрел вопрос о причине морального зла и пришел к выводу, что она заключается в нарушении порядка, в неверном выборе человека. Моральное зло возможно постольку, поскольку человек обладает свободной волей. Свободную волю дал человеку Бог. Далее Августин доказывает бытие Бога. Однако возникает еще один вопрос: правильно ли поступил Бог, дав человеку свободную волю? Остается неясным, можно ли снять с Бога ответственность за моральное зло, ведь Он не только дал ее человеку, но и сделал так, что ее можно использовать во зло. Почему, спрашивает Эводий, Бог не сделал свободную волю подобной справедливости, которая не может быть использована во зло? «Августин: Ты сказал, что на твой взгляд не следовало давать [человеку] свободный выбор воли, поскольку из-за него всякий грешит. На что я ответил, что не может быть никакого правильного поступка, кроме как на основе свободного выбора воли. ...Ты ответил, что свободная воля должна была быть дана так, как была дана справедливость, которой никто не может воспользоваться неправильно» (II.18). **В чем же заключается различие между справедливостью и свободной волей?** Ни одна из четырех главных добродетелей – справедливость, благоразумие, умеренность и смелость – не может быть использована во зло. «Августин: Итак,

ты признаёшь, что глаз в теле представляет собой что-то хорошее. И все же потеря глаза не препятствует человеку жить достойно. Будешь ли ты считать правильным мнение о том, что свободная воля не является благом – воля, без которой никто не живет правильно? Ты рассматриваешь справедливость, которой никто не пользуется неправильно. Это одно из высших качеств человека и одна из добродетелей души, без которых честная и правильная жизнь невозможна. Ведь никто не использует благоразумие, смелость или умеренность во зло: ибо во всех этих добродетелях царит правильное разумение, без которого они не существовали бы. А правильным разумением невозможно пользоваться неправильно» (II.18). Правильное разумение – это согласование желаний с разумом и естественным порядком, иерархией. Оно никогда не может быть использовано во зло: ведь естественный порядок не может быть порочным. Противоположность добродетелям, которые необходимы и не могут быть использованы во зло, составляют телесные блага, например органы наших тел. Телесные блага не только могут использоваться неправильно, но и вообще без них можно вести достойную жизнь. Таким образом, существует два основных класса благ: необходимые блага и блага, без которых можно обойтись. Необходимые блага можно использовать только одним, правильным образом, тогда как необязательными благами можно пользоваться и хорошо, и дурно.

Человек стоит перед выбором между этими двумя классами благ: он может выбрать необходимые или необязательные блага, неизменные или изменяющиеся. Свободная воля подобна добродетелям в том отношении, что сама она есть необходимое благо: добродетель должна быть выбрана, а без свободной воли выбор невозможен. Раз неизменные блага являются всеобщими, воля необходима для того, чтобы сделать себя причастным всеобщему. Неизменное благо находится вне человеческого Я и потому должно быть выбрано. «Августин: Таким образом, когда воля, которая является средним благом, склоняется к неизменному благу, благу всеобщему и не принадлежащему никому в отдельности... тогда человек ведет счастливую жизнь» (II.19). Выбрав добродетель, воля становится подобна неизменному и всеобщему благу. Когда в качестве конечных целей выбираются вещи телесные, мы обычно пытаемся достичь нашего частного блага за счет блага других.

«Августин: Таким образом, когда воля склоняется к всеобщему и неизменному благу, она получает главные и великие человеческие блага, сама являясь средним благом. Воля же, отказавшаяся от неизменного и всеобщего блага, обратившаяся к внешнему и низшему благу, грешит. Воля тогда обращена к своему собственному, когда она стремится к тому, что в ее власти; она обращена к внешнему, когда задается целью присвоить собственность других и то, что ни в коем случае ей не принадлежит» (II.19). **Воля может выбрать высшее (неизменное, нематериальное) благо, но может выбрать и низшее (изменчивое, материальное) благо:** в первом случае воля делает нас подобными тому, что превышает нас, и тому, что является общим для всех; во втором случае мы стремимся сделать своим достоянием то, что ниже нас. Таким образом, свободная воля подобна телесным благам, поскольку она также может быть использована во зло. Телесные вещи сами по себе являются благами, как и свободная воля; зло в них происходит от неправильного их использования, но не от их природы.

Воля подобна как добродетелям, так и телесным благам, следовательно, воля есть некое среднее благо. Свободная воля – необходимое благо, которое можно использовать во зло. Правильное пользование волей зависит от того, соблюдается ли естественный порядок. Человеческая душа занимает промежуточное положение между Богом и телами – между вечным и временным, поэтому свободная воля занимает промежуточное положение между добродетелями и телом: через свободную волю душа обращается от низшего к высшему. Человек не является неизменным и вечным благом, как Бог, но благодаря свободной воле он может обратиться к Богу и стать подобным Ему в добродетели. В таком случае Бог поступил правильно, наделив человека свободной волей. «Августин: Но всякое благо – от Бога. Поэтому нет никакой природы, которая не была бы от Бога. Тогда посмотри, что движет этим обращением от [Бога], которое мы считаем грехом, поскольку это движение порочное, а всякий порок – от “ничто”; не сомневайся, что оно не исходит от Бога. Однако этот порок, раз он доброволен, в нашей власти. ...Но поскольку человек не может, пав по собственной воле, так же по собственной воле и подняться, будем твердо верить в то, что свыше к нам протянута десница Бога, Господа нашего Иисуса Христа...» (II. 20). **Все виды блага происходят от Бога, и только не-**

правильное пользование ими, нарушение порядка, производит зло. Будучи отсутствием бытия, отсутствием порядка, зло не является субстанцией, оно есть небытие. Бог ответственен за человеческую волю лишь поскольку она есть, и поскольку она есть благо. Человек ответственен за волю, насколько она есть зло или небытие.

Однако остается еще один важнейший вопрос. Если Богу известно все, что будет, как возможна человеческая свобода? Ведь будущее, которое известно Богу, непременно должно наступить, иначе пришлось бы признать, что знание Бога несовершенно и что Он может ошибаться. То, что известно Богу, непременно должно произойти. Но тогда устраняется всякая человеческая свобода, а на Бога ложится ответственность за моральное зло, раз человек совершает зло по необходимости, а не свободно. Получается, что мы вынуждены отрицать либо всезнание Бога, либо человеческую свободу. «Августин: Вот что, я уверен, волнует тебя и вызывает твое удивление: каким образом эти две вещи логически совместимы и не противоречат друг другу – тот факт, что Богу известны все будущие события, и тот факт, что мы грешим не по необходимости, а по [своей] воле. Ты говоришь, что если Бог знает, что какой-то человек согрешит, значит он и должен согрешить. Это должно произойти. Тогда не выбор воли, а неизбежная и твердо установленная необходимость делает этот факт фактом. Рассуждая так, ты опасаться, что это является установленным, а именно: либо мы бесстыдно отрицаем, что Бог заранее знает обо всех событиях; либо, если нельзя отрицать это, мы должны признать, что человек грешит не по воле, а по необходимости...» (III. 3).

Как мы уже видели в книге II, Бог есть вечная истина, поэтому неопровержимо, что Он знает будущее. «Эводий: Конечно, если я говорю, что Богу известны мои дела, с еще большей уверенностью я должен сказать, что ему заранее известны его собственные дела и что он непременно предвидит то, что совершит» (III. 3). С другой стороны, для Августина свободный выбор есть очевидность, понятие о которой всем нам дано в опыте непосредственного контроля воли над самой собой. «Августин: Очень хорошо говорит в тебе [голос] правды, ведь ты не можешь чувствовать, что в наших силах нечто иное, а не то, что мы совершаем, когда пожелаем. Поэтому ничто до такой степени не находится в нашей власти, как сама воля. Ведь когда мы желаем, непосредственно, без всякого

промедления реализуется акт воли. Также мы прямо можем сказать, что мы стареем не по своей воле, а по необходимости... Но какой безумец осмелился бы сказать: “Мы желаем, но не посредством воли”?» (Ш. 3). Проблема заключается в том, как примирить эти две истины, которые на первый взгляд исключают друг друга. Августин предлагает такое решение: для того чтобы Бог предзнал о человеческом волеии, это волеие должно быть. «Августин: Обрати внимание, как слепы те, кто говорит: “Если Богу заранее известны будущие акты моей воли, значит я желаю [совершить] то, что он знает заранее, потому что ничто не может быть сделано помимо того, что ему известно”. Поразительная глупость!.. “Необходимо, чтобы я так желал”, – так говорит тот, кто, предполагая необходимость, пытается устранить волю. Но если он должен пожелать, то откуда возьмется желание, если нет воли?» (Ш. 3). По определению, человеческая воля есть способность к свободному выбору. Поэтому если мы не признаем свободу воли, то нет и человеческого волеия, о котором было бы заранее известно Богу. Воля не может остаться тем, что она есть, если она не свободна и если предзнание Бога изменяет ее. Если Бог действительно знает о свободном человеческом волеии, то обязательное предзнание Бога должно служить подтверждением этой свободы.

«Августин утверждает, что истина о человеческой свободе согласуется с истиной об обязательном предзнании Бога. Мы не должны выбирать между ними. Его рассуждение не проясняет, как знание Бога может быть обязательным и в то же время не обязывающим. Разум способен разрешить эту дилемму, но он не в силах постичь характер божественного знания. Философии не дано проникнуть в эту тайну. Иными словами, философия вносит свой вклад в веру, показывая, что обязательное знание Богом свободной воли человека не является невозможным. Однако разум подходит к своим границам, когда ему приходится объяснять, как возможно обязательное знание Богом свободной воли человека»¹³.

Остается последний вопрос из затронутых в трактате «О свободе воли»: не следовало ли Богу воздержаться от создания людей, раз они не способны найти счастье? «Августин: Тогда, если бы он сказал... “Если бы меня спросили до того, как я появился на свет, я бы предпочел не быть, чем быть несчастным”. Быть может, лучше было бы вовсе не существовать, нежели существовать, будучи глу-

боко несчастным?» (III. 7). Не следует ли считать ответственным за это несчастье Бога, Который, создавая людей, знал, что они будут несчастны? Зачем Бог создал мир, в котором так трудно найти счастье? Почему мы должны считать существование мира благом, если в мире столько несчастья?

Для глубоко несчастного человека, который желал бы никогда не родиться, у Августина есть ответ: несчастный все-таки хочет жить, но при условии, если будет счастлив. «Августин: Я отвечу: смотри, не ошибись там, где считаешь себя правым. Ведь если бы ты был счастлив, ты бы предпочел бытие небытию. И даже сейчас, будучи несчастным, ты все же предпочитаешь бытие полному небытию, хотя ты и не желаешь быть несчастным. Тогда поразмысли хорошенько, насколько ты можешь, как велико благо бытия, которое является объектом желания как счастливых, так и несчастных. Так, если ты хорошо подумал, ты увидишь, что ты несчастлив постольку, поскольку тебе не удастся приблизиться к Единому, Которому свойственно высшее бытие. Но если ты думаешь, что для кого-то лучше не быть, чем быть несчастным, то ты не видишь Того, Кто обладает высшим бытием, и что ты желаешь быть, поскольку ты – от Того, Кто в высшей степени есть. (A. Respondebo: Cave potius ne hic erres, ubi te videre verum putas. Nam si beatus esses, utique esse quam non esse malles; et nunc, miser cum sis, mavis tamen esse vel miser quam omnino non esse, cum esse nolis miser. Considera igitur, quantum potes, quam magnum bonum sit ipsum esse, quod et beati et miseri volunt. Nam si hoc bene consideraveris, videbis te in tantum esse miserum, in quantum non propinquas ei quod summe est; in tantum autem putare melius esse, ut quisque non sit quam ut miser sit, in quantum non vides quod summe est: et ideo tamen te esse velle, quoniam ab illo es qui summe est)» (III.7). Несчастье измеряется расстоянием от Бога, Который есть бытие. Все, что от Бога, желает быть, ибо Бог обладает бытием по преимуществу. В каждое творение вложено желание быть. Это желание указывает каждому человеку путь к истинному счастью и подлинному бытию – к Богу. На пути к Богу, т. е. к счастью, мы никогда не сможем заблудиться, ведь мы никогда не потеряем наше желание быть. Путь к счастью и к Богу должен начинаться с нашего желания быть. «Августин: Если же ты хочешь удалиться от несчастья, полюби в себе само то бытие, благодаря которому у тебя есть желание быть. Ведь если ты

будешь желать быть все больше и больше, ты приблизишься к Тому, Кто есть прежде всего. Поэтому будь благодарен за то, что ты есть. Ведь хотя ты и ниже блаженных, все же ты выше тех вещей, которые даже не обладают желанием, объектом которого является блаженство. (A. Si vis itaque miseriam fugere, ama in te hoc ipsum, quia esse vis. Si enim magis magisque esse volueris, ei quod summe est propinquabis: et gratias age nunc quia es. Quamvis enim beatis sis inferior, superior tamen es quam ea quae non habent vel beatitudinis voluntatem)» (III.7). Любовь к Богу начинается с любви к нашему собственному желанию быть, и если мы будем последовательно продвигаться по этому пути, оно приведет нас к Единому, Который есть прежде всего. «Августин: Тогда каким образом вечными будут считаться те вещи, для которых начало бытия есть то же, что и уход к небытию? Но тот, кто любит бытие, принимает эти временные вещи, насколько они есть, а любит то, что есть вечно. И если он был переменчив в любви к временному, то в любви к вечному укрепится. И если он растратил себя в любви к преходящему, обретет постоянство в любви к неизменному. (A. Quomodo igitur tenebuntur ut maneat quibus hoc est incipere ut sint, quod est pergere ut non sint? Qui autem amat esse, probat ista in quantum sunt, et amat quod semper est. Et si variabatur in amore istorum, munitur in illius: et si diffluebat in amore transeuntium, in permanentis amore solidabitur)» (III.7). Временные вещи не могут удовлетворить наше желание бытия, поскольку все временное уходит в небытие. Наше желание выйдет за пределы временного, когда мы поймем, что во временных вещах мы любим то, что они есть, и что это – скрытая любовь к тому, что пребывает вечно. Чтобы подняться к желанию того, что выше нас, мы должны начать с нашего желания быть. «Августин: Пусть же это не будет неприятным для тебя, но будет наиболее приятным, что, даже будучи несчастным, ты предпочитаешь быть, чем перестать быть несчастным, прекратив свое существование. Итак, если к этому началу, к этому желанию быть ты прибавишь желание быть все в большей степени, то ты поднимешься и возвысишься до того, что есть прежде всего. (A. Non igitur tibi displiceat, immo maxime placeat, quod mavis esse vel miser, quam propterea miser non esse, quia nihil eris. Huic enim exordio quo esse vis, si adicias magis magisque esse consurgis atque extrueris in id quod summe est)» (III.7). Счастье приходит не в меньшей любви к временному, а в большей любви к вечному. Неспособность найти

счастье проистекает из того, что мы следуем нашему желанию счастья, а не желанию бытия. Желание бытия более существенно, чем желание счастья. Прежде всего мы должны любить жизнь, и тогда мы обретем счастье. Если мы начинаем с поисков счастья, мы теряем и счастье, и бытие. Все, что необходимо для начала духовного пути к Богу и счастью, заключается в желании быть.

Августин утверждает, что даже самоубийство свидетельствует о благодати Бога и о том, что бытие предпочтительнее небытия. Он считает, что самоубийца не только желает быть, но он желает быть вечно. «Августин: Как мне кажется, ни один человек, лишаящий себя жизни или каким-то образом желающий умереть, – ни один не считает, что он не будет жить после смерти; даже если он хотя бы иногда предполагал это» (III.8). Никто не желает полного уничтожения, поскольку невозможно желать «ничто»: желать «ничто» означает отсутствие желания. Самоубийца стремится не к «ничто», он желает покоя или мира (*quies*): он желает быть больше, чем он есть сейчас, т. е. он предпочитает быть в покое, чем быть несчастным. Покой есть устойчивое состояние бытия, свободное от внешних волнений, поэтому желание покоя самоубийцы отражает его стремление к совершенному бытию – к бессмертию.

«Духовный путь и философия начинаются с веры, поскольку желание быть и любовь к жизни должны предшествовать пониманию. Из этой веры и вырастает понимание Бога и счастья»¹⁴.

Начав с вопроса о причине морального зла, Августин приходит к выводу, что она заключается в неверном выборе человека. Человек, наделенный свободной волей, нарушает естественный порядок, подчиняя высшее (разум) низшему (желанию). Не существует субстанции зла, зло есть отсутствие – отсутствие порядка, нарушение иерархии, неправильное действие свободной воли. Свободная воля дана человеку Богом, Который воистину есть. Мы не можем обвинять Бога, что Он напрасно дал человеку свободную волю, ибо сама по себе она благо и лишь неправильный выбор приводит ко злу. Всякое бытие является благом. Подчиняясь вложенному во всякое творение желанию быть, человек стремится ко все большему бытию, избирает не материальные блага, которые не находятся в его воле, а нематериальные, всеобщие, и тем самым обретает истинное счастье. Правильный выбор – в пользу высшего и неизменного, в пользу бытия, в конечном счете – в пользу Бога.

Примечания

- 1 См., например, библиографию в книге: *Столяров А.А.* Свобода воли как проблема европейского морального сознания. М., 1999.
- 2 Русский перевод трактата «О свободе воли» дается по изданию: *Суини М.* Лекции по средневековой философии. Вып. 1: Средневековая христианская философия Запада / Пер. А.К.Лявданского. М., 2001.
- 3 *Суини М.* Лекции по средневековой философии... (<http://krotov.info/history/13/suini/page02.htm>).
- 4 Там же.
- 5 Латинские цитаты даются по изданию: *Migne J.-P.* Patrologia cursus completus. Ser. Latina. Т. XXXII.
- 6 Ibid.
- 7 Ibid.
- 8 Ibid.
- 9 Ibid.
- 10 *Суини М.* Лекции по средневековой философии... (<http://krotov.info/history/13/suini/page03.htm>)
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.

Выбор в русской культуре: рождение концепта в историческом времени

Выбор, являющийся личным делом человека в пространстве европейской культуры, на первый взгляд, имеет давнюю отечественную традицию. Общим местом в современной литературе по истории Древней Руси стала тема «выбора веры» киевским князем Владимиром, крестившим Русь в 988 г. Выбор веры можно было бы принять за начальную точку в развитии интересующего нас концепта. Однако если обратиться к источнику, повествующему об этом событии, то в нем, как это ни покажется странным, нельзя найти словосочетание «выбор веры». В «Повести временных лет» повествование строится как *вопрошание о верах*, как попытка понять: «Како есть вера ваша?»¹, но речь не идет о выборе веры. И послы, «мужи добры и смыслены, числом десять», были отправлены князем Владимиром в разные земли, чтобы «испытать веру их»². Почему же и с какого времени появилось прочтение этого эпизода русской истории как «выбора веры» киевским князем? Полагаю, что важно также поставить вопрос в более широком контексте: насколько вообще возможно для человека Древней Руси *делать выбор* как осмысленное из множества возможных действие и относиться к результату его как единственно возможному личному решению? И **наконец, в какой исторический период** выбор как жизненная ситуация человека был освоен русской культурой и вошел в ее культурный строй?

Начнем с первого вопроса. Н.М.Карамзин в своей «Истории государства Российского» (1815 г.) эпизод с крещением Руси излагал по тексту «Повести временных лет»: князь Владимир вы-

слушивал послов «из волжских или камских болгар», проповедовавших «веру магометанскую», и от «немецких католиков», и от иудеев, и от грека-философа. Карамзин делает вывод, что князь Владимир «вздумал, так сказать, *завоевать* Веру христианскую и принять святыню рукою победителя»³. Безусловно, именно киевскому князю принадлежат все решения: и по отправке послов в разные земли, и по завоевании греческого города Корсуни. Владимир решил креститься в Корсуни, и тогда ему разрешили взять в жены сестру греческого царя Анну. Он крестил киевлян и всех русичей; он повелел строить церкви и новые города; он вел борьбу с печенегами... Много других его дел расписано по годам в «Повести временных лет», о чем сообщил Карамзин. Но он ни разу не употребил выражение «выбор веры» киевским князем.

По-видимому, концепт «выбора веры» ввел С.М.Соловьев в своей «Истории России древнейших времен», первый том которой вышел в 1851 г. Опираясь также на текст «Повести временных лет», он не пересказывал, но применял к материалу аналитический метод. Его интерпретация ориентировалась на методологию позитивистской истории, искавшей во всех событиях прошлого внятные причинно-следственные связи, индивидуальные интересы агентов исторических событий, которые необходимы и достаточны для исторических объяснений. Следует вспомнить, что для России середины XIX в. «исторический выбор» являлся актуальным вызовом времени: вопросы отмены крепостного права, широких реформ стали насущными для дальнейшего развития Российской империи. Именно в этой ситуации и появляется определение «выбор веры» для осмысления событий, происходивших в Киевской Руси в лето 6496 (988) г. Приведем рассуждения историка: «Видно, что все было приготовлено для переворота в нравственной жизни новорожденного русского общества на юге, что религия, удовлетворявшая рассеянным, особо живущим племенам, не могла более удовлетворять киевлянам, познакомившимся с другими религиями; они употребили все средства для поднятия своей старой веры в уровень с другими, и все средства оказались тщетными, чужие веры – и особенно одна – тяготили явно своим превосходством <...>. При старой вере нельзя было оставаться, нужно было решиться на выбор другой. Последнее обстоятельство, т.е. выбор веры, есть особенность русской истории: ни одному другому ев-

ропейскому народу не предстояло необходимости выбора между религиями...»⁴. Соловьев сравнивает выбор веры русским князем с тем, как выбирали веру в Хазарском каганате⁵ и объясняет необходимость выбора местоположением этих государств на востоке Европы, на границе с Азией, «где сталкивались не только различные народы, но и различные религии, а именно: магометанская, иудейская и христианская»⁶.

Эта «культурно-религиозно-фронтирная» парадигма была принята и широко распространена в отечественной культурологии в связи с подготовкой празднования 1000-летия Крещения Руси в 1988 г.⁷ Но надо отметить, что ранее у историков конца XIX – начала XX в. (как, например, у В.О.Ключевского или у С.Ф.Платонова) словосочетание «выбор веры» не пользовалось широким спросом.

В 1988 г. Д.Е.Фурман опубликовал в журнале «Вопросы философии» статью «Выбор князя Владимира», где событие конца X в. помещалось в контекст не только национальной политической и культурной истории, но сопоставлялось с аналогичными по характеру событиями в истории мировой культуры. Результат выбора – православная культура русского государства – сравнивался автором с политическим и религиозным устройством Западной Европы. «Выбор – неповторим, – пишет Фурман, – как неповторимо время. Но все же иногда изменить ход биографии или истории, сделав новый выбор, относительно легко, а иногда – очень трудно. В случае принятия народом новой религии «перерешить» что-либо крайне сложно. Язычество не может оказать сильного сопротивления – оно не обладает ни достаточной идейной силой, ни достаточно мощной организацией. Организация развитой религии, пришедшей ему на смену, вскоре переплетается с государственной, религия формирует становящуюся культуру и становится неотъемлемым компонентом национального самосознания. <...> Поэтому выбор Владимира был выбором “на века”»⁸.

Этот масштабный взгляд понятен в конце 80-х прошлого века – перестройка уже стартовала, и Россия снова стояла перед выбором. Через тысячелетие «выбор» надлежало сделать в сфере социально-экономической и политической, но и к вере, как потом оказалось, он тоже имел отношение. Как замечает Фурман, «вся история состоит из бесчисленных выборов» и ставит существеннейший вопрос: «Как же относятся предшествующие и последую-

щие выборы, решения альтернативных ситуаций, возникающие в ходе исторического процесса?»⁹. Описание выбора, случившегося в давнем историческом времени, у современного историка превращается в исследование его последствий.

И все же историографический факт принятия или непринятия термина «выбор» в отношении события Крещения Руси князем Владимиром оставляет нерешенным принципиальный вопрос относительно того, в каком смысле можно употреблять этот термин, как возможно с ним работать, и есть ли вообще своеобразие в применении концепта *выбор* в русской истории и культуре.

* * *

Прежде всего, разумно было бы обратиться к результатам лингвистических исследований, имеющимся в словарях древнерусского и современного русского языка.

В Полном церковно-славянском словаре под редакцией Г.Дьяченко слово *выбор* отсутствует, также его нет в Этимологическом словаре Фасмера. Однако в словарях мы встречаемся с интересным фактом: активным использованием однокоренных слов, но с приставкой *из*.

В словаре Дьяченко находим: «Изборное = то, что отлично, избрано отъ прочихъ», со ссылкой на Пролог от 13 ноября; «Изборьникъ = сборникъ изъ творений св. отцовъ», со ссылкой на Изборник 1073 г.; и, пожалуй, наиболее интересное: «Изборьница=церковь», как перевод грецизма (ἐκκλησία). Лексический анализ «Повести временных лет», проведенный О.В.Твороговым, показал, что слово *избрати* встречается в тексте Лаврентьевской летописи 7 раз (на листах: 25, 27об, 32об, 35, 36об, 42, 44¹⁰), в Радзивилловском и Ипатьевском списках дополнений нет. Интересен известный фрагмент под годом 6370 (862), где речь идет о призвании руси «княжить и володѣти» славянами, кривичами, чудью и всеями: «И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша...»¹¹ (братья эти – Рюрик, Синеус и Трувор). Этот фрагмент переводится и трактуется в Словаре русского языка XI–XVII вв. так: «*Быть избранным, призванным для исполнения каких-л. обязанностей*»¹².

В этом Словаре приведено несколько слов с приставкой *из*, как, например: ИЗБОРЪ сущ. м. род. 1. *Выбор, предпочтение*. Творит же сего изборъ умъ нашъ, и се ес(ть) в началѣ дѣла (Дамаскин) ВМЧ, дек. 1-5, 208. XVI в.; 2. *Избранные места из книг*. Къстянтинъ, философъ река многы труды прия... отъ евангелія и ап<о> с <то> ла прѣлагая изборъ, елико же достиже... толико же прѣложь. Ио. екз. Болг., 3.XII в.; 3. *Собор как собрание священнослужителей*. Слышите ерѣискии преподобнии изборе: къ вамъ ми слово (Епископ. Поуч.) РИБ VI, 111. XIV в. XIII в.; 4. *Собранные плоды*. Виноград на землю повръженъ бысть и вѣтръ зноинъ посуши изборъ его (Иезек. XIX, 12) Библ. Генн. 1499 г. – Изборомъ, нареч. *По выбору...* Добрый изборъ – добродетель. (Сл.РЯ. 6, С. 100).

К сожалению, за недостатком места невозможно продолжать подробные выписки из Словаря. Позволим себе лишь кратко отметить значение следующих слов: *изборивый* (прил. избирательный, способный отбирать, выбирать); *изборникъ* (м. р. сущ. Сборник); *изборница* (ж. р. сущ. Эпитет церкви, см. ранее в словаре Дьяченко); *изборный* (прил. Выдающийся, отборный, лучший); *избрати-избърати-изобрати* (дано 4 значения): 1) выбрать, выделить что-л. среди кого-, чего-л. Здесь важный пример: избери себѣ животь или смерть (1245 г. Новгородская I летопись, 266); 2) отобрать, извлечь что-л. для чего-л.; 3) избрать (найти, назвать) кого-л. для исполнения каких-л. обязанностей (дается ссылка на Никоновскую летопись X, 175, 1304 г. и др. примеры); 4) собрать (Сл.РЯ. 6, С. 102).

Теперь обратимся к слову с приставкой *вы* (выбор). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» дается несколько слов с интересующим нас значением, показывающим фиксацию этого слова не ранее XVI в.:

• Существ. м. рода *выборъ*: 1) *сбор, взимание*. В примере приводится фрагмент о взимании денежных доѣходов (выборѣ); 2) *отбор, выбор* «А для выбору рыбы послать съ Москвы нарочно дворового человекѣка» (ДАИ V, 242. 1672г.). Безъ выбора – *без разбору*: «А велѣлъ князь великий здѣлати градъ и ровъ копати митрополчимъ и боярскимъ и княжимъ и всѣмъ людемъ бесъ выбора, и здѣлаша его того же лѣта» (Львов. лет. II, 423. 1534 г.); На выборъ (купить, взять) – *на выбор*. «Куплено 20 дерев болшихъ на выборъ». (Кн. прих.-расх. Волокол.м. No.2, 206. 1574 г.). «Те овчины взяты... добрые на выборъ» (Кн. прих.-расх. Синб., 203. 1667г.); 3) *набор*

на воинскую службу «И тѣ выборные для службы въ Белогороцкой полкъ не пошли, и начальныхъ людей, которые для того выбору посланы, хотѣли побить до смерти (ДТП I, 531. 1683 г.; 4) *избрание* Старостамъ, и целовалникомъ,.. и всѣмъ крестьяномъ. По вашему выбору велѣль есми у васъ бытии въ Рузскомъ уѣздѣ, въ Вышковскомъ стану... (АИ I, 336 1565 г.) Бытии въ выборѣ – *быть избранным*... 5) *документы об избрании на должность*... А выбор писал хамовных дел подъячей Гаврилка Степанов. А.Кадаш.сл., 94. 1675 г.; 6) *один из разрядов, на которые делилось дворянство в XVI – нач. XVIII вв. по условиям несения службы, а также список лиц, входящих в этот разряд* ...указаль государь изъ выбору и изъ дворового списка написать съ городомъ (Смоленском. – М.К.) и впередъ въ выборѣ и въ дворовый списокъ не писать ... АМГ I, 528, 1663... (Сл.РЯ. 3, 180).

• Существ. ср. рода *выбирание* дается два значения: 1) *выбор, отбор*: выбор земли с примером из переводного делового памятника XVI в. «Назиратель», в котором даются рекомендации «при выбирании нивъ»; 2) *избрание*: со ссылкой на польский пример, связанный с выбором короля (Рим. имп. д. I, 895, 1583) (Сл.РЯ. 3, С. 177–178);

• Глагол *выбирати* (несов. к *выбрати*) дается в пяти значениях с примерами, фиксированных в текстах XVII в.: 1) «выбирать долги»; 2) «выбирати патока бѣлая, чистая» из меда; 3) «по четыре члка лутчих людей выбирает»; 4) крестьян «не выбирать и не посылать ни в какие въ отѣжие службы»; 5) мастер «выбираль изъ дву бревень сосновыхъ нутрь» (Сл.РЯ. 3, С. 178);

• Глагол *выбиратися* (несов. к *выбратися*) – два значения: 1) «Из Москвы выбирается князь... в Дорогомилово...» (АИ II, 359. 1610 г.); 2) *избиратися; избирать из кого-л.*: стрельцам 10 человекам «велети им на тое службу выбиратца самим» (1618 г.) (там же);

• Глагол *выбирывати* (несов. к *выбирати, избрати*) пример повторяет одно из значений предыдущего глагола в значении выбора власти: «У них же въ Литвѣ тѣ поры говорили, что государь на Московское государство избранъ, а не посаженъ, а иные де говорили, будто и не выбирывали. АМГ I, 125. 1614 (там же);

• Существ. ср. рода: *выбирка*: 1) *взимание, сбор*: «долговая хлѣбная и денежная выбирка», чтобы «выбирать долги»; 2) *извлечение, удаление* из соболей «выбирку сѣдыхъ волосовъ» (там же);

• Глагол *выбрати* имеет шесть значений: 1) собрать, взыскать; убрать (об урожае); 2) отобрать, выбрать (например, кого-либо в обучение; знать как выбрать вещь); 3) набрать на военную службу; 4) избрать, назначить (человека для исполнения какого-либо дела); 5) взять, вынуть все по частям (к строениям); 6) обобратить, обокрасть («...Пречистую церковь выбрали, што коли было. Польск.д. I, 2. 1487 г.) (Сл.РЯ. 3, С. 182).

В Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. мы опять не встречаем интересующих нас слов. В Толковом словаре В.И.Даля дается глагол *выбирать*, *выбрать* и перечисляются основные значения: «избирать, брать любое из многого; отбирать что особо; || опоражнить; || вырубать, вытесывать или выдалбливать в длину, вдоль, или внутри; || собирать все до последнего; || выкраивать, выгадывать из чего; || в печатях: исправлять ошибки в наборе. В числе других далее в статье есть пример со словом «выбор», однако самостоятельная статья на это слово отсутствует¹³. Любопытно обратить внимание на даты выхода словаря Даля (первое издание в 1863–1866 гг.), т. е. пятнадцатью годами позднее «Истории российской» Соловьева с его «выбором князя Владимира».

Каковы могут быть выводы из приведенного словарного материала:

1. Слова со значением *выбора-предпочтения* чего-кого-л. появляются в XI–XIII вв. как книжные, связанные с определением-распределением места (откуда и куда; собирания вместе, в том числе в сборниках книг) или качества (избранный, лучший, изысканный и т. д.). В ранних книжных текстах до XVI в преобладают слова с приставкой *из*. Обратим внимание, что предлог *из* связан со значением пространственного перемещения, соотношения части и целого; генетических связей – появления одного из другого, происхождения; особо интересно значение: «из чьей-либо воли» (Сл.РЯ, 6, 92).

2. Собственно слово *выбор* и его однокоренные словообразования появляются в переводной литературе, а затем укореняются в русском языке с начала XVI–XVII вв. Значения этих слов разнообразны, но их смысл так или иначе подразумевает связь с интересами разного уровня властных структур, назначающими (выбирающими) кого-л. в служебных целях, собирающими долги, налоги,

посылающими на военную службу, фиксирующими в списках (выборка) людей и т. д. Еще одно значение – *выбор* как наведение порядка, для улучшения качества какого-л. предмета.

3. Личный выбор в собственных интересах какого-л. человека словарь не фиксирует.

И в заключение словарного анализа проблемы обратимся к современному лингвистическому исследованию концептов русской культуры академика Ю.С.Степанова. В его труде «Константы: словарь русской культуры» концепт «выбор» отсутствует. Ближайшими к нему можно счесть концепты «воля (хочу)» и «человек, личность». В последнем о личном выборе сведений нет¹⁴.

Автор определяет значение глагола «хотеть» в его «естественно-природной» языковой форме (внутренняя языковая форма¹⁵). Выявление этого значения требует обращения к корням, которые восходят в своих значениях к слову *хватать*. Словесное развитие глагольных форм описано Степановым в предложенной им трехфазовой модели действия¹⁶. Не останавливаясь на подробностях этой модели, обратим внимание на следующий важный вывод, в котором, в том числе, сравниваются славянский и готский глаголы: «Таким образом, *хъчу*, в соответствии со своей внутренней формой, значит первоначально не я хочу, а да будет так, чтобы я схватил. И уже это значение развивается далее в «хотеть». Аналогично спрягается и развивается готский глагол *wiljan -wiljau wilies* «хотеть», этот глагол, спрягающийся по формам опатива от и.-е. корня *uel – “выбирать”, далее “хотеть” <...>. Таким образом, в германском ареале “хотеть” осознается как состояние, связанное с “выбиранием” предметов из некоторого набора, как состояние “выбора”...»¹⁷. О подобных значениях в развитии форм русского глагола «хотеть» автором ничего не сообщается.

* * *

Для понимания того, почему в русском языке, а следовательно, и в русской культуре достаточно долго не актуализировался личностный *выбор*, стоит обратиться к истокам – материалу дохристианской эпохи. Возможно, работа с сюжетами сказок позволит понять те действия героев и их особенность, которые можно рас-

ценивать как подобные действия современного человека в ситуации выбора. Однако важно помнить, что сказочная и современная ситуации находятся в совершенно разных смысловых и ценностных системах.

Сказочный герой, как можно его видеть в дошедших до нас записях русских народных сказок, не описывается в терминах «выбирающего», но нередко попадает в ситуации подобные тем, что мы связываем со словом выбор. Ведут себя сказочные герои в этих ситуациях по-разному.

1. Отказ героя от выбора или «подмена» выбора. Пример: Емеля, поймавший говорящую щуку, не имеет определенных желаний, которые та могла бы исполнить. Его желания синонимичны («ступайте, ведра, домой») или являются ответом на требования другого (путешествие в царский дворец на печи – место, где спит Емеля – не есть желание Емели, а выполнение приказа Царя);

2. «Выбор пути» на перепутье у камня или столба с надписями, что ожидает героя в конце каждой из возможных дорог. Воспользуемся соображением современного исследователя фольклора, с которым полностью согласимся: «Герою на перекрестке дорог не надо выбирать путь, ибо он предопределен его качествами: злой едет по ложному пути, добрый – по истинному. Поэтому ситуация у камня, столба с надписями – это не ситуация выбора, а демонстрация качеств и статуса героя. Конкретный анализ фольклорных текстов мог бы показать, что в любой ситуации, внешне похожей на ситуацию выбора, в волшебной сказке обнаруживается не выбор, а демонстрация добрых или злых – однозначно! – качеств героя, лишаящих актуальности проблему выбора. Поэтому в сказке доброму герою всегда – добрая судьба, злему – злая доля. Не они выбирают свою дорогу и свою судьбу, а, наоборот, дорога-судьба сама выбирает (притом, подчеркнем еще раз, однозначно) и ведет их»¹⁸.

3. Последнее желание перед смертью героя также не является выбором в строгом смысле слова. Это – использование возможности призвать, как называет его В.Я.Пропп, «волшебного помощника» (орла, коня и пр.) или «волшебный предмет» (огниво, палочку и т. д.)¹⁹; об этих предметах еще будет речь впереди.

4. «Бесполезный выбор» героя. Пример из сказки «Волшебное кольцо»: герой Мартынка, проработав у попа три лета и три зимы, взял за работу не мешок серебра, а мешок с песком, мотивируя для

себя это так: «Эта штука неспроста приготовлена! Пусть лучше мои труды пропадут, а уж я попытаю, возьму песок – что из того будет?»²⁰. «Выбор» героя оказался залогом его дальнейшего пути в тридесатое царство.

Если попытаться выявить, опираясь на имеющиеся реконструкции славянской мифологии, интенции схожие с теми, которые обнаруживает человек в ситуации личного выбора, то можно с уверенностью сказать, что, как и в любой другой культуре мифа, здесь были распространены механизмы «замены» выбора. И даже точнее: не распознавания его. Действительно, что представляют собой гадания, заговоры, обереги и прочая «народная магия»? Это своего рода способ воплотить еще не «ставшие своими» желания защиты, предвидения будущего и т. д. в формах коллективной родовой жизни. Анализируя структуру сказки, В.Я.Пропп вводит понятия «волшебного помощника» и «волшебного предмета». Они позволяли герою осуществить его задачу – попасть в тридесатое царство, спастись от злых сил (Яги, Кощея и пр.), вернуть на землю Царевну, достать «молодильные яблоки» и т. д. Применение этих предметов всякий раз связано со спасением героя из сложных, часто грозящих смертью ситуаций. Пропп указывает, что в «волшебном предмете» «живет сила»²¹, позволяющая выполнить желания героя, продемонстрировать своего рода «выбор». В мифе такими предметами выступали фетиши, амулеты, талисманы. В сказке это, например, огниво, служащее для вызова духов или коня. Духи или двенадцать молодцев, появляющиеся, когда герой ударяет по кремню/кресалу, задают ему вопрос: «Что тебе нужно?». Ответ на него определяется способом, благодаря которому возможно сохранить герою жизнь. И снова мы видим, что под видом выбора скрывается его отсутствие. Или как теперь пишут в рекламе: «Выбор очевиден».

И последнее, о чем здесь важно сказать. Сочетание народной магии с произнесением молитв во славу Богу, Богородице и почитанием православных святых для русской двоеверной культуры не было чем-то невозможным. Иными словами, русская культура реально не прошла через историческую практику выбора православной веры и освобождения от языческих традиций. Здесь не место обсуждать причины двоеверного статуса русской культуры. Но исторический факт, зафиксированный в архивных докумен-

тах, остается фактом: обряд языческий с легкостью соединялся с православным. Приведем только один пример из работы Е.Н. Елеонской, известного этнографа и исследователя славянского фольклора. Она подробно исследовала, к примеру «заговоры на оружие», которые сохранились в следственных делах XVII в. (к этому времени мы еще обратимся)²². Во вступлении к заговору проситель обращается ко всему мировому устройству, чтобы все силы соединились в даровании заговорщику защиты: «Есть море-океан, на том море-акияне стоит столб железной», «... в том столпе железном стоит муж железной... Подпершился своим железным посохом от востоку и до западу...» (вместо *мужа* может быть *царь* или *отец*)²³. В основной части заговора идет перечисление оружия, от которого ищется защита: «от всякова оружия, от стрелы, от сабли, от копья, от топора и от пищалей и от пульки свинцовой, и от железа, и укладу, и синя булату заморского, и от камня, и от кремени, и от кости, и от жимолости»... и «как молнию уговорят огненную мои недруги и мои супостаты, тогда и мое оружие... боевое воинское испортят. И как им моим супостатам молнии небесныя уговорити невозможно, так и мое оружие боевое, огненное не уговорить...»²⁴. В этот традиционно языческий текст, как показывает исследовательница, вплетены слова молитвы: «Есть море океан; на том море акияне стоит столб железный на том столбу стоит Спас Вседержитель» (далее Елеонская приводит извлечения из других заговоров: стоит «архангел Михаил» или молитвенные обращения «...молюся Спасу Вышнему Господи, Господи... помилуй меня раба Божия грешна, трудника»²⁵). Соединение языческого и православного начал в одном и том же тексте заговора в сознании человека скорее усиливало его действие, расширяло защитные и одаряющие возможности.

Судебные дела XVII в., как и XVIII в., показывают широкое распространение заговоров, востребованность их в разных слоях населения (в городе и в деревне, и при царском дворе); заговору обучались, передавали из уст в уста, хранили в семьях; люди, владевшие заговорными словами, были известны и востребованы в народе. Тексты заговора, как, впрочем, и молитвы, на которые «соскальзывали» просители, произнося их, не только создавали «двоеверное пространство», но и культивировали пассивную позицию просителя. Представляется, что многочисленные судебные рассле-

дования по заговорной практике начиная с XVII в. могут косвенно свидетельствовать не только о потребности очищения православной веры от народного суеверия в пользу благочестия. В русской культуре, можно предположить, вызревала необходимость в способном к самостоятельному и предприимчивому в своих действиях человеке. Очевидно, чтобы осознать собственную самостоятельность, человек нуждается в преодолении «ситуации заговора», отделении своей индивидуальности из-под природно-родовых сил, которые над ним властвуют. И только в этом случае может возникнуть новая связь с миром, включающая механизмы «ситуации выбора».

Теперь ясно, что и в сказке, и в стоящем за ней мифе выбор, в современном значении слова, не мог работать; он игнорировался, «переворачивался», имел превращенные «коллективные» формы, «подставы». Сказочный герой, в конечном счете, лишь воспроизводит архетип традиционной культуры. И в античной архаической культуре, как известно, выбор героя нереализуем, что и определяет, к примеру, основную коллизию древнегреческой трагедии. Герой «выбирает», но судьба-рок, распоряжающаяся его жизнью, не принимает его выбора («Царь Эдип», «Медея» и др.). Русская сказка – не трагична, она жестко устроена в своей однозначности и определенности. Игнорирование выбора только укрепляет и подтверждает согласие сказочного героя с той судьбой, которая ему предначертана.

Можно предположить, что в русской языковой ситуации отсутствие как слов, означающих выбор, так и сюжетов, связанных с выбором, соответствуют архаическому типу отношения человека и мира. В сказках, пословицах и поговорках скорее слово «воля» может моделировать, но не совпадать с тем значением, которое позднее закрепилось за словом «выбор». Приведем как пример несколько поговорок, за которыми намеком можно узнать осознанное много позднее личностное принятие выбора: «жить по воле – умереть в поле»; «вольного бьют больно»; «воля птичке лучше золотой клетки»; «вольно было Фомушке жениться на вдовушке»²⁶.

К более поздним временам относятся поговорки, где использовано слово «выбор». В данном сборнике их приводится всего четыре: «выбирай епанчу по своему плечу»; «выбирай жену не в хороводе, а в огороде»; «выбирай коровушку по рогам, а девушку по родам»; «выбрала молодца, так уж после не пеняй на отца»²⁷.

Вопрос, который далее следует поставить, касается описания того времени в истории России, когда личный выбор актуализировался, становясь социально возможным. Из проделанного анализа понятно, что ситуация личного выбора возможна только тогда, когда социумом востребован человек, способный действовать активно и самостоятельно. В этой ситуации выбор – жизненно необходим, осознан, мотивирован, принимает вид самостоятельно принятого решения в своих интересах. Как уже было сказано, только к XVII в., переломному в русской культуре, в текстах книжников, в писцовых документах, в художественных переводных текстах закрепляется само слово «выбор» в современных его значениях. Этот процесс продолжается и в следующем столетии. Почему стала возможной такая перемена? К поискам ответов на этот вопрос я уже обращалась в своих работах; литература на эту тему огромна и разнообразна²⁸.

Существенно, что перемены, происходившие в культуре, были системны и дали существенные «новинь», как тогда говорили, в разных сферах жизни Московского царства. Важно заметить, что инициатива для их продвижения исходила не от тех или иных социальных групп, имеющих свои экономические или финансовые интересы. Сословное феодальное на свой лад русское общество было чрезвычайно консервативно, поэтому все новины были в той или иной степени инициированы властью, государством, самой ее кремлевской верхушкой. Такая природа новин позволила держать контроль над ними во властных руках, что лучше всего видно из истории реформ Никона и сложившегося противостояния между царской и патриаршей властью в результате их осуществления. Однако понятно также, что только системные сдвиги в культуре могли способствовать появлению нового типа человека, в поведении которого личностный выбор был необходим, а значит, они должны были разрушить сложившееся консервативные устои средневековой государственности. Объем статьи, к сожалению, не позволяет подробно обсуждать данную проблему. Поэтому отметим главные моменты предельно кратко. Здесь был свой пролог – Смута начала века – прекращение династии, практически развал государства и необходимость найти верное решение для сохранения его

независимости и создания новой династической линии. Народное ополчение в войне с Польшей дало один из первых опытов самоорганизации низов и попытку его вождей созидательно управлять обществом в военное время.

Первый акт мощной драмы XVII столетия, соединившей собой прошлое и будущее России, был разыгран на почве реформ Православной церкви. Реформы породили идущий «снизу» из глубин народной веры протест – антигосударственный по своей форме, поскольку реформа была поддержана, а по мнению Н.Ф.Каптерева, и инициирована царем, и консервативный по своему содержанию. Это и была почва для самостоятельно осознанного, лично выстраданного выбора православного человека в пользу «старой веры» против «новин» патриарха Никона. Этот личный выбор *расколол* русское православие. Решившиеся сделать свой выбор – протопоп Аввакум, дьякон Федор, инок Авраамий и многие другие известные и неизвестные сторонники двоеперстия, неисправленных старых богослужебных книг и традиционного обряда богослужения, резко отрицательно относившиеся к обучению чужим языкам и вообще «некнижному» учению, – трагические личности. Выбирая и защищая «старую веру», веру отцов и прадедов, главные идеологи раскола были обвинены в антигосударственной деятельности и казнены. Противоречивость первых широко поддержанных массами опытов личного выбора заключалась в том, что они были ориентированы на традиционную культуру, на старую книжность, на «закрытость» русской культуры. А в ней, как мы показали, выбор не был востребован, попросту не существовал. Потому неслучайно, «самосожжения» (или «гари», так тогда они назывались), унесшие тысячи человеческих жизней, стали символом выбора-отчаяния, обнаружив не созидательную, а разрушительную интенцию в завершение первого этапа старообрядческого движения.

Содержанием второго драматического акта можно считать казачьи протесты, выросшие из «воровских походов» на Волгу донского беднейшего казачества и расширившиеся до грандиозного крестьянского бунта под предводительством Степана Разина. Закрепощение земледельческого населения по Уложению 1649 г. через 20 лет принесло свои результаты: выбор вольницы, но не подчинения государственным нововведениям снова поставил большие

массы людей лицом к лицу с силами правительства. Протест был подавлен, Разин казнен. Казаки, сдавшие его воеводам Юрия Бярятинского, также сделали выбор в пользу порядка и мирной жизни.

Третий акт драмы XVII в. имел, на мой взгляд, не разрушительную, а впервые созидательную направленность. Здесь речь идет о тех новинах, которые можно отнести к области сознательного интеллектуального строительства, не известного до этих пор русской культуре. Эти новины, также исходящие от Московского царского двора, инициировали те интересы человека, которые были направлены на образование, просвещение, конечно, в пределах православной веры. Это и позволяет говорить о начале процесса, который был мною назван «интеллектуальным выбором России». Приглашение на Печатный двор для правки богослужебных книг и переводов киево-могилянских интеллектуалов – Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского, со временем и других; обучение царских наследников также выпускником Киево-Могилянской коллегии иеромонахом Симеоном Полоцким; первые опыты театральных постановок – все это выбор от лица царя Алексея Михайловича. Царь в этих новинах был поддержан ближайшим, вкусившим плоды польской барочной придворной и книжной культуры, боярским окружением. Опираясь на материалы к учреждению академии (первого такого рода учебного заведения в Московском царстве) подготовленные еще Симеоном Полоцким и не доведенные им до завершения в связи со смертью, его ученик Сильвестр Медведев, «недостойный монах, грешный», от своего лица подает проект Академии царевне Софье и сопровождает его стихами «Вручение <...> привилія на Академию...» 21 января 1685 г. В них он побуждал Премудрую Софию царевну: «Благоволи намъ светъ наукъ явити // И наданиемъ (пожертвованіем) въ векъ ся утвердити!». Эти личностные акценты в тексте о деле просвещения России – «аще светъ намъ да явиши // наук и россы вся да просветиши. Имя ти во всем мире славно будетъ, // паче всехъ добротъ ти во векъ пребудет»²⁹ – чрезвычайно важно зафиксировать. Побуждение царицы к учреждению Академии исходит от образованного монаха с надеждой, что этот план будет исполнен. История, однако, оказалась к обоим персонажам этого проекта чрезвычайно неблагоприятной, а дело основания Академии было отложено. Важно, тем не менее, отметить, что выбор не-

обходимых для государства действий, здесь формулируется негосударственным лицом, «простым грешным монахом», берущим на себя поэтический труд побуждения самой царицы к учреждению в Москве Академии, чтобы «невежества темность прогнати»³⁰. Советы царям давали и ранее – писали челобитные³¹, но никогда они не касались дел просвещения, образования и наук.

Следующий этап освоения практик личного выбора, по логике вещей, должен был базироваться на востребованной социумом самостоятельной деятельной, а потому выбирающей личности. Работа в этом направлении последовательно осуществлялась Петром Первым и его окружением в серии разнообразных мер и реформ, которые должны были способствовать созданию такого подданного, выбор действий которого, имел бы своею целью процветание Российской империи.

* * *

Заключая, но не исчерпывая рассмотрение проблемы, я хотела бы обратиться к тексту известной театральной пьесы Дмитрия Ростовского, «Комедия на Рождество Христово», которая была самим автором поставлена в открытой им духовной школе города Ростова на Рождество 1702 г.³². Эта драма так называемого школьного театра продолжала традицию украинских духовных школ, созданных по образцу иезуитских коллегий, где обязательным в программах обучения были театральные постановки, направленные на развитие навыков ораторского искусства, памяти и воображения учеников, а также способствующие их христианскому воспитанию. На мой взгляд, текст пьесы позволяет представить состояние культуры переходного петровского времени, в котором постепенно создавались определенные социокультурные условия, разумеется, на почве православия и глубокой веры, которые могли способствовать появлению осознанного личного самоопределения и в морали, и в вере, и в мирских делах. Начала простейшей рефлексии, визуализированные на театральных подмостках, произносимые обучающимися в школе детьми при постановке пьесы, с очевидностью расширяли возможности для укоренения в русской культуре верующего, но и рассуждающего человека.

Интересно самое начало пьесы, имеющее название «Анти-прологъ», в котором «действуют», т. е. декламируют по правилам барочного театрального искусства следующие персонажи: Натура Людская, Омыльная (обманчивая) Надежда, Век Златый, Покой, Любовь, Кроткость, Незлобие, Радость, Фортуна, Рассуждение, Железный Век, Брань, Ненависть, Ярость, Злоба, Плач, Смерть и Жизнь. По своему жанру Антипрологъ – моралите. Смысл речей, которыми обмениваются перечисленные аллегорические фигуры, – показ зрителю сложного устройства Натуры Людской; именно в ней непримиримо сталкиваются все вышеперечисленные аллегии состояний и ожиданий. Они условно, но строго во взаимно-однозначном соответствии делятся на те, что принадлежат Золотому веку: Покой, Любовь, Кротость, Незлобие, Радость; и те, что располагаются в веке Железном: Брань, Ненависть, Ярость, Злоба, Плач. Парные аллегии, воплощающие собой состояния человеческой души и тела, пребывают в постоянной борьбе друг с другом: Брань с Покоем, Любовь с Ненавистью, Кротость с Яростью; Незлобие со Злобою; Радость с Плачем. Натура людская склоняется, то к одной, то к другой в этой брани парных противоположностей, представляющих собой излюбленный прием барочной риторики – дихотомическое противопоставление.

Риторическая традиция барочных текстов, принесенных в XVII в. в Москву через Украину из Польши, опиралась на аристотелевско-августинское понимание человека, в котором соединены три состава человеческой природы: разум, память и воля. Именно об этом в первых словах «Комедии...» и сообщает о себе Натура Людская: «...в образе Бога есмь создана, // Разум, память и воля суть мне дарованна, // Не дарована, паче дана...» (403). Коллизия внутри человеческой природы объясняется известным деянием первого человека – слушанием Адамом Бога. Потому человек лишен божественных даров. «Мудрость и святыня, // Безсмертие, нетленность, жития простыня» (403) – эти дары теперь человеку не принадлежат. Однако образ Божий, как говорит Омыльная Надежда, остается основой человека. Отодвигая людское «подданство Смерти», Надежда указывает на то, что в собственной жизни именно человек управляет всеми зверями и всем земным миром. Надежда обещает человеку мира, покоя жизни, любви и удачи, радости и «незлобия». Каждая из аллегорий от своего имени произ-

носит пожелания, которые характеризуют благую жизнь человека в Золотом веке. Однако продолжается такая жизнь до тех пор, пока не поворачивается колесо Фортуны. И тогда Век Золотой меняется на Железный. Случай, движение колеса («Коло») – вот смена жизненных ситуаций, которые сулят человеку испытания в веке Железном.

Интересно, что связкой того и другого века выступает «Разсуждение». Все предшествующие аллегории представляли эмоциональную сторону Натуры Людской, теперь же слово берет ее рассуждающая природа, показывая преходящесть «прелщений» Надежды и противоположные «златым часам» суровые и горестные часы жизни. Железный Век берет Натуру Людскую в железные оковы: Брань, Плачь, Злоба, Зависть, Ненависть, Ярость делают жизнь человека невыносимой, и он ждет смерти: «О, люто окаянства в суетномъ семь мири! // <...> Во всем полно измены и непостоянства, // Горе! – В житии моемъ всего окаянства, // Ничто истиннейшаго паче смерти чаю, // Жду гроба, а красоты венець мой слагаю // Иду окруженная печальми и беды» (407). Смерть поджидает Натуру Людскую на ее пути вместе со всеми печальми. Смерть торжествует: «Сяду на престоль, озьму и венець на главу, // Да все видят у Смерти безсмертную славу» (407).

Вот здесь и завязывается коллизия всей пьесы: на вызов Смерти откликается Жизнь, которая берет на себя и власть оживления человека и его «умертвения». Главное же, она открывает перед Натурой Людской возможности «жития вечного». Библейская история Царя Ирода, убивающего младенцев, становится главным содержанием мистерии, которую «не токмо словом, но и делом» изъясляют зрителю. Димитрий Ростовский находит способ соединения мира мистерии и жизненного контекста событий. В Комедии действуют простые люди – пастыри Борис и Авраам, отправившиеся в город за покупками, и пастух Афоня, состоящий при стаде овец – аллегорические фигуры Ветхозаветных пастухов возвестивших о Рождении младенца Христа. Преступное деяние царя Ирода не дает ему счастья, он неизлечимо заболевает и отправляется в ад. Смерть торжествует, но Жизнь, *вечная жизнь*, принимает человека, не грешного, но праведного, не гордого, но кроткого и сажает на свой трон. Для барочной культуры визуальное противопоставление добра и зла, греха и добродетели, кротости и брани, любви

и ненависти и т. п., делают очевидным переживание моральной коллизии пьесы. Осознание праведных и добрых дел в его сценическом варианте расширяет культурное пространство Русского государства. Церковная проповедь о праведниках и грешниках, добре и зле, богатстве и бедности предстает на театральных подмостках по-новому, включая человека в сценическое переживание его собственных человеческих дел. Можно говорить об укреплении и развитии тех оснований, которые были заложены в царствование Алексея Михайловича, и связаны с его «интеллектуальным выбором». Конечно, в пьесе речь не идет о выборе личности, но мятущаяся Натура людская предстает во всей своей противоречивости в деле осознания себя и мира.

* * *

Завершая тему, обратим внимание на то, что *выбор* как концепт в его личностном смысле не стал системным и образующим для русской культуры в рассмотренный в этой статье исторический период. На это, как мы видели, были свои основания. Однако концепт менялся в историческом времени, расширяя свои значения и постепенно наполняясь новыми смыслами. Поворотным в этом процессе было XVII «переходное столетие».

С обретением политической и экономической самостоятельности, а еще более с развитием русской литературы³³, искусства, системы образования, академической и университетской науки, которые не смогли бы состояться вне осознанного *личного выбора* русского интеллигента XIX в., Российская империя стала тем социумом, где *выбор* как концепт вместе со многими иными (свобода, закон, право, частная собственность и др.) соединил русскую культуру с семантическим полем культуры европейской.

Примечания

- ¹ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси (в дальнейшем ПЛДР). М., 1978. С.98.
- ² Там же. С. 122.
- ³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I–IV. Калуга, 1993. С. 106.

- 4 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1 // Соловьев С.М. Соч. Кн. I. М., 1988. С. 171–172.
- 5 В «Истории русской церкви» Е.Е.Голубинский писал, что легенда о посещении хазарского кагана послами христианской, мусульманской и иудейской веры, стала своего рода источником для написания подобного эпизода в Повести временных лет (Голубинский Е.Е. Истории русской церкви. Т. I. М., 1880. С. 123).
- 6 Там же. С. 172.
- 7 См., например, сборник «Введение христианства на Руси». М., 1987.
- 8 Фурман Д.Е. Выбор князя Владимира // Избранное. М., 2011. С. 23–24.
- 9 Там же. С. 34.
- 10 Творогов О.В. Лексический состав «Повести временных лет» (Словоуказатели и частотный словник). Киев, 1984. С. 62. См.: <http://litopys.org.ua/lavrlet/lavrdod12.htm#I>.
- 11 ПЛДР. М., 1978. С. 36.
- 12 Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 6. С. 102. (Далее при ссылке на это издание: Сл.РЯ с указанием номера выпуска и страницы в тексте в скобках). См. также: http://etymolog.ruslang.ru/doc/xi-xvii_6.pdf.
- 13 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1981. С. 78.
- 14 Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001.
- 15 Там же. С. 430.
- 16 См.: Там же. С. 431–432.
- 17 Там же. С. 432.
- 18 Неёлов Е.М. Сказка и житие. Ст. 2-я. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-385390.html> С. 59–60 (дата обращения 13.03.2013).
- 19 См.: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Гл. V. Л., 1986.
- 20 Народные русские сказки. Из сборника А.Н.Афанасьева. М., 1982. С. 256.
- 21 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 195.
- 22 Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. тр. / Отв. ред. А.Л.Топорков. М., 1994. См. также продолжение исследования этой темы в XVIII в.: Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. / Отв. ред.: А.Л.Топорков. М., 2003.
- 23 Цит. по: Елеонская Е.Н. Указ. соч. С. 128–129.
- 24 Там же. С. 129.
- 25 Там же. С. 132.
- 26 Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.Аникина. М., 1988. С. 48–49.
- 27 Там же. С. 56.
- 28 См. библиографию: Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века. М., 2011.
- 29 Сильвестр Медведев. Вручение благородной и христоролюбивой великой государыне... Софии Алексиевне...» // ПЛДР XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 241, 239.
- 30 Цит. по: Комментарии // ПЛДР XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 553.

- ³¹ См., например: *Иван Пересветов* Малая Челобитная; *Он же*. Большая Челобитная (http://krotov.info/spravki/history_bio/16_bio/peresvetov.htm (дата обращения 20.04.2013).
- ³² *Дмитрий Ростовский* Комедия на Рождество Христово // ПЛДР XVII век. Книга третья. М., 1994. (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страницы. – М.К.)
- Начало русского театра было положено при дворе царя Алексея Михайловича. Для него писали в разное время выпускники Киево-могилянской коллегии Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Феофан Прокопович, Феофилакт Лопатинский и др. См.: *Софронова Л.А.* Поэтика славянского театра XVII–XVIII вв. Польша. Россия. Украина. М., 1981. А также: *Тихонравов Н.С.* Русские драматические произведения. 1672–1725 гг.: В 2 т. СПб., 1874; *Резанов В.И.* Памятники русской драматической литературы. Школьные действия XVII–XVIII вв. Приложение к исследованию «Из истории русской драмы». Нежин, 1907; *Он же*. Школьные драмы польско-литовских иезуитских коллегий. Нежин, 1916; *Перетц Б.Н.* Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903; *Шляпкин И.А.* Старинные действия и комедии петровского времени. Сб. ИОРЯС. 1921. XXVII. № I. А также: История русского театра. М., 1914. Т. 1 (<http://dramateshka.ru/index.php/prerevolutionary-theatre/4747-drevnerusskie-misterialjnihe-idejstva-i-shkoljnaya-drama-xvii-xviii-vv> (дата обращения 15.04.2013).
- ³³ Подробно эта концепция развита в трудах В.К.Кантора. См.: Кантор В.К. Русская классика, или Бытие России. М., 2004; Он же. В поисках личности: опыт русской классики. М., 1994.

Татьяна Чумакова

Выбор ученого. Наука и политика в тоталитарном обществе

Сам вопрос о возможности выбора и его последствиях неоднократно был темой исследований. О выборе ученого в СССР заговорили не только в последнюю четверть прошлого века. Этому была посвящена, к примеру, трилогия Вениамина Каверина «Открытая книга», первая часть которой вышла в 1949 г. В книге нашла отражение, в том числе, и судьба родного брата писателя вирусолога Льва Зильбера, который неоднократно арестовывался и был узником сталинских лагерей. Разумеется, Каверин не поднимал вопрос о пассивном или активном сопротивлении тоталитарному режиму, он просто рассказывал о жизни ученых в советской стране. Повествование позволяло представить «стратегии выживания» в условиях, когда отдельный человек изменить что-либо не в силах.

В чем состоял выбор большинства людей, тех, кто не интересовался политикой, а лишь хотел делать свое дело, заниматься наукой? Могли ли они позволить себе не думать о политике? Без сомнения могли, но лишь до того момента, пока политика «не задумывалась о них». Византинист и правовед В.Е.Вальденберг в 1929 г. после допроса писал: «никогда не интересовался тем, чтобы точно формулировать мои политические взгляды. <...> За свои политические взгляды я никогда не боролся и не пропагандировал их; для чего же мне было их формулировать? Но вот, после моего ареста 24 ноября 1928 г., на допросе мне был предложен вопрос о моих политических взглядах; вопрос застал меня врасплох, я отвечал на него экспромтом»¹. Новая власть заставляла делать

выбор не только в пространстве политических идей, но и заставляет по-иному расставлять акценты в научных исследованиях. И прежде всего это коснулось историков, которые должны были генерировать государственные мифы. Новой власти нужны были новые мифы, прежние династические мифы не годились. Если будущий патриотический проект времен Второй мировой войны строился на обращении к военным и государственным деятелям Древней Руси и Российской империи (показываются фильмы об Александре Невском, Иване Грозном, адмирале Ушакове, выходят монографии, посвященные древнерусским крепостям², их героям-защитникам, в блокадном Ленинграде в Казанском соборе, в дни блокады открывается доступ к могиле фельдмаршала Кутузова), то патриотический проект 1920–1930-х гг. строился на пропаганде достижений (настоящих и мнимых) русских ученых и естествоиспытателей. Послереволюционный «космополитический проект» с его представлением развития знания и науки в России как части общемирового процесса, который разрабатывался Комиссией по истории знаний (КИЗ)³ под руководством В.И.Вернадского, сменился проектом по истории Академии наук. Этот выбор наверняка казался удачным и ученым, и властям: одни могли заниматься, казалось бы, далекими от идеологии исследованиями, а другие надеялись получить идеологизированную и мифологизированную историю научных достижений России.

В конце 1931 г. директор академического архива Г.А.Князев⁴ представил в КИЗ примерный план комплексного исследования истории Академии наук на ближайшее десятилетие⁵. Г.А.Князев считал, что в первую очередь необходимо исследовать исторические источники по истории АН, затем перейти к исследованию материалов делопроизводственных фондов различных учреждений Академии, личных архивов академиков и сотрудников АН, а также фондов многих правительственных учреждений. Предполагалось, что должны быть изучены мемуары, дневники, письма, проекты, записки и другие разнообразные материалы, в том числе различные изображения и мемориальные предметы, имеющие отношение к истории Академии наук. Г.А.Князев полагал, что подготовительные работы в течение 1932–1933 гг. можно реализовать силами архива и трех приглашенных работников, и к 1943 г. работы планировалось завершить. Исследовательской группой, состоявшей из А.Н.Шебунина⁶ (репрессирован в

1937), С.Н.Чернова⁷, Л.Л.Домгера⁸ и И.И.Любименко⁹ первоначально руководил С.Ф.Ольденбург, а с 1934 г. академик И.Ю.Крачковский. Предполагалось, что они подготовят к печати «Очерки по истории Академии наук XVIII в».

В короткие сроки проделана огромная работа. И.И.Любименко совместно с Г.А.Князевым, Л.Б.Модзалевским и др. сотрудниками подготовила к публикации 2166 писем. Также она исследовала механизм подготовки научных кадров в XVIII в. Но главным для Любименко стало описание процесса создания Академии наук как логичного завершения трудов императора Петра Первого по преобразению России. Работа над «Очерками...» должна была завершиться к 1 мая 1936 г., но они не были опубликованы, поскольку Институт истории науки и техники в 1936 г. был переведен в Москву и после ареста его двух первых директором академиком Н.И.Бухарина и В.В.Осинского (Оболенского) закрыт в 1938 г. Идеологический контроль над написанием истории главного научного учреждения СССР был усилен, работу комиссии стал контролировать акад. А.М.Деборин.

Очевидно, по этой причине в первом полугодии 1939 г. Г.А.Князевым и И.И.Любименко был составлен новый план работ по двум основным направлениям: 1) написанию краткого исторического очерка Академии наук за все время ее существования (объемом 20–25 печ.л.); 2) созданию монографий по истории кафедр и учреждений Академии наук¹⁰. К работе по созданию исторического очерка первоначально были приглашены И.И.Любименко и С.Н.Чернов (XVIII в.)¹¹, А.И.Андреева (конец XVIII – нач. XIX в.), а также Б.Г.Кузнецов (XIX–XX вв.). Сроком исполнения был назначен конец 1939 – начало 1940 г.¹². Работа по истории отдельных кафедр предполагала привлечение ведущих специалистов в данных областях. Так для написания очерка по истории химии предполагалось привлечь Б.Н.Меншуткина, физики – академика С.И.Вавилова и А.А.Елисеева. Кроме того, Комиссия по истории Академии наук (КИАН) должна была работать над созданием сборников по темам, связанным с историей Академии наук («Ломоносовский сборник», «П.Н.Лебедев и русская физика в начале XX в.»).

Первый вариант «Очерка истории Академии наук» был готов к июню 1941 г.¹³ и должен был сдан в печать к концу года¹⁴. Но помешала война, и подготовка тома к печати растянулась еще на

пять лет. В годы войны работа сотрудников КИАН. Г.А.Князев 5 ноября 1941 г. писал академику Вавилову: «Мы с Любименко занимаемся хронологией XX в. и переходим уже к советскому периоду»¹⁵. Работа и комиссии, и архива продолжалась в дни блокады Ленинграда¹⁶. В декабре 1942 Г.А.Князев писал: «С 25 сентября по конец октября 1942 года мы успели <...> в “горизонтальном” разрезе, т. е. в порядке глав полностью пять глав»¹⁷. П.М.Стуловым, который умер в марте 1942 г. в блокадном Ленинграде, были собраны все материалы по истории Академии за советский период ее существования. Князевым и его супругой были составлены именные указатели и внесена правка во все редактируемые рукописи по истории АН. В последующие годы продолжалась редакция, подбор иллюстраций. Из отчета за 1947 г. нам известно, что тома прошли редактуру и были сданы в печать¹⁸. В марте-мае 1948 г. после внесения сделанных исправлений и добавлений напечатана последняя сверка тома, которая вторично отправлена в мае 1948 г. «На просмотр академику С.И.Вавилову, академику Н.Г.Бруевичу, в бюро Отделения истории и философии и Е.С.Лихтенштейну»¹⁹.

К 1950 г. был переработан (с учетом пожеланий рецензентов) и подготовлен к печати первый том; прошел рецензирование второй том; закончено редактирование третьего тома «Истории Академии наук СССР», который издали в виде сборника под названием «Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)» (М.–Л., 1950). Первые два тома так и не увидели свет. О причинах мы можем только догадываться, в архивах не сохранилось документов, в которых объяснялись задержки с публикацией рукописей, впрочем, значительная часть материалов была утрачена. Без сомнения проблемы КИАН лежали не в научной плоскости, а в плоскости идеологической. От комиссии требовалось создание идеологически выверенной истории Академии наук. Это хорошо видно из преамбулы к «Плану научно-исследовательских работ Комиссии по истории Академии наук СССР на 1951–1955 гг.», в которой сказано: «Документальное изучение истории отечественной науки и техники является актуальной научной и политической задачей работников, занимающихся этой областью знания. Решение этой задачи непосредственно связано с восстановлением исторической правды о крупнейшей и решающей роли нашего народа в развитии мировой науки, техники и культуры, с воспитанием со-

ветского патриотизма, с задачами преподавания курсов по истории отдельных научных дисциплин в истории СССР»²⁰. Необходимость учитывать ведущую роль идеологии подчеркивалась и в аннотации к пятилетнему плану работы, в котором также делался акцент на вкладе АН в развитие мировой науки, и то, что «после Великой Октябрьской социалистической революции Академия наук стала ведущим и организующим центром самой передовой и прогрессивной науки во всем мире, основанной на великих идеях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина»²¹. Надо помнить, что в эти годы репрессии не прекращались, и такой научный проект, как написание истории Академии наук, находился под особым контролем властей, которых меньше всего заботило то, насколько точно излагаются исторические факты, зато их очень волновало то, как эти факты интерпретируются, особенно на волне борьбы с космополитизмом, начавшейся в 1946 г.

Показательна в этом отношении история с другим изданием, подготовленным КИАИ, – переписки изобретателей фотографии Н.Ниепса и Ж.Дагерра, подготовленной к изданию членом Комиссии Т.П.Кравцом, почти весь тираж которой был изъят вскоре после публикации в 1949 г. в связи с «порочным характером», который выражался в «рецидиве» «низкопоклонства перед иностранщиной»²², а Г.А.Князев был отстранен от работы. Единственным бесприоритетным персонажем академической истории был М.В.Ломоносов и другие русские ученые и изобретатели XVIII столетия. Исследование его творчества превратилось практически в отдельную отрасль отечественного науковедения, в то время как история русской науки XIX – начала XX в. фактически оставалась малоисследованной.

В январе 1951 г. умер председатель КИАИ академик С.И.Вавилов, а через год появляется постановление Президиума АН СССР «О крупных недостатках в работе Комиссии по истории Академии наук СССР и о мерах по их устранению»²³. Согласно этому постановлению был утвержден новый состав Комиссии под председательством вице-президент АН СССР академика В.П.Волгина²⁴. Главной задачей Комиссии было обозначено издание «Истории Академии наук СССР». При этом академическим институтам и Архиву АН СССР предписывалось оказывать всяческое содействие работе Комиссии. Но и эта Комиссия просуще-

ствовала недолго. После смерти И.В.Сталина в 1953 г. она тоже была реорганизована, и позже вошла в состав Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР²⁵.

Результатом работы КИАН за все годы стало издание множества работ, посвященных изучению научного наследия М.В.Ломоносова и других выдающихся ученых («Ломоносовский сборник», Полное собрание сочинений М.В.Ломоносова, «Переписка А.А.Шахматова, Ф.Ф.Фортунатова и В.Ф. и Е.Ф.Коршей», Собрание трудов по физике и химии В.В.Петрова и др.); «Очерков по истории Академии наук (220 лет. 1725–1945)», вышедших в семи выпусках в 1945 г. В 1950 г. под редакцией С.И.Вавилова вышли в свет «Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)», которые представляли, по сути, первый опыт хронологической летописи Академии наук СССР, а также содержали справочно-библиографические сведения об ученых – академиков, членах корреспондентах, а также о лауреатах академических премий. Материалы, подготовленные сотрудниками КИАН в 1930–1940-е гг., в той или иной мере были использованы в трехтомном издании (том 3 не был издан) «Истории Академии наук СССР» (М.–Л., 1958–1964), подготовленном Институтом истории естествознания и техники под редакцией специалиста по политэкономии социализма акад. К.В.Островитянинова²⁶.

Все, кто работал в 1930–1940-е над историей Академии наук, могли сделать только один выбор, и они выбрали достойную позицию ученых, максимально независимую от каких-либо идеологических установок. Они были из того поколения ученых, которое еще не успело освоить такую стратегию выживания (речь идет не только о выживании в качестве ученого, но о реальном, физическом выживании), как двоемыслие, ставшее нормой уже в конце 1930-х. И это несмотря на то, что у двух главных авторов «Истории АН», И.И.Любименко и С.Н.Чернова, были свои «шкафы со скелетами». У Инны Ивановны Любименко, которая была дочерью академика И.П.Бородина и женой ботаника В.Н.Любименко (умер в 1937 г.), была сестра – Мирра Ивановна Лот-Бородина²⁷. Специалист по старой французской литературе, медиевист, она жила с 1904 г. в Париже, преподавала в Сорбонне, но кроме этого была постоянным сотрудником эмигрантских журналов «Путь» и «Вестник РСХД», была дружна с С.Л.Франком и Л.И.Шестовым

и не проявляла никаких симпатий к Советскому Союзу. Наличие таких родственников автоматически делало человека неблагонадежным. С.Н.Чернов еще в конце 1920-х был вынужден покинуть Саратовский университет из-за обвинений, да и его дружеские отношения с репрессированным акад. С.Ф.Платоновым тоже могли быть причиной для обвинений в неблагонадежности. И в таких условиях выбор между идеологически ангажированным и беспристрастным научным исследованием мог бы стать для них выбором между жизнью и смертью. Все это вырабатывало рефлекс «двоемыслия» ученого: то, что писалось в статьях или говорилось на собраниях, расходилось с тем, что он на самом деле думал; когда исследования достижений современной западной науки могли преподноситься только под видом критики, а вдумчивые читатели учились чтению между строк. Но только так, балансируя между требованиями тоталитарного государства и принципами научного исследования, выживала советская гуманитарная наука.

Примечания

- ¹ *Вальденберг В.Е.* Мое политическое кредо // *Чумакова Т.В., Златопольская А.А.* Работа В.Е.Вальденберга «Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях» // *Вопр. философии.* 2006. № 1. С. 112.
- ² *Тиханова М. А., Лихачев Д.С.* Оборона древнерусских городов. М., 1942.
- ³ Постановление об образовании Комиссии по истории науки, впоследствии получившей название Комиссии по истории знаний, было принято на Общем собрании Академии наук 14 мая 1921 г. См. подробнее: Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. док. / Сост. В.М.Орел, Г.И.Смагина. СПб., 2003.
- ⁴ Князев Георгий Алексеевич (1887–1969), историк России. Закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, после революции принял самое активное участие в создании Единого государственного фонда, был одним из основателей Союза российских архивных деятелей в 1917–1918 гг., заведовал Революционным отделом Архива Военно-морского флота в 1925–1929 гг., по инициативе Секции научных работников был назначен заведующим Архивом АН СССР с 1 октября 1929 г., где работал в течение 40 лет, до последних дней жизни. См. подробнее: Академический архив в прошлом и настоящем: Сб. научн. ст. к 280-летию Архива РАН / Отв. ред. И.В.Тункина. СПб., 2008.
- ⁵ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (ПФА РАН). Ф.145. Оп.1. Д.45. Л.138-146

- 6 Шебунин Андрей Николаевич (1887 – после 1938), историк, литературовед, репрессирован в 1937. См. о нем: *Дмитриев А.* «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии: случай А.Н.Шебунина // Новое лит. обозрение. 2002. № 54. С. 29–60.
- 7 Чернов Сергей Николаевич (1887–1942), историк, декабриствед. Окончил Петербургский университет в 1912 г., приват-доцент Петроградского университета с 1917 г., в 1918–1928 гг. профессор Саратовского университета, с 1928 г. на исследовательской работе, штатный сотрудник Института истории науки и техники АН СССР с 1932 г., профессор Горьковского университета с 1937 г. Ученый секретарь КИЗ с 15 ноября 1929 г. по 2 января 1931 г. Умер в оккупированном Детском Селе (г. Пушкин). Подробнее см.: *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006.
- 8 Домгер Людвиг Леопольдович (1894–1984), историк литературы, пушкинист, в эвакуации в Кисловодске познакомился с М.Фасмером, который помог ему попасть в Германию, где Домгер работал в Славянском университете, в 1950 г. переехал в Париж, а оттуда в Вашингтон, был редактором журнала «Америка», работал в Колумбийском университете. Архив в «Доме русского зарубежья». Фонд 24.
- 9 Любименко Инна Ивановна (1878–1959), историк, архивист, специалист в области истории отношений России и Англии. Окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы, докторскую диссертацию защитила в Сорбонне в 1908 г., с 1915-го по 1920 г. работала иностранным корреспондентом и переводчиком в Ботаническом саду АН, с 1921-го по 1926 г. служила архивистом в Централхиве, сотрудник Историко-археографического института АН СССР, Архива АН СССР. Подробнее см.: *Солодкин Р.Я.* Основные направления научной деятельности И.И.Любименко и место ее работ в отечественной историографии первой половины – середины XX в.: Автореф. дис... кандидата ист. наук. Нижневартовск, 2009.
- 10 ПФА РАН. Ф.702 Оп.2.Д.4.
- 11 Так и не опубликованная рукопись С.Н.Чернова «Академия наук в 1725–1742 гг.» (23 а.л.) была передана в 1979 г. в ПФА РАН сестрой его вдовы А.Филипповой.
- 12 ПФА РАН. Ф.702. Оп.2.Д.3. Л.3.
- 13 См.: ПФА РАН. Ф.702. Описание 1а. История АН СССР 1724–1917. Т. 1.
- 14 *Кольцов А.В.* Как писалась «История Академии наук СССР» // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 148.
- 15 ПФА РАН. Ф.702. Оп. 2. Д.25. Л. 35.
- 16 См.: *Анфертьева А.Н.* Архив Академии наук СССР в Ленинграде в годы войны и блокады // Академический архив в прошлом и настоящем. С. 164–179.
- 17 ПФА РАН. Ф.702 Оп. 2 Д.28. Л.7-7 об.
- 18 ПФА РАН. Ф.702. Оп. 2. Д. 40. Л. 6
- 19 ПФА РАН. Ф.702. Оп. 2. Д. 47. Л. 4
- 20 ПФА РАН. Ф.702. Оп. 2. Д. 62. Л. 2.
- 21 Там же Л. 8.

- ²² *Сонин А.С.* «История» с историей фотографии // Вестн. РАН. 1999. Т. 69. № 11. С. 1032–1035.
- ²³ *Кольцов А.В.* Указ. соч. С. 148, 152–155.
- ²⁴ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962), историк. Академик АН по Отделению гуманитарных наук (истории) с 1930 г., непреходящий секретарь АН СССР с 1930 по 1935 гг., вице-президент АН СССР с 1942-го по 1953 гг. См. подробнее: *Гладышев А.В.* Историк – руководящий: В.П.Волгин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 136–138.
- ²⁵ См.: *Колчинский Э.И.* История науки в городе на Неве // Вопр. истории естествознания и техники. 2003. № 3. С. 3–45; *он же.* Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова: попытка науковедческого анализа // Науковедение. 2004. № 4. С. 155–178.
- ²⁶ История Академии наук СССР. Т. 1. М.–Л., 1958. С. 10.
- ²⁷ *Poljakov F.B.* Mirrha Lot-Borodine: Wegzeichen und Dimensionen des west-ostlichen Dialoges in der russischen Diaspora II Festschrift für Hans-Bernd Harder zum 60. Geburtstag. Möstlichen, 1995.

Гуманизм – выбор пути

И помни весь путь, которым вел тебя Господь,
Бог твой, <...> чтобы смирить тебя,
чтобы испытать и узнать, что в сердце твоём,
будешь ли хранить заповеди Его, или нет.

Вт. 8.2.

Господи, мы знаем, кто мы такие,
но не знаем, чем можем стать...

В.Шекспир. Гамлет

История пульсирует во мне временами и мыслями. Прошлое, настоящее, будущее. Прошлого уже нет, будущего еще нет. Со мной неуловимое настоящее. (Аристотель, Аврелий Августин). «Правильнее говорить так: есть три времени – настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего. Все три времени существуют только в нашей душе – это память, непосредственное созерцание и ожидание», – учил Аврелий Августин в «Исповеди»¹. В дальнейшем мне придется говорить о времени и о мыслях.

Мои мысли текут во времени. Память, созерцание, ожидание. Времена в моей мысли... Где-то в исторических пластах залегают идейные основания для важнейшего в моей жизни выбора: пойдут ли я одним из путей гуманизма, где на горизонте сияет звезда Совершенного Человека или, подчиняясь указаниям различного рода идолов (властолюбию, алчности, страсти потребления и пр., «идолам рынка» или «идолам театра», по Ф.Бэкону), стану простым слугой исторических стихий. Ясно, что мое «бытийное», эмпирическое «я» окажется в промежулке между этими полюсами, но, может быть, останется цель и направление движения. Останется зовущее понимание того, что путь гуманизма – это и есть путь человека, вне которого провал и досрочное исчезновение рода. Об этом еще в конце прошлого столетия настойчиво толковали многоуважаемые члены «Римского клуба».

Надлежит осуществить выбор между эмпирией и идеалом. Задача не из легких, ибо с начала исторических времен и по сей день идеал с большим трудом пробивался в человеческое общежитие –

его постоянно дополняла, исправляла, отменяла эмпирическая данность. У меня, как и у моего современника нет морального права уклониться от выбора, но для того, чтобы, он был осмысленным, нам надлежит разобраться со своими эмпирическим и идеальным «я». Каждому со своим. Не исключено, что в поисках идеального «я», чтобы обнаружить смысл собственной жизни, мне предстоит движение за пределы физики мира и за пределы истории событий. Мне придется обращаться к теологии и к мифологии того, что составляет жизнь. Придется, видимо, обратиться к философии человеческого существования, к истокам философии жизни.

Далеко не просто искать истоки философии жизни в исторических потоках мышления, стремящегося (рационально и интуитивно) постигнуть сущность человеческой экзистенции. В потоках мысли присутствуют «экзистенциалисты»: Плотин, Августин, Паскаль, Кьеркегор, а также Эмпедокл, Гераклит, Марк Аврелий, отцы церкви, Абельяр, Бруно, Спиноза, Шеллинг, Камю... Истоки таятся в духе первобытной культуры, творившем и поныне живые мифы и религии. Истоки в сокровенном внутреннем мире человека, к которому я хочу приобщиться, стремясь уйти от недосказанности, унылой необходимости, повседневности и неизбежного конца своего существования. Уйти к многомерности бытия, к сути свободы, к бессмертию, возможно. Но это уже похоже на идеал, и я стану обращаться к нему в течение повествования, а пока задержусь на экзистенции и попытаюсь рассказать вам о себе как о произведении своего времени, чтобы посмотреть, продвинулись ли мы («я» и время) по пути гуманизма и человечности.

Позвольте представиться: полагаю себя произведением, даже жителем XX столетия, не взирая на то, что успел некоторым образом обозначиться в нынешнем. Считаю своим не все столетие, тем более не все, что о нем знаю и помню, не все, чему был свидетелем, в нем принимаю, а многое считаю необходимым навсегда изгнать из дальнейшей истории, при этом сохранив в памяти. Из коллективной памяти об ушедшем нельзя изымать знания о массовом терроре и ГУЛАГе; не следует забывать, что были Освенцим, Белжец, Хелмно, Майданек, Собибор, Трешлинка, Бухенвальд... Забывать об этих составляющих моего века нельзя, но было и другое – незабываемое, достойное и героическое. Поэтому именно он в большей степени представляет мое «настоящее прошлое»,

мое время, каковое, как отмечалось, существует «только в душе», а лучше, просто «в душе». В нем не только мировые и гражданские войны, тоталитарные режимы и диктатуры, толпы и неизбежные революции. В нем «через тернии к звездам» пробивал себе дорогу гуманизм. В нем формировались мои представления о ценностях, о ценности жизни, в частности. Но в нем же остались мои главные ожидания и разочарования. Несбывшееся. Из своего настоящего я вновь зову несбывшееся, но понимаю, что оно не придет, ибо время его ушло.

Конечно, столетие хранит о себе и мою благодарную память об истории отечества. Вспоминаются, для начала, и ликвидация неграмотности, и индустриализация с электрификацией; затем бесплатная медицина и образование. Далее я помню, и героическое освоение Севера, и энергичное участие в раскрытии тайн Мирового океана и в составлении подводной, планетарной географии, и, конечно, Победу, поколение победителей, и мировые заслуги фундаментальных наук, и освоение космоса, и многое другое. Например, отсутствие масштабного воровства в Министерстве обороны. Чем точно не могу похвастаться, так это бывшим, менявшимся политическим руководством. Сегодняшнее руководство по ряду параметров выгодно отличается от предшественников, но эволюция его еще не завершена и многое настораживает. Скажем, несменяемость двуглавого верховного начальства и весьма творческий подход к истолкованию Конституции. Хотя, как отмечал еще граф Жозеф де Местр: «Каждый народ имеет то правительство, какого достоин». Правда, если читатель не возражает против банальностей, я мог бы заявить, что каждый народ имеет ту историю, которой он достоин, а история выявляет и образует степень его общечеловеческого достоинства. Впрочем, похоже, это совсем не банально и может стать предметом отдельного, специального разговора. Может быть, в свете этой истины станут лучше видны и по-другому читаться некоторые страницы отечественной истории. В целом, по нашим понятиям, славной, трагической и великой, но иногда не слишком добродетельной, а иногда и постыдной истории.

Но, в любом случае, следует прислушаться и к тому, о чем толкует граф – современник Французской революции и Бонапарта. Вот, скажем, если бы тов. Сталин задумал объявить себя и Императором, могло бы это предложение, исходящее из глубин народной

жизни, разумеется, быть принятым в результате всеобщего, тайного голосования? Не думаю, что вопрос целиком принадлежит прошлому: вспомним современные дискуссии и требования переименования города на Волге в честь Сталинградской битвы.

В этой связи мне не мешает задуматься о том, кто я и что мне нужно приобрести или поменять в себе, чтобы заполучить, в частности, достойное правительство, которое в состоянии повести меня каменистой тропой гуманизма. Пока мне даже отдаленно не довелось жить при правительстве моей мечты. Придется, видимо, пока таким, как я, шагать самим, пытаясь создавать новое гражданское общество. Для строительства такового Кант советовал стать гражданином мира, т. е. каждому мыслить так, чтобы его мысль была понятна другому. Ныне для этого мне потребуется знание проблем глобализма и изрядное экономическое и политическое образование. По крайней мере, постоянное чтение и понимание соответствующих текстов. Размышление и собственное понимание.

Вновь звать несбывшееся у меня есть основания. Есть, не исчезли и основания хранить много проясняющую память об ушедшем столетии. В том числе, как уже отмечалось, благодарную память. Я живу не одним только прошлым и вижу, что сегодняшнее время явило много разнообразных талантов, но именно в том столетии были созданы и утвердились любимые мною, великие литература и поэзия, любимая «гармония звуков» и живопись; театр и кино («важнейшее из искусств»), режиссеры, актеры и роли. В нем же родились мои любимые песни, из которых я больше других выделяю песни о войне и героизме. Меня согревает то, что все исполнители пели своими голосами, а не разевали рты под изготовленную шоу-бизнесом «фанеру».

В том времени навсегда осталось большинство моих многоуважаемых учителей, кому больше других я обязан собственной личностью. Осталось уже очень много моих дорогих друзей. Все они живут в моей памяти, возможно, и в нашей коллективной памяти. Все они авторы и соавторы моего путеводителя по дорогам жизни. Учителя наставляли меня в любви к мудрости, и не их вина в том, что не все уроки хорошо усвоены. Далее я поведу речь об идеологиях, а пока отмечу, что различаю собственную, персональную и официальную идеологии и укажу, что большие хлопоты моим учителям, философскому сознанию доставляла официальная

идеология, которая, правда, менялась со временем, подобно всем иным человеческим произведениям. Здесь можно вспомнить контролирующей мысль и сознание «принцип партийности» в культуре и в философии. Первоначально он претендовал на то, чтобы быть всепроникающей доминантой любого мышления, а в итоге свелся к требованию материализма, на чем настаивало естествознание. В области социальных наук принцип партийности поддерживал ортодоксальный марксизм.

Разные случаются идеи и идеологии. Иногда весьма полезные, иногда не очень. Есть своя идеология (логика «идей») даже у воровства и разбоя, есть внутренние обоснования у традиционного российского пьянства. Революционер-реформатор Б.Н.Ельцин призывал, помнится, интеллигенцию спешно создать для «россиян» новую национальную идею. Не идеологизированную, подчеркивалось. В этой связи отмечу, что нация, которой управляет идея, лишенная логики, нуждается в излечении, в пристальном внимании Неба, а ее коллективное, массовое сознание должно быть помещено в одну из небесных психиатрических клиник. Для восстановления былого статуса Богоизбранности хотя бы. Пока еще ни один народ не смог отказаться от собственного особого отношения с Создателем и от права нести эту истину религии всякому иному сознанию. «Что хочет Америка, то хочет Бог!» – эта идеология разнесла по всему глобализму оружие и триллионы внешнего долга США. Моя родная держава, как уже отмечалось, тоже не образец «непротivления злу насилieм» и, было время, стремилась по всему миру нести правду социализма. Атеистически-религиозную правду. Сегодня мы ушли от биполярного мира. Явился Китай и «перезагрузка» мировых отношений, и далеко не ясные перспективы.

Что касается национальной идеи, то, по моему убеждению, она является одним из аспектов, одной из возможных проекций человека-личности на ту историю, которая его сотворила. Русская идея – это слияние личности с русской историей, с русской культурой, с ее народностью, религией, с национальными интересами, с будущим России. Слияние не означает безоговорочного подчинения, оно означает сопричастность. Национальная идея меняется вместе с национальным сознанием, которое также подвержено влиянию разных, главным образом политических причин. В этой

связи нам, «россиянам», явно не повредит более трепетное отношение к заветам предков. Хорошо бы еще разобраться к каким... Продолжим об идеологиях.

Идеи и идеологии вносят порядок в сумятицу общественного сознания. Так сложилось, что термин «идеология» оказался тесно связанным только с политическими реалиями, и напрасно. Логика идей упорядочивает наше мышление, начиная с той поры, когда пра-логическое мышление² предков уступило место «дискурсивному» способу познания, т. е. строящемуся на понятиях и выводах, образованных на основе логических умозаключений, на последовательном соединении признаков и доказательств, на поисках причин и следствий. Дискурсивное, в отличие от интуитивного, т. е. непосредственного, без ясных определенных понятий и логики познания, опирается на рациональные соображения и определенные идеологии. Двадцатый век – это век, когда, оставаясь рациональными, радикально менялись многие исследовательские идеологии или парадигмы, если кому-то больше нравится этот термин. Вместе с ними менялись наши представления о мире, о себе и о своем месте в мире.

«Время стоит – это мы проходим» – такую мысль провозглашал любитель мудрости, епископ Гиппона, рожденный в Тагасте (что в Северной Африке), уже упоминавшийся блаженный Августин. Н.М.Карамзин утверждал, что «слова принадлежат веку, а мысли векам». Мысль Августина принадлежит векам. Триста лет время «стояло» или равномерно текло, независимо от каких-либо физических реалий, равнодушное к событиям подлунного мира, в небесной механике Ньютона, пока ее не потеснила иная научная идеология-парадигма. Двадцатое столетие, специальная и общая теории относительности изменили идею (и логику) пространства-времени-тяготения, а квантовая механика (и дальнейшие чудеса физики мира, вроде допустимости путешествий во времени) сильно проблематизировала «логику непротиворечия» Аристотеля и стимулировала появление и утверждение многозначных и паранепротиворечивых логик. Споры о логике Аристотеля продолжают и по сей день, и даже приобретают новую актуальность. Здесь я считаю уместным отослать читателя к книге Яна Лукасевича «О принципе противоречия у Аристотеля»³ и к предисловию к ней проф. А.С.Карпенко, где анализируются проблемы современных многозначных логик. Для меня важно, что и сама логика подвер-

жена влиянию и развивается в рамках идеологий. Идея и логика... Сомнительно, чтобы в человеческом уме они могли существовать раздельно. Хорошо уже и то, что логика, как и прежде, проводит истину от посылок к следствиям и из истины не следует ложь.

Мысль Августина принадлежит векам, несмотря на изменчивость представлений о физике времени. Тем более, что он прав и мы живем, подчиняясь законам независимого от нас времени. Мысль и время – это, конечно особая тема, ибо мысль является весьма своеобразным «бытием» и может, как никакое иное, странствовать по миллиардам лет в любом направлении, выходить за пределы времени в вечность и далее почтительно поклоняться Предвечному. Августин, полагавший, что «мир сотворен не во времени, а вместе со временем»⁴, следует именно такому направлению ума. Мне же, учитывая задание статьи, важнее отметить, что, объединив в одном учении две идеологии – греческое убеждение в изначальной гармонии мира и рациональность с христианской верой и убеждением в творящие начала любви и свободы, классик патристики сумел стать одним из признанных толкователей сути творческой личности. Личности, которая веками плодоносила в европейской истории и не утратила этого свойства до нашего времени. Этому свойству личности есть, следует найти объяснение. Об этом еще предстоит разговор, как о составляющей главного задания истории по части поисков человеческих совершенств.

Когда я размышляю о становлении и прошлом гуманизма, то невольно задаюсь вопросом о том, кем «я» был, когда меня не было. Память уносит меня далеко за пределы моего родного столетия, ведет к берегам великих рек и водоемов, к разным временам, разным цивилизациям, культурам, к разным племенам и народам. Все, что было не со мной, помню. Понимаю: чтобы помнить, нужно прежде знать. Знание опережает память. Знание стимулирует и обогащает память. Наша память прирастает знанием. Следуя адресованному потомкам Завету первого пророка Яхве Моисея, постараемся познать и припомнить весь уже пройденный путь собственного, пока еще не завершеного, «исхода» из рабства, или из плена первобытных страстей и инстинктов, к высокой морали к Свободе, т. е. к Совершенному Человеку. Но перед этим позвольте одно замечание как ответ на возможное обвинение, что предлагаемое движение есть путь к мифической цели.

Пусть в дальнейшем никого не смущает принятое в статье несколько вольное толкование понятие «миф». Послушаемся совета методолога Поппера и не станем затевать бесполезного спора о значении принятых терминов. Мифом я называю своеобразное истолкование реальности и отклонение от нее в сторону воображаемого и желаемого. В дальнейшем я стану следовать именно такому, вовсе не противоречащему и совместимому с традиционным, пониманию мифа (и мифологии).

Нас не должно удивлять то обстоятельство, что пройденный и предстоящий путь, случается, прорастает мифологемами и замешанными на них идеологиями. Как, например, вы относитесь к древнему убеждению о коммунистическом равенстве всех перед Богом? Мифом является коммунизм как учение о земном Рае для человека и мифом является то, что наш воруемый и коррумпированный капитализм уже в скором времени станет обществом всеобщего изобилия. Это уже капиталистический рай. Мне предложено выбирать, к чему склонить свои симпатии. Реальность утверждает, что финансовая верхушка общества поражена неизлечимой, заразной болезнью, называемой отсутствием совести, а миф настаивает, что это болезнь роста, что в скором времени наши олигархи перекуются в патриотов России и в страну от них хлынут потоки инвестиций из зарубежных банков. Подобно идеологиям, мифы бывают разной степени полезности. Мы во многом управляемы мифологическим сознанием, но, как говорил глубочайший исследователь природы и феномена мифа Алексей Федорович Лосев: «Миф – это жизнь». Мераб Мамардашвили считал миф «человекообразующей машиной»⁵. Мы периодически разоблачаем мифы, чтобы на их месте воссияли другие. Такова жизнь. Я зову Совершенство, хотя знаю, что оно является мифом и прорастает на почве реальности при содействии мифа. Миф – это то, что выводит меня за пределы физики мира и событийной истории в область воображения. «Расскажи мне не о том, что было, есть и будет, а о чем-нибудь еще», – предлагал Гомер.

Теперь, после оговорки о роли мифа в моем умозерцании, я могу продолжить свои изыскания в области гуманизма и Идеала гуманизма. Ясно, что реальность и реалистическое сознание должны контролировать воображение, но без воображения не обходится ни одна самая строгая наука. Не обходятся не только поиск истины, но и ее толкования и интерпретации. Скажем, если бы сила земно-

го тяготения в два раза превышала ту, что имеем, наши длинноногие дамы были бы в два раза ниже и плотней и «Мисс Вселенная» выглядела бы иначе. Но мы выходим за пределы физики, и вот уже: «Красота спасет мир!». Не только женская красота. Мы мысленно уходим еще дальше от физики: красота не только тела, но, главное, красота души... Мы на пути к идеалам и совершенствам.

Известно несколько исторических персонажей достойных, не только по убеждениям учеников и поклонников, претендовать на роль Совершенного Человека. При этом каждый со своей теологией и философией образа. И каждый пророс обильными всходами мифологий. Могу назвать принца Гаутаму – последнего Будду или Пророка, слугу Аллаха Мухаммеда. Меньше у нас известен царь и воин Кришна. По понятным причинам мне ближе всего Иисус из Назарета, оставивший потомкам Новый Завет. Спаситель возложил на меня, на мою совесть ответственность за происходящее. Согласно изреченному Слову, отдельному индивидууму предписывалось то, что прежде относилось к компетенции рода. Ко всему прочему, ему надлежало стать единицей всемирного братства, где нет ни эллина, ни иудея, ни бедного, ни богатого. Коротко говоря, человеку было предложено стать новой Личностью и в дальнейшем самому писать новые главы своей истории.

Случится это, однако, не раньше, чем им будет исполнен моральный кодекс, согласно которому следует возлюбить врага, подставить другую щеку для удара, когда ударили по одной и проявить иное неппротивление злу насилием. Как я понимаю, это уводит исполнение задачи к горизонту существования и к «путеводной звезде», подобной той, что светила волхвам над Вифлеемом, возвестившей о появлении Богочеловека. Пока же мы живем, скорее, по Пятикнижию упомянутого уже Моисея, где можно встретить «око, за око и зуб за зуб», при том, что «люби ближнего твоего, как самого себя». (Лев. 19, 18). Последнее, правда, относится только к «сынам народа твоего». Сложнее с его советом не воровать. Поэтому не стану касаться сугубо религиозной составляющей учения Христа и, сознавая условность этого разделения, ограничусь его возможным, так сказать, светским толкованием. Что касается религиозной стороны дела, оставим ее ученым толкователям мифа. Не безмолвного, но зовущего ко благу Мифу. К тому, от чего мы становимся лучше и добрее.

Самое важное, полагаю, в том, что было заявлено о самоценности человеческой личности, и личность выдвигалась со второго на первый план исторических оценок движения. Это обстоятельство следует учитывать и современным научным теориям человека, личность и сознание которого готовы растворить психоанализ, подсознание, коллективное бессознательное... Тот путь, на который зовет возможное светское толкование религиозного Завета, ведет нас к науке и к новой философии личности. Для начала, к синтезу светского и религиозного подходов в вопросах морали. Но, главное, что человек объявляется носителем трех фундаментальных стремлений-свойств. Или ипостасей-сущностей. Это – познание, любовь и свобода. Они направляют и ведут нового человека по долгим путям познания к любви и к свободе, согласно тому, как человек понимается в т. н. «классической теории личности», каковой я на протяжении всего нашего разговора следую. Такие человеческие цели тесно взаимосвязаны. Скажем, познание весьма гуманно, если для достижения цели употребляются только дозволенные моралью любви средства, а результаты не только во благо отдельных групп и персонажей. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными», – провозгласил апостол Иоанн (Ин. 8, 32).

По линии познания мы узнаем, что дорога к человеку (тем более, человек в потенции) обозначилась задолго до появления христианской версии личности. Что касается места человека во Вселенной, то достоверно известно только то, что по крайней мере в одной из ее областей возник по крайней мере один очаг жизни. Было ли это делом случая или появление жизни является следствием неизвестных пока закономерностей? Остается простор для самых разнообразных фантазий. Существует, правда, антропный принцип, но содержание его настолько размыто многими сторонниками, что их общее согласие сводится к заявлениям о том, что для появления жизни и человека нужен комплекс определенных условий. Каких? Здесь большое разнообразие мнений. Впрочем, согласно современным теоретическим построениям (возраст теории около 30 лет), если бы в начале времен, в первые мгновения после Большого взрыва возникли иные значения мировых констант, некому было бы рассуждать об антропном принципе. Похоже, автор слишком глубоко забрался в свое «настоящее прошлого». Глубоко для заявленной темы гуманизма. Подойдем к ней ближе.

Опустим приматов, появление предков человекообразных обезьян, обособление ветви гоминид, прямохождение австралопитеков (на все это эволюции потребовалось 75 млн. лет). Антропологи полагают⁶, что примерно 2 млн. лет назад по планете уже шагал архантроп, поедая плоды деревьев, траву и мясо, отращивая мозг, пока мозг не стал системой образованной сотней миллиардов нейронов. Тогда в сумерках животного существования, в немоте протоистории вспыхнуло сознание. Произошло это судьбоносное для меня событие около 200 тыс. лет назад. Появился современный вид человека. За 40 тыс. лет до рождения Христа и начала новой эры появились искусство и сельское хозяйство. Сегодня специалисты утверждают, что ДНК-анализ показывает явление нашего общего генетического предка (прототипа библейского Адама) уже за 60 тыс. лет до н. э., и с него началось время идей и реализаций. Немного позже поговорим о совсем молодом, недавнем «осевом» времени.

Не знаю доподлинно, какую роль сыграл труд в процессе превращения обезьяны в человека, если человек произошел от обезьяны, в чем давно уже сомневаются антропологи. О роли труда хорошо знал наш бывший классик Энгельс. Среда обитания труд, конечно, раздвигал. Учитывая последующую историю, следует предположить, что, кроме изобретения и производства орудий труда, фундаментальную роль в становлении и эволюции человека сыграло изобретение оружия, на производство которого с той древней поры направлены усилия лучших умов, а сегодня науки и техники. Но следует продолжать собственную тему.

Движение к гуманизму началось не раньше, чем человеческий род стал осознавать себя в качестве такового и попытался, исходя из этого факта, строить общечеловеческую мораль. Непростое задание, крайне противоречивое и не при всех обстоятельствах осуществимое. Дело в том, что новое порождение эволюции выпадало из прежнего порядка вещей. Речь идет не только о появлении сознания. Я о возникшем противоречии. С одной стороны, генетическому Адаму не возбранялось в большом, все возрастающем количестве истреблять представителей своей расы, своего рода и вида, чего в животном мире до него не случалось. С другой, — для исполнения морали ему следовало с симпатией относиться к собратьям по генетике и по естественному отбору. Задание со временем

осложнялось тем, что между братьями утвердилось разделение труда, формы и способы присвоения результатов труда собрата; социальные группы, групповые интересы и групповое сознание, что все вместе сильно затрудняло и до сего дня затрудняет дорогу к Совершенному Человеку и Всечеловечеству. Дорогу к Храму. К тому, к чему с давних пор зовут мировые религии. Затрудняет, но вовсе дорогу не прекращает.

Поиски истоков гуманизма, как мы помним, таятся в глубине веков, ведут к разным культурам и цивилизациям. Ведут к истокам формирования личности и морали, ко временам перехода от массово-архаических, коллективистских, этнических или локальных религий к религиям личностного спасения, называемых нами мировыми религиями. И вот что интересно. Названный переход и поиски моральных регуляторов поведения происходили в разных, иногда мало, иногда вовсе не связанных взаимовлияниями культурах, что, ко всему прочему, указывает на их закономерный, исторический и общечеловеческий характер. Скажем, нравственный императив, известный как «золотое правило» морали, мы находим в буддизме, даосизме, индуизме, исламе, конфуцианстве, сикхизме. Конечно, и в христианстве: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Аналоги золотого правила можно найти у Гомера и в «Этике» Аристотеля. Императивы обращены, конечно, к эмпирическому человеку, к его повседневности, хотя идеальный человек тоже присутствует, подразумевается моралью. Более того, он приобретает в итоге форму единого Бога. Идеал в очередной раз обгонял и придавал новый, более глубокий смысл человеческой экзистенции и всей философии существования. Отслеживая смысл и назначение истории, экзистенциалист К.Ясперс обратил внимание на появление на одной временной оси человека нового типа (современного человека, фактически) и целого ряда весьма значительных исторических персонажей. Обнаруженная Ясперсом ось мировой истории, «осевое время» между 800 и 200 гг. до н. э. включает эволюцию от мифологического к философскому сознанию⁷. Человек начинает осознавать мир в целом, а вместе с этим перед ним открывается трагизм бытия и собственная незащищенность. Появилась нужда в рефлексии, в поиске абсолютного и трансцендентного мира, истоки которого нужно было искать только в самом себе. Призыв дельфийского оракула по сей день является центральной задачей

человеческого творческого поиска: «Познай самого себя»! В осевое время родились основные категории, которыми мы мыслим и направлений нашей мысли, к чему мы еще будем возвращаться.

В Китае учили Конфуций и Лао-цзы, в Индии появились Упанишады, жил Будда; в Иране Заратустра говорил о вечной борьбе добра и зла; Палестина узнала своих пророков – Илия, Исайя, Иеремия... В Греции – это время поэзии Гомера и философии Парменида, Гераклита, Платона; время Фукидида, Архимеда и трагиков; время выдающегося реформатора архонта Солона, побуждавшего граждан к политической самодеятельности, стремившегося ограничить произвол богатого сословия для пользы бедных слоев и соединить нравственность и законность. От Солона тянется нить к нашим нынешним проблемам и до нас долетают его рекомендации. Словом, современный человек в те времена уже состоялся и эволюционирует, порождая новые природные и социальные условия порождения, новые типы личностей и новые моральные кодексы. Всеобщая, общепризнанная мораль светится на моем горизонте.

Хорошо бы, чтобы две вещи наполняли мою душу, подобно душе Канта, «всегда новым удивлением и благоговением – звездное небо над головой и моральный закон во мне». И ни одну не было бы «надобности искать как нечто окутанное мраком», поскольку они перед нами и непосредственно связаны с сознанием нашего существования. Хорошо бы, но, кажется, восхищение моральным законом опять-таки скорее относится к идеальному, а не эмпирическому человеку. Можно к уже названным добавить еще одно препятствие на дороге утверждения общечеловеческих начал. На этот раз отметим сами мировые религии, которые никогда не приветствовали соперников по влиянию на умы и души, не одобряли инакомыслие, тем более, инаковерие. Кантовская «религия в пределах только разума», самые миролюбивые «по вере их» религии затевали кровопролитные войны с иноверцами, даже с братьями по вере, но иной конфессии. Наша память хранит костры инквизиции времен Возрождения и Реформации, когда история направляла народы Европы к «новому мышлению».

В этой связи, и не только в этой связи, хорошо бы ответить на такой, казалось бы простой, вопрос: существует ли «прогресс» исторической личности? Обычно мы справедливо связываем про-

гресс с социальной стороны нашего общежития, с достижениями науки и техники, с общим улучшением «качества жизни». Но здесь необходимы оговорки. История сильно проблематизирует результаты поступательного движения, от этого и затруднения с комплиментами в адрес личности.

Кажется, что положение изменилось – нет уже кровопролитных религиозных войн. Шахиды еще взрываются, террор присутствует, но религии, мне кажется, вошли в полосу большей взаимной терпимости. Жаль, что двадцатое столетие является чемпионом истории по количеству убиенных личностей, по растворению «личностей» в толпах, по замене идеалов на идолов. Мы были близки к самоистреблению рода, но, может быть, рожденный столетием глобализм потребует и породит более гуманное мировое сообщество. Слишком велики риски, чтобы терпеть их далее. Риски, правда, не уменьшаются – энтузиасты наверняка исполняют заказ на производство или совершенствование нанобомбы и психотропного оружия. Но тем большие обязательства и ответственности это накладывает на гражданина-личность. Мир на планете, как и прежде, поддерживает стратегия «гарантированного взаимного уничтожения». Печально, но мы в значительно меньшей степени, чем во времена древних религий, можем контролировать и управлять своим будущим.

Сегодня эта утрата является центральной, главнейшей проблемой человеческого сообщества. Не религия и не наука проектируют и управляют будущим, а «идолы рынка» и крайне проблемные, чреватые мировыми кризисами финансы. Финансы принимают форму едва ли не тоталитарной диктатуры. Они назначают (избирают) власть, президентов и правителей, ведут человека, от места рождения через жизнь и далее, организуя ему соответствующее место на кладбище. Финансы ныне «заказывают музыку». Обыватель уяснил, что будущее не предсказуемо, но еще не сообразил, что оно сотворимо. Пока совокупное человечество, даже если отвлечься от производства оружия, не столько созидает, сколько разрушает собственное будущее. Мы ворует нефть и газ у внуков и правнуков, не слишком заботясь поисками новых, альтернативных источников энергии. И не желаем знать и помнить, чему учит мудрость Конфуция: «Того, кто не задумывается о далеких трудностях, непременно поджидают близкие неприятности».

Будущее сотворимо, если творцам удастся использовать накопленную актуальность и потенциал искусства, науки, культуры. Теперь я могу вернуться к вопросу о том, существует ли феномен, точнее, феноменология, которую можно понять, как прогресс исторической личности? Ответ, полагаю, должен быть отрицательным. Человек во многом изменился к лучшему, случалось, изменялся и к худшему – дело не в этом. Изменились ли его устремления к творчеству и его творческие возможности? Творчество является главной отличительной особенностью, основополагающим началом, атрибутом личности. Человек в той степени является личностью, в какой в нем присутствует и реализуется творчество. Обстоятельства могут, либо препятствовать, либо способствовать творчеству, но суть личности остается неизменной. Творчество образует главный (не единственный) смысл жизни; в творчестве реализуется то, зачем «я» явился, хочу познать мир и рассказать о себе другому. Понятно, что есть разных масштабов личности. Творцом может быть кузнец и хлебороб, поэт и ученый, монах и миссионер, «раб» Спартак и его воины, бунтари и те, кто служит Закону.

Станем же реализовывать те потенции, которые перешли к нам от предков; желательно на пути к идеалу. Размышляя о направлениях движений всемирной истории, сложно не заметить благие подвижки, в особенности, успехи познания. Мы живем в мире мало напоминающий тот, в котором жили наши предки. Иной Космос, иная Вселенная, иной человек. Но вот великий Ньютон утверждал, что своим успехам обязан тому, что стоял на плечах гигантов. Отдадим и мы должное шедшим перед нами по долговому пути гуманизма.

Связь и гармония человека и Космоса (безличного, как у греков, или личного, как у христиан), человека и общества, гражданина и государства, законосообразность мирового и социального порядка, необходимость и случай, воля и произвол, ограничение свободы – рок и предначертание, – личная свобода, уникальная индивидуальность, коллективизм – все уже было в веках, бывших прежде нас. Абсолютное добро, всеобщее благо, долг, который превыше всего, совершенная красота, открытое бесконечностям познание, и прочее, что составляет атрибуты и модусы Совершенства и что выводит нас в идеальный мир за пределы физики мира и истории событий, светили еще ионийцам, а по-другому,

из иных светильников на берегах Нила, Тигра и Евфрата, Ганга и Хуанхэ, на берегах Мертвого моря. Вспомнилось мне это потому, что захотелось отметить общий с моим современником категориальный строй мышления предков и похожие поиски смысла жизни и смысла истории.

Теперь я хочу напомнить, что греко-римская античность является культурной родиной европейцев. Античности, ее первоначальным творческим импульсам обязаны Возрождение и барокко, Просвещение и романтизм... В поэтике Европа вплоть до романтизма шла тропами проложенными Аристотелем и Горацием. Каждый европейский эпик на свой лад наследник Гомера или Вергилия, каждый комедиограф – Плавта, Аристофана или Теренция, каждый трагик – Еврипида или Сенеки. Архитектура Витрувия вдохновляла зодчих Ренессанса и барокко. «История» Фукидида проходит через всю европейскую историю и учит не только историков. Можно продолжать, перечислены далеко не все «фигуранты», оказавшие влияние на европейскую культуру. Одни эпохи и персонажи связывали себя с именами Аристотеля или Платона, другие с неоплатонизмом, стоицизмом или античным материализмом. В моем любимом двадцатом веке Б.Брехт истолковал миф об Антигоне в духе исторического материализма, Ж.Ануй представил Антигону экзистенциалистской и т. п. Римское право было положено в основу кодексов Нового времени.

У России свои особые отношения с античностью. Как и в прочей Европе, античность включена в содержание культуры, смотрит с художественных полотен; она в камне и бронзе, в идеале красоты человеческого тела. По понятиям наших предков, едва ли не до конца девятнадцатого века история начиналась с Троянской войны и Гомера. Читающая Россия столетия впитывала мифологию, философию и нравучительность Илиады и Одиссеи. Творческие импульсы античности ощущали Ломоносов и Пушкин. Чтобы долго не говорить на тему греко-латинского влияния, можно напомнить о знаменитой некогда Славяно-греко-латинской академии, где возвращалось историческое, национальное сознание или о «дионисийском культе» внутри русского «культурного ренессанса».

Идущая из древней Ионии философия и вера в изначальную гармонию мира, в то, что «все есть число», способствовали появлению и развитию естествознания и математики, вследствие

чего европейская наука оказалась далеко впереди выдающихся арабских мыслителей и мудрецов Поднебесной. Отметим школу пифагорейцев, введенное ими понятие иррациональных чисел, математической бесконечности, предела и беспредельного; математические идеи Платона в обосновании математики⁸ и то, что до сего дня платонизм присутствует в умах многих, если не всех математиков. Выше говорилось о дошедшей к нам от Аристотеля логике, теперь хочу напомнить, что преобразованная математикой формальная логика давно уже лежит в основе анализа языка науки, и не только науки. Еще Сальери у Пушкина «алгеброй поверил гармонию» и правильно поступил. Не проверил, заметьте, а поверил, т. е. соотнес музыку с математикой. Логические исчисления связаны со многими чудесами сегодняшнего дня. Логика неотделима от компьютеризации и мировых информационных сетей. Главная же ее заслуга перед мышлением в том, что логика от века, от начала личности устраняет, ограничивает неопределенность, творит из хаоса порядок. Идеологии упорядочивают убеждения, логика вносит порядок в умы, в мысли.

Еще одни истоки русского сознания ведут, как уже отмечалось, к берегам Мертвого моря, к истории еврейского народа. П.Я. Чаадаев усматривал в культуре Греции чистое язычество, имеющей смысл только в сочетании с иудейским монотеизмом. Он считал, что иудейская этика выше и подчиняет античную эстетику. И вспомним, что Чаадаев был философским учителем и вдохновителем Пушкина. Но лучше, если по этому вопросу я отошлю читателя к замечательной книге К.М. Кантора, к его фундаментальному труду «Двойная спираль истории»⁹.

* * *

Двадцатый век, который я вызвался представлять, являлся самым смертоубийственным, самым трагичным столетием в истории человечества. Но, как советовал Гораций: «Люби не то, что хочется любить, а то, что можешь, то, чем обладаешь». Хочу прояснить важный для меня вопрос: продвинулись ли мы с моим любимым веком на пути к гуманизму и к тому, кто был назван совершенным человеком? В ответе воспользуюсь мудростью Сократа, который

«знал, что он не знает». Для нынешнего дня характерно уплотнение, замедление социального времени. Оно, правда, не «стоит», зато «мы проходим» значительно быстрее. В единицу времени укладывается значительно больше социально и исторически значимых событий, чем во времена Августина. Все так. И все же столетие слишком малый срок, чтобы определить суть эпохи. Тем более, если речь вести от эманаций энергий Несотворенной Творящей Сущности, от Большого взрыва, от неподвластных времени мифологических персоналий и сущностей по долгому пути к современному человеку, сроки эпох возрастают. Поэтому «я знаю, что не знаю» и окончательного ответа на поставленный вопрос у меня нет. Зато я знаю, что сохраняется способность человека-личности к творчеству, а значит, что и смысл жизни многие видят не только в хорошем пропитании, карьерном росте и обладании. На них уповаю, на них моя главная гуманитарная надежда.

Похоже, мы живем в переходный период мировой истории, на переломе времен, когда старое еще держит, еще не ушло, а новое еще не утвердилось. Не завершена еще «перезагрузка» мировых отношений. Россия также на переломе, а всякий перелом, кроме позитивных подвижек, содержит много уродливого. Главное – не закрывать на уродства глаза, даже, и тем более, если они поражают органы власти. Конечно, «мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать», и это не только оттого, что разучились контролировать будущее, но еще оттого, что будущая творческая личность сама выберет свои дороги. Наша историческая задача не помешать и создать для этого условия. Но идеалы ей не мешают. Идеальный человек, в частности. Ни одна культура не обходилась без образа идеальной личности, хотя «эмпирия», «экзистенция» всегда вносят в идеал свои поправки.

Совершенный Человек, как и прежде, светится на горизонте истории.

Примечания

- ¹ *Августин Аврелий*. Исповедь. М., 2005, С. 222.
- ² *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. С. 87 и др.
- ³ *Лукасевиц Я.* О принципе противоречия у Аристотеля. М.–СПб., 2012. См. также вступительную статью А.С.Карпенко.

- 4 *Августин Аврелий.* О Граде Божием. Кн. XI. Гл. 6. (http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/o_grade=11_6 (время обращения 15.03.13))
- 5 *Мамардашвили М.К.* Путь к очевидности. М., 1999. С. 13.
- 6 *Олескин А.В.* Биополитика. М., 2007. С. 81 и др. Сегодня, исследуя ДНК, генетики уточняют сроки появления «генетического Адама», но для темы статьи это принципиально не меняет существа дела.
- 7 *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32–37 и др.
- 8 См.: *Платон-математик* / Ред. А.П.Огурцов. М., 2011.
- 9 *Кантор К.М.* Двойная спираль истории. Историософия проектизма. Т. 1. М., 2002. С. 201–202 и др.

ПСИХОЛОГИЯ ВЫБОРА: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Галина Степанова

Самореализация человека: возможен ли выбор?

Прежде чем приступить к изложению данной работы, хотелось бы подчеркнуть, что ее задачей не было обозреть все основные психологические теории и подходы к исследованию самореализации, мотивации и выбора человека. В задачи данного анализа входило наметить точки соприкосновения этих феноменов, их некоторые взаимосвязи, показать, что самореализация в значительной степени оказывается под воздействием как социальной ситуации, так и внутреннего потенциала человека, его мотивационной структуры, ценностно-смысловой организации, что и определяет в конечном итоге возможности его выбора в процессе самореализации.

Потребность в саморазвитии, стремление к самосовершенствованию и самореализации есть основополагающее свойство личности. Изучение роли самореализации в развитии личности началось в середине прошлого века в рамках гуманистической психологии, в центре исследований которой целостный человек в его специфических только для человека проявлениях, его развитие, высшие ценности и смыслы, любовь, творчество, свобода, ответственность, психическое здоровье, трансценденция и т. п. Так, А. Маслоу развивает понятие «самоактуализация», как наиболее полное раскрытие потенциальных возможностей, способностей, которые заложены в человеке. Самоактуализирующиеся люди, с его точки зрения, «все без исключения вовлечены в какое-то дело, во что-то находящееся вне их самих». Они занимаются чем-то, что является для них призванием. Все они посвящают свою жизнь

поиску того, что Маслоу назвал «бытийными» ценностями. Это – истина, красота, добро, совершенство, простота, справедливость и т. п. Какие же черты присущи самоактуализации? Сам термин подразумевает наличие Я, которое может самореализоваться. Маслоу считает, что это постоянный процесс выбора: продвижение или отступление. Он состоит из многократных отдельных выборов: лгать или оставаться честным, предать или не предать. Кроме того, для самоактуализации необходимы ответственность и независимость в выборе и принятии решения. «Самоактуализация – это не только конечное состояние, но также процесс актуализации своих возможностей. Это, например, развитие умственных способностей посредством интеллектуальных занятий. Самоактуализация – это не обязательно совершение чего-то из ряда вон выходящего; это может быть, например, прохождение через трудный период подготовки к реализации своих способностей. Самоактуализацией может быть упражнение пальцев на клавиатуре пианино. Самоактуализация – это труд ради того, чтобы сделать хорошо то, что человек хочет сделать»¹.

Собственную концепцию самореализации развивает В. Франкл. Он считает, что главной силой жизни человека является поиск смысла. По его мнению, смысл уникален и специфичен потому, что он должен быть и может быть осуществлен только самим вот этим человеком и только тогда, когда он достигнет понимания того, что могло бы удовлетворить его собственную потребность в смысле. У каждого свое собственное призвание в жизни, у каждого формируется и развивается конкретное предназначение, которое требует своей реализации. Лишь в той мере, в которой человек осуществляет смысл и реализует ценности, он реализует самого себя. В. Франкл пишет: «...истинный смысл жизни скорее можно найти в мире, чем внутри человека, или внутри его психики, даже если бы она была закрытой системой. Человеческое существование есть скорее самотрансценденция, нежели самоактуализация. Самоактуализация не может быть возможной целью еще и потому, что чем больше человек будет за нее бороться, тем больше он будет терять ее, так как только в той степени, в которой человек отдает себя осуществлению своего жизненного смысла, он также и актуализирует, проявляет себя»². Автор считает, что в проблеме смысла жизни узловым является проблема ответственности

человека за свою жизнь. Человек не обусловлен и не детерминирован полностью обстоятельствами, он сам определяет, стать ли над ними. Человек не просто существует, но всегда решает, каким будет его существование, чем он станет в следующий момент. Основной акцент в обеих концепциях ставится на нравственный выбор, принятие высших человеческих ценностей. Человек не может уклониться от выбора ценностей, он принимает решение, какая из имеющихся возможностей достойна реализации, а какая является необходимостью. Согласно В.Франклу, человек находит смысл жизни в создании творческого продукта, совершении дела, в переживании истины, добра и красоты, в переживании природы и культуры, во встрече с другим уникальным человеком, в любви.

Д.А.Леонтьев подчеркивает, что достаточно часто понятия самоактуализации и самореализации используются как взаимозаменяемые синонимы, однако он считает, что значение этих двух понятий не совпадает. С точки зрения автора, понятие самореализации гораздо шире. Оно не привязано к определенной теоретической парадигме и обозначает процессы личностного развития и трансляции личностью своего содержания другим людям и культуре через созидательные и коммуникативные процессы³. Учитывая, что между понятиями самоактуализации и самореализации существует различие, в частности, связанное разными акцентами – на субъективном, внутреннем, или объективном, внешнем, плане существования личности, – встает вопрос: можно ли актуализировать свои способности, полностью выразить свое Я вне связи с остальным миром, социумом? Может ли человек осуществить сознательный выбор той или иной формы самореализации?

Существует, по крайней мере, две точки зрения на решение этой проблемы. Первая состоит в том, что человек признается в первую очередь существом социальным и его самореализация осуществляется во многом благодаря востребованности социумом и оценивается им по общественно-полезному результату. Таким образом обеспечивается как психическое здоровье, так и удовлетворенность жизнью. Другая точка зрения рассматривает самореализацию вне связи с социумом, порой даже вопреки этой связи. Человек, реализующий свое Я, не нуждается в признании результатов своей деятельности, ее общественной оценки, что может приводить к возникновению невротических состояний.

Из этого следует, что в первом случае на человека, реализующего свое Я, в большей степени влияет социальная ситуация, т. е. внешние условия, а во втором – его собственный потенциал, его ценностные ориентации, мотивы и смыслы. В реальности все обстоит не так просто и однозначно.

Анализируя различные подходы к исследованию самореализации, Л.А.Коростылева⁴ наиболее продуктивным считает рассмотрение самореализации в контексте жизненного пути, стиля, образа жизни личности и ее жизнотворчества. Процесс самореализации личности, по мнению этого психолога, направлен изнутри во внешнюю реальность на основе *механизмов* общепсихологической регуляции, задающими ее специфику: 1) *личностно-ситуативном*, отражающим управление личностью ходом самореализации; 2) *мотивационно-смысловым*. В этой связи интересно мнение С.И.Кудинова⁵, который выделяет внешнюю и внутреннюю форму самореализации. *Внешняя* направлена на самовыражение индивида в различных сферах жизнедеятельности: профессии, творчестве, спорте, искусстве, учебе, политической и общественной деятельности и др. В то время как *внутренняя* обеспечивает самосовершенствование человека в физическом, интеллектуальном, эстетическом, нравственном и духовном аспектах. Далее этот автор подразделяет самореализацию на три вида: деятельностьную, социальную и личностную. Мне представляется это разделение весьма условным, т. к. найдется мало людей, которые, внутренне совершенствуясь, не пытались бы вынести это совершенство как-то вовне, в социум, в деятельность, в коммуникацию, наконец.

Рассматривая самореализацию в контексте жизненного пути целесообразно привести выделенный Е.П.Варламовой и С.Ю.Степановым⁶ такой тип жизненной стратегии, который обеспечивает индивидуальное своеобразие и отражает творческое отношение человека к собственной жизни, когда его преобразующая инициатива приводит к неповторимости и экстраординарности событий его жизни.

Естественно предположить, что люди, реализующие такую жизненную стратегию, обладают различными индивидуально-психологическими особенностями и личностными качествами. А.Маслоу выделил и описал некоторые качества, которые, по его мнению, присущи самоактуализирующимся людям. Начало его ис-

следованиям самоактуализации, которые он сам не считал строго научными, было положено его наблюдениями за жизнью и поведением его учителей Рут Бенедикт и Макса Вертгеймера. С научной точки зрения, позиция Маслоу весьма уязвима для критики. Самые важные его теоретические суждения явились результатом житейских наблюдений и размышлений, никак не подкрепленных экспериментально. Он отбирал испытуемых из числа своих знакомых и друзей, а также из общественных деятелей и исторических персонажей. Маслоу подчеркивает, что в силу малочисленности реальных испытуемых и отсутствия стандартизированных методов сбора информации его выводы скорее представляют собой отражение его впечатлений, которые он обобщил, проанализировал и на этой основе сформулировал ряд общих характеристик присущих самоактуализирующимся людям. Все эти пятнадцать характеристик подробно описаны в книге А. Маслоу «Мотивация и личность»⁷; я же остановлюсь на тех из них, которые представляют интерес для анализа взаимосвязей между самореализацией, мотивацией и выбором человека. Это, в первую очередь, – деловая направленность в развитии и реализации личности.

А. Маслоу декларирует потребность в реализации своей миссии в мире, раскрытии и использовании своих талантов и способностей. Почти у каждого из самоактуализирующихся людей, – пишет автор, – «есть призвание и дело, которым они служат, которым они посвящают себя без остатка, почти каждый из них озабочен какой-то важной проблемой, решение которой требует от него всех сил и энергии. Эти люди, как правило, не озабочены проблемами личного, эгоистического характера, они в большинстве своем думают о благе других людей – всего человечества, своих сограждан или же о благе близких и дорогих им людей». В то же время для того, чтобы испытать истинное счастье, считает Маслоу, им не нужны другие люди; напротив, другие могут даже мешать им, могут стать препятствием на пути развития. «Источники удовлетворения самоактуализирующегося человека интраиндивидуальны и никак не опосредованы социумом. Признание, популярность, слава, почести, любовь – несущественны для них; все эти вещи не идут ни в какое сравнение с гложущей их потребностью в саморазвитии, с неутолимым стремлением к внутреннему росту», – пишет он. Маслоу подчеркивает свойственную этим людям относительную независимость от физи-

ческой и социальной среды. Маслоу считал исключительно многообещающей еще одну особенность самоактуализирующихся людей – их отношение к неизвестному. «Здоровых, самоактуализирующихся людей, – пишет он, – не страшит неизвестность, неопределенность не пугает их так, как пугает среднестатистического человека. Они относятся к ней совершенно спокойно, не видят в ней угрозы или опасности для себя. Наоборот, все неизвестное, неструктурированное притягивает и манит их»⁸.

«Главными мотивами самоактуализирующегося человека, – считает Маслоу, – выступают не потребности дефициентных уровней, а мотивы роста, и потому эти люди почти не зависят от внешних обстоятельств, от других людей и от культуры в целом. Источники удовлетворения потребности в росте и развитии находятся не во внешней среде, а внутри человека – в его потенциальных возможностях и скрытых ресурсах»⁹. Многие исследователи отмечали значимость мотивационно-смысловой сферы личности для ее успешной самореализации. Уже упоминавшийся Франкл полемизирует с Маслоу и утверждает, что стремление к смыслу жизни не сводится и не выводится из других потребностей. «Самоактуализация является лишь результатом, следствием осуществления смысла, лишь в той мере, в какой человеку удастся осуществить смысл, который он находит во внешнем мире, он осуществляет и себя. Если он намеревается актуализировать себя вместо осуществления смысла, смысл актуализации сразу теряется»¹⁰. Б.С.Братусь¹¹ считает, что отношения человека к основным сферам жизни – к миру, к другим людям, к самому себе – строятся и регулируются смысловыми образованиями, личностными ценностями. На этой основе автором строится иерархия смысловой сферы личности, которая состоит из нескольких уровней. Нулевой – это прагматические, ситуационные смыслы, присущие всем людям. Самый высокий уровень определяется общественными, в своем высшем развитии общечеловеческими смысловыми ориентациями и характеризуется внутренним смысловой устремленностью человека на создание таких результатов, которые принесут благо другим людям, обществу, человечеству в целом.

Восприятие смысла, по мнению В.Франкла, сводится к осознанию имеющихся возможностей на фоне реальности, т. е. осознанию того, что можно сделать в данной ситуации. Автор задает-

ся вопросом: как же человек может приблизиться к обнаружению смысла? И приводит высказывание Шарлотты Бюхнер: «Все, что мы можем – это изучать жизнь тех людей, которые, по-видимому, нашли свои ответы на вопрос, в чем окончательный смысл человеческой жизни – по сравнению с теми, кто ответа не нашел»¹².

Последуем этому совету и проанализируем основные этапы жизни, поступки такого человека, который несомненно реализовал себя и свою миссию в развитии человеческой цивилизации. Это Руаль Амундсен – великий полярный исследователь. Этот выбор не случаен. Связь мотивации для реализации своего Я у артистов, писателей, художников с социальным подкреплением несомненна. Ученым и исследователем может руководить как познавательный интерес, так и мотивация достижения. Что являлось движущей силой у этого исследователя, какая мотивация определяла его поступки – это вопрос, ответ на который поможет в решении проблемы, свободен или детерминирован человек в выборе видов и форм самореализации.

* * *

Итак, с юных лет Руаль Амундсен вместе с братьями занимался физическими тренировками, в том числе ходьбой на лыжах. Одним из факторов, определивших его жизненный путь, стало знакомство с историей покорения Северо-западного морского прохода и судьбой капитана Д. Франклина. Его внимание приковало описание лишений, которые претерпели участники этой экспедиции. В нем загорелось стремление претерпеть когда-нибудь такие же страдания. «Быть может, во мне заговорил идеализм молодости, часто увлекающий на путь мученичества, и он-то и заставлял меня видеть в самом себе крестonosца в области полярных исследований. Я тоже хотел пострадать за свое дело, – не в знойной пустыне на пути к Иерусалиму, а на ледяном Севере, на пути к широкому познанию доселе неведомой великой пустыни», – пишет великий полярник¹³. Сам он считает, что случайного в его выборе ничего нет, т. к. с пятнадцатилетнего возраста все его стремления сосредоточились на одной цели. «Все, чего я достиг в качестве полярного исследователя, является результатом обдуманной, добро-

совестной, тщательной подготовки всей моей жизни», – пишет Амундсен в книге «Моя жизнь». Об этом свидетельствует и его первое путешествие в Антарктиду в составе бельгийской экспедиции. В процессе вынужденной зимовки основными проблемами стали цинга и отсутствие полярной одежды. Амундсен и Кук экспериментировали с полярным снаряжением и употреблением в пищу, добытых охотой пингвинов и тюленей, таким образом приобретая неоценимый опыт выживания в суровых полярных условиях. Опустим некоторые биографические факты из жизни путешественника, отметив, что все его действия и поступки имели целью тщательно продуманную тренировку, совершенствование и подготовку к освоению полярных широт, к тому, что стало делом его жизни. Хотелось бы отметить еще один существенный момент. При подготовке всех своих экспедиций Амундсен испытывал серьезные финансовые затруднения. «Прославленный полярник должен был бороться за каждую крону, необходимую для организации каждой новой экспедиции. Он всегда нуждался в деньгах. Уже при организации первой своей экспедиции на “Йоа” Амундсен задолжал всюду и везде», – пишет Е.Вязов в предисловии к книге Р.Амундсена «Моя жизнь»¹⁴. С большим трудом собрав средства на экспедицию, в 1903 году Амундсен отправился на судне “Йоа” в Арктику и первым обогнул на яхте Северную Америку. Организовав базу в бухте Йоа, Амундсен предпринял санные походы к Северному геомагнитному полюсу и определил его положение, а также прошел вдоль берегов о. Виктория. Затем проплыл на “Йоа” через пролив Симпсона, нашел Северо-Западный морской путь и в 1906 г. добрался до Сан-Франциско. За эту экспедицию был собран весьма богатый научный материал, особенно в области земного магнетизма. «После блестящего плавания Северо-западным проходом, когда Амундсен проявил себя как человек железной воли, дерзкой отваги и расчетливого ума, он – уже заслуженный полярник» – пишет в предисловии к книге Р.Амундсена «Южный полюс» В.Ю.Визе, – «ему доверяют, и даже находят люди, готовые субсидировать его предприятия, но <...> только в том случае, если они достаточно сенсационны. На экспедиции, преследующие чисто научные цели, средств нет по-прежнему»¹⁵. Финансирование, говоря современным языком, можно получить только под сенсационные проекты. И Амундсен задумывает покорить Северный по-

люс. Экспедиция была практически подготовлена. Однако, узнав, что его опередил Пири, Амундсен резко меняет планы. Теперь для него существует только одна точка на Земном шаре, которой он достоин – Южный полюс. Пикантность ситуации добавлял тот факт, что в Антарктику уже отправилась команда Скотта с той же целью. Таким образом, перед Амундсеном стояла еще одна задача – обогнать Скотта. «Нашей целью было достижение южного полюса, все остальное – вещь второстепенная.... Науке предоставлялось самой пристраиваться к этому плану», – пишет сам Амундсен в книге «Южный полюс». Погиб он в 1928 г. во время поисков на самолете пропавшей экспедиции Умберто Нобиле.

Что же лежало в основе такой жизненной стратегии? Почему Амундсен предпринимал те или иные действия, совершал определенные поступки, реализовал себя в форме непрерывной борьбы за достижения? Ответом на эти вопросы может стать попытка анализа мотивации, т. е. анализ причин и факторов, инициирующих активность этого человека, направляющих, поддерживающих и реализующих определенный поведенческий акт. Б.Ф.Ломов пишет, что «направленность выступает как системообразующее свойство личности, определяющее ее психологический склад. Именно в этом свойстве выражаются цели, мотивы, ее субъективные отношения к различным сторонам действительности»¹⁶. С.Л.Рубинштейн рассматривал мотив как ядро субъекта в силу его тесной связи с направленностью личности, поведением и деятельностью в целом: «Включение сознания в детерминацию человеческой деятельности порождает специфический тип детерминации. Детерминация через мотивацию – это детерминация через значимость явлений для человека»¹⁷. На основании мотивов, которыми руководствуется человек, можно судить о социальной зрелости личности, о степени ее самореализации.

При анализе детерминации поведения человека через мотивацию можно говорить как о внешней мотивации, когда поведение инициируется и регулируется внешними стимулами: деньги, власть, слава, высокий социальный статус или избегание наказания, так и внутренней, когда человек увлечен самим делом, получает удовлетворение от его качественного выполнения, от самосовершенствования в этом деле и таким образом самореализации. В зависимости от склонностей человека, его мировоззрения и дру-

гих форм направленности он может быть или более склонным к внутренней мотивации, или к внешней. Стал уже общим местом тот факт, что в обширной литературе по управлению персоналом подчеркивается наиболее положительное влияние как на познавательные процессы, так и на личность в целом внутренней мотивации. Внешняя мотивация может иметь преимущество при решении частных задач.

В.И.Чирков приводит интересные экспериментальные данные, полученные Э.Деси, которые показали, что при выполнении внутренне интересной деятельности у испытуемых, которые получали денежные вознаграждения за ее выполнение, уменьшался уровень внутренней мотивации по сравнению с испытуемыми, которые вознаграждений не получали. В то же время Деси полагает, что внутренняя и внешняя мотивация не существуют отдельно друг от друга как два противостоящих друг другу полюса, между ними существуют взаимопереходы. Эти трансформации регулируются с помощью процесса интернализации, которая является механизмом, реализующим переход от регуляции с помощью внешних факторов к саморегуляции, и представляет собой некоторый континуум. Э.Деси считает, что чем сильнее деятельность позволяет человеку чувствовать себя компетентным и эффективным, тем выше у него будет внутренняя мотивация к данному виду деятельности. Следовательно, те условия и факторы, которые повышают чувство компетентности, должны повышать и внутреннюю мотивацию. Э.Деси и его коллеги описали такой тип внешней мотивации, когда выполняемая деятельность не представляет для человека цель и ценность сама по себе, неинтересна ему, а выполняется ради других целей, т. е. по сути является средством для их достижения.

В связи с этим понятен тот интерес, который в последнее время вызывает изучение мотивации достижений. Потребность в достижении один из основоположников этой концепции Г.Мюррей определил как стремление выполнять нечто трудное; управлять, манипулировать, организовывать – в отношении физических объектов, людей или идей, делая это по возможности быстро и самостоятельно. Преодолевать препятствия и добиваться высоких показателей, совершенствоваться, соперничать и опережать других. Реализовывать таланты и тем самым повышать самоуважение¹⁸. Т.О.Гордеева, анализируя теорию Э.Деси, считает, что для вну-

тренней мотивации достижения характерны: 1) реализация деятельности в силу интереса к ней и внутреннего удовольствия от ее выполнения; 2) осуществление деятельности, не связанной с собственными интересами человека, которая служит *средством* удовлетворения других его потребностей.

Анализ внешней и внутренней мотивации тесно связан с проблемой самодетерминации, т. е. собственной активности человека, его способности самостоятельного выбора направления саморазвития, видов и форм реализации своего Я. Под самодетерминацией О.Е.Дергачева понимает «способность выбирать и иметь выбор, в отличие от подкрепляемых реакций, удовлетворения влечений и действий под влиянием других сил, которые тоже могут рассматриваться как детерминанты поведения человека»¹⁹. Данное понятие, по ее мнению, дает возможность учитывать как собственный внутренний выбор человека, так и объективно существующие ограничения для свободы выбора (физические, физиологические, социально-исторические и др.). Самодетерминация проявляется в спонтанности поведения, креативности, интересе к деятельности и ее личностной значимости, чувство свободы и т. п. Эти свойства поведения личности во многом совпадают с теми характеристиками, которые присущи людям, реализующим себя. Выбор человека, самодетерминация его поведения связаны с причинностью, поэтому многие исследователи (О.Е.Дергачева, В.И.Чирков, Т.О.Гордеева), которые анализировали эту проблему, подчеркивали использование Э.Деси и Р.Райаном понятия *локус каузальности*. При внешнем локусе каузальности человек ищет причины своего поведения во вне своего Я, считая, что все, что с ним происходит имеет внешнюю детерминацию и не зависит от него самого. Таким образом формируется внешняя мотивация поведения. При внутреннем локусе каузальности человек видит причины своего поведения в себе, в своих индивидуальных особенностях и личностных качествах, принимая на себя ответственность за свои поступки.

Т.О.Гордеева, анализируя теорию самодетерминации Э.Деси и Р.Райана, пишет о важности выделяемых ее авторами трех базовых потребностей человека:

– в автономии, т. е. потребности в наличии выбора и самодетерминации собственного поведения;

– в компетентности, т. е. стремлении быть эффективным, справляться с задачами оптимального уровня трудности, откликаться на вызовы, предъявляемые окружающей средой;

– в связанности (relatedness) с другими людьми означает желание иметь надежную связь со значимыми людьми и быть понятным и принятым ими²⁰.

Итак, вернемся к жизненному пути Р.Амундсена. Как сам он пишет, ничего случайного в его жизни не было. С юных лет он готовил себя к миссии покорения полярных широт. Это был его выбор и его поведение можно считать самодетерминированным. Уже первое его путешествие в Антарктиду показало, что он постоянно ставил перед собой и решал задачи самосовершенствования, повышения эффективности деятельности, поиска средств выживания и адаптации к суровым условиям. Очевидным представляется и тот факт, что его дела и поступки определялись внутренней мотивацией, интересом к делу и мотивацией достижения. Почему именно мотивацией достижения? Именно такая мотивация ориентирована на результат, который может быть оценен не только самим человеком, реализующим определенную деятельность, но также качественно и/или количественно оцениваться в соответствии с социальными ценностями и нормами. Р.Амундсен ставил перед собой конкретные цели, тщательно готовился, т. е. повышал свою компетентность и достигал их. В его книгах отражена та педантичность, с которой он готовил свои экспедиции: питание, экипировку, способы передвижения по ледяной пустыне. Однако не все так однозначно. Деятельность человека не детерминируется каким-то одним мотивом, она полимотивирована. Мотивы могут находиться в определенной взаимосвязи, формируя мотивационную структуру личности. Эта структура достаточно стабильна, однако под влиянием как внешних, так и внутренних факторов может меняться. Одни мотивы становятся приоритетнее других. Так, Р.Амундсен, начиная свою исследовательскую деятельность полярника, руководствовался в большей мере внутренней познавательной мотивацией, а мотивы достижения инициируют его самосовершенствование, достижение высот компетентности в той области деятельности, которой он себя посвятил и которая стала смыслом его жизни. Однако по мере появления успеха и славы его деятельность становится все более соревновательной, ее в большей степени определяет внешняя мотивация, которая фор-

мируется под влиянием социальной ситуации той эпохи. По словам Д.А.Леонтьева особенность ситуации сильнее влияет на выбор, чем личностные качества. В начале XX в. соревновательность была особенностью европейской культуры, выражением ее особого отношения к индивидуальности и ее достижениям. Амундсен готовился к покорению Северного полюса, когда узнал, что Пири уже достиг его, но он сделал свой выбор, повернув на юг. Он мог отказаться от покорения Южного полюса, но не сделал этого, использовал уже подготовленную экспедицию и сенсационность проекта как *средство* реализации мотивации достижения, правильно восприняв и используя информацию, т. к. только в условиях соревновательности мог в той ситуации реализовать внутреннюю мотивацию достижения. Если интерпретировать жизненный путь Р.Амундсена как деятельность, имеющую своей движущей силой мотивацию достижения, она полностью укладывается в те характеристики, которые описал Х.Хекхаузен²¹:

– эта деятельность должна оставлять после себя осязаемый результат;

– она должна оцениваться качественно или количественно;

– требования к этой деятельности не должны быть ни слишком низкими, ни слишком высокими;

– для оценки результатов деятельности должна иметься определенная сравнительная шкала, в рамках которой считается обязательным некий нормативный уровень;

– эта деятельность должна быть желанной для субъекта и ее результат должен быть получен им самим.

Человечеству трудно переоценить то, что совершил Р.Амундсен. Он первый прошел Северо-западным морским проходом, открыл магнитный полюс Земли, обогнул все берега Северного ледовитого океана, а также берега Антарктиды, первым ступил на Южный полюс и начал применять авиацию в полярных широтах. В заключение книги «Моя жизнь» Амундсен писал: «...Я хочу сознаться читателю, что отныне считаю свою карьеру исследователя законченной. Мне было дано совершить то, к чему я себя предназначил. Этой славы достаточно для одного человека».

Таким образом, самореализация, являясь потребностью личности, сама обладает мотивирующими свойствами, однако в зависимости от социальной ситуации и качеств мотивационной сферы

личности, ее направленности, может детерминироваться другими мотивами. Некоторыми из детерминант человека на пути реализации своего Я является мотивация достижения, а также познавательная мотивация – стремление человека к новому, необычному.

Процесс самореализации детерминируется в основном внутренней мотивацией, когда действия, поступки, все поведение человека инициируется и регулируется факторами собственного Я, его познавательной активностью, устремленностью к освоению нового, рефлексией, т. е. полностью находятся внутри самого поведения. Внешняя мотивация может являться регулятором поведения в процессе самореализации как средство достижения определенных целей, решения частных задач, обеспечивающего реализацию основной мотивации.

Анализ самореализации показывает, что этот феномен тесно связан с самодетерминацией личности, т. е. собственной активностью человека, его способностью самостоятельного выбора направления саморазвития, видов и форм реализации своего Я. Самореализация, таким образом, – это выбор жизненной стратегии, смысла собственной жизни от пассивного стереотипного существования до творческого поиска.

Примечания

- ¹ Маслоу А. Самоактуализация (<http://www.psychology.ru/library/00037.shtml> (дата обращения: 20.02.2013)).
- ² Франкл В. Человек в поисках смысла (<http://www.lib.ru/DPEOPLE/frankl.txt> (дата обращения: 23.02.2013)).
- ³ Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ (motiv.smysl.ru/SACT5.DOC (дата обращения: 14.02.2013)).
- ⁴ Коростылева Л.А. (<http://www.dissercat.com/content/psikhologiya-samorealizatsii-lichnosti-osnovnye-sfery-zhiznedeyatelnosti#ixzz2LVw8EXNX> (дата обращения: 14.02.2013)).
- ⁵ Кудинов С.И. Самореализация как системное психологическое образование (<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2092&level1=main&level2=articles> (Дата обращения: 20.02.2013)).
- ⁶ Варламова Е.П., Степанов С.Ю. Творческая уникальность человека как предмет психологического исследования // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1997. С. 107–122.

- 7 *Маслоу А.* Мотивация и личность (<http://psylib.org.ua/books/masla01/txt11.htm> (дата обращения: 20.02.2013)).
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990 (<http://www.lib.ru/DPEOPLE/frankl.txt> (дата обращения: 23.02.2013)).
- 11 *Братусь Б.С.* Аномалии личности (<http://padabum.com/d.php?id=16100> (дата обращения: 23.02.2013)).
- 12 *Франкл В.* Человек в поисках смысла.
- 13 *Амундсен Р.* Моя жизнь (<http://lib.ru/ALPINISM/AMUNDSEN/amundsen.txt> (дата обращения: 02.03.2013)).
- 14 *Вязов Е.* Предисловие к книге Р.Амунсена «Моя жизнь» (<http://lib.ru/ALPINISM/AMUNDSEN/amundsen.txt> (дата обращения: 02.03.2013)).
- 15 *Визе В.Ю.* Предисловие к книге Р.Амундсена «Южный полюс» (<http://www.lib.ru/ALPINISM/AMUNDSEN/polus.txt> (дата обращения: 02.03.2013)).
- 16 *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии (<http://nashaucheba.ru/v14239/page=19> (дата обращения 01.03.2013)).
- 17 *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир (<http://ezolib.ru/5173.html> (дата обращения: 02.03.2013)).
- 18 *Холл К.С., Линдсей Г.* Теории личности. М., 1999. С. 172.
- 19 *Дергачева О.Е.* Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э.Деси и Р.Райана (<http://hpsy.ru/authors/x588.htm> (дата обращения: 03.03.2013)).
- 20 *Гордеева Т.О.* Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Ч. 1: Проблемы развития теории (<http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/343-gordeeva12.html> (дата обращения: 03.03.2013)).
- 21 *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. СПб.–М., 2003.

Елена Ярославцева

Восхождение человека к выбору: нормативы топоса интерактивных коммуникаций

Рассматриваемая многими поколениями философов и этиков проблема выбора, стоящего перед человеком, продолжает привлекать к себе внимание исследователей. Современные условия жизни, появление новых коммуникативных пространств, в которые активно включается человек, во многом меняют эффективность прежних подходов, поскольку они оказываются недостаточными для продуктивного решения возникающих проблем. Человек, расширяя собственное интерактивное пространство, оказывается в различных проблемных ситуациях и должен выбирать свою траекторию развития. Это всегда индивидуальная проблема, которая затрагивает онтологический уровень процессов самоорганизации человека и интегрирует в человеке все природные и социальные потенции.

Сопряженность свободы и выбора

Проблема выбора очень не просто связана с проблемой свободы: наличие последней не обеспечивает легкости решения задачи. Свобода и выбор часто воспринимаются как линейно связанные факторы – если есть свобода, то существует выбор, если ее нет – то нет и выбора. Однако нередко оказывается, что при наличии и того, и другого автоматического решения проблем не происходит. Например, расширение коммуникативного пространства, т. е. воз-

никновение нового уровня свободы, а также возможности выбора средств, технологий общения для поиска взаимопонимания, который является для многих важной задачей, не упрощает, а усложняет достижение эффективного результата, поскольку требуют больших усилий.

Свобода и выбор составляют глубинные основы человеческого бытия, без которых невозможно какое-либо решение, в том числе и практических задач. Они – условия существования друг друга: если нет свободы, то нет и выбора. Оставаясь самодостаточными, они могут быть рассмотрены как отдельные онтологически значимые качества, а их взаимосвязанность позволяет обнаружить существование механизма нелинейных соотношений между ними, которые порождают результат человеческой деятельности.

В своей жизни человек реализует ту божественную свободу, которую некогда осознал в себе как качество, ранее ему недоступное, существовавшее в полной мере только у творца природы. Собственно осознание и стало ключом к тому, что человек открыл в себе то онтологическое свойство, которое было ему имманентно. Озаренный идеей свободы, человек понял, что был не только сотворен, но и сам имел способность творить.

В своем стремлении сравниться с Богом, стать демиургом, человек настойчиво движется к еще большей свободе, укрепляя и расширяя свое право на творчество. Он формирует представление о своих индивидуальных возможностях, развивает способность ставить перспективные задачи. Самостоятельная постановка цели научила его преодолевать существующие границы, порождать новое коммуникативное пространство. Культура человека в целом стала воплощением его стремления к максимальному расширению. Свобода, можно сказать, становилась ведущим принципом существования, онтологической необходимостью человеческого сообщества.

Свобода фактически вменяется человеку. Его психика оказывается неадекватной принципам существования, если не позволяет ставить цели. Природа выталкивала человека из «царства необходимости» в царство свободы, заставляя создавать механизмы выживания. Выбор как аналог функции поиска направления развития, естественно присущий становлению сложных систем, оказался востребованным качеством в этой нише. Поэтому можно

сказать, что *свободного выбора* нет. Есть свобода от определенных обстоятельств, а именно – ограничений; и есть выбор, как механизм реализации этого, как ни парадоксально – жесткого, условия, связанный с постановкой цели¹. По существу, как заметил в одной из статей академик А.А.Гусейнов, «выборы функциональны»².

Сопряжение возможностей свободы и выбора стало основной проблемой аутопоэтического развития человека. И это была отнюдь не теоретическая, а исходно психофизиологическая проблема, связанная с ростом нагрузки на организм человека, его лобные доли мозга, обеспечивающие развитие управляющих способностей³, рождающих навыки конструирования – уровни **Д-Е по классификации Н.А.Бернштейна**⁴, Человеку, образно говоря, приходилось «лбом пробивать» себе дорогу вперед, двигаясь в неизвестность, где ничего не могло быть гарантировано, кроме возможности полагаться на самого себя. На бессознательном, интуитивном уровне, и в первую очередь для активного мужского организма⁵, закреплялось неприятие ограничений, предпочтение разрыва сохранению связей, что в целом породило новые системы отношений, высоко динамичную среду и фундаментальным образом изменило онтологию коммуникаций человека.

Представитель *Homo sapiens* фактически совершил прорыв к себе, осознав себя как значимое действующее лицо. Это показалось произошедший в сообществе мировоззренческий сдвиг, начавшийся процесс гуманитарной трансформации, происходящий и до сих пор. Фактически человек получил осознанную возможность строить собственную перспективу (1), постоянно выходить за круг условностей (2), расширять свой интерактивный топос (3), создавать новые зоны коммуникативного пространства (4), где не было, а самое главное – не могло быть, готовых рецептов по регулированию взаимоотношений.

Отсутствие решений в сфере коммуникаций, появление новых связей – все эти неявные проблемы обнаруживали себя постоянно. Скорость нарастания степени свободы человека делала ситуацию практически экстремальной. Рефлекс, который для особей животного мира был основанием устойчивого существования, совершенно не подходил для человека – ему надо было быть постоянно устремленным к цели. Устойчивость, необходимая человеку, могла быть обеспечена только повышением динамики движения, скоро-

сти преодоления все новых границ. Такой опыт приходилось нарабатывать постоянно, актуален он и сейчас. Современная ситуация развития, расширения социальных коммуникаций через цифровые сети показывает, что в этой среде можно чрезвычайно быстро переходить из одного пространства в другое, как в играх, так и при общении в сайтах не только с реальными удаленными пользователями, но и с «никами», «аватарами», и, не теряя устойчивости, переживать состояние свободы.

Полагая, что для развития скорости всегда нужна свобода, многие воспринимают помехи как катастрофу. Но, как ни парадоксально, свобода связана скорее не с отсутствием препятствий, а как раз с их наличием, а точнее, со способностью человека их преодолевать. Препятствие проявляет свободу в человеке. Это качество не пространства, а самого индивида. Существующие препятствия-границы в собственном аутопозисе невозможно обойти-обогнуть – их надо преодолеть таким образом, чтобы они уже не были помехой. В каком-то смысле их надо поглотить или вырасти над ними, не замечать⁶¹! Умение быстро выходить за вновь обнаруживаемые в своем опыте границы и есть показатель скорости, показатель уровня свободы.

Именно в этом обнаруживается ключевая особенность – *соотнесенность свободы и выбора*. **Умение человека обретать свободу тем выше, чем быстрее человек способен выбирать: определять, конкретизировать цель, находящуюся за границей.** Обнаруживается практически прямо пропорциональная зависимость: чем больше выборов осуществит человек, тем более он может быть свободен. Иными словами, успешность выбора человека характеризует его свободу. Не для выбора нужна свобода, а для свободы необходим выбор. Или – **выбор нужен для свободы**. Выбор, по существу, проявляет исходную потребность расширения: *выбраться за пределы*, осуществить деятельность. Это *возможность свободы*, которую человек обеспечивает себе самостоятельно.

Важно подчеркнуть: выбор – относительно самостоятельная способность человека, развившаяся из онтологического качества живых систем – вариативности развития. Тенденции дифференциации, разделения выбранного направления на несколько ветвей очень хорошо представлены в зонтичном фрактале, который показывает естественное *возникновение напряжения* в кроне

динамичной системы и формирование ограничений⁷. Рождение границы в процессе самореализации человека, по существу, происходит из развитых аналогичным образом в биосистеме *протоформ выбора*, которые способны фиксировать и накапливать избыточное напряжение, вплоть до бифуркационного взрыва. У человека как сложной биологической системы также систематически рождается острая потребность выйти за пределы, расширяться, освободиться.

Человек всегда вовлечен в диалог со средой и, несмотря на то, что достаточно серьезно зависит от нее, интенсивно ищет вариант развития. В процессе поиска решений возникло более широкое коммуникативное поле, интенсивный способ диалога с внешним миром, когда адаптирующее поведение, вариативность и дифференциация стали не ситуативными, а постоянно действующими факторами. Человек смог при необходимости быстро многократно в течение всей жизни приспосабливаться к внешним условиям, обретя способность активного перемещения в пространстве, освоения окружающего мира. Он стал носителем инициативы в формировании новых моделей коммуникаций.

Homo sapiens не просто приспосабливается к трудностям, но осознает их, а также собственные ограниченные возможности по их преодолению. Воплощая в новых условиях способности дифференцирования, человек на основе собственного образно-визуального ряда делает «трудные обстоятельства» предметом своей рефлексии, поднимаясь над ситуацией, строя к ней личное отношение. Коммуникацию адаптивного типа со средой он дополняет новой тенденцией – осознанным отношением к ней. Индивид делает выбор, понимая себя в целостной связи со средой. Даже если это неблагоприятный для него адаптивный выбор, он способен осознавать его значение. В этом смысле подчинение «обстоятельствам» – добровольная акция, направленная на понимание ситуации, которая впоследствии может быть им самим трансформирована. Накопленный опыт неблагоприятного диалога не является для открытой развивающейся системы жестко закрепленным, а наоборот, при определенных условиях может стать объектом критики. Предельное «настроение неприятия» стимулирует смену формы коммуникаций, позволяет прорываться к новым моделям диалога.

И в самом деле, человек стремится удерживать инициативу, старается управлять ситуацией: договариваться с природными божествами, обращаясь к ним за помощью, например, для восстановления нарушенного баланса в природе. Однако, даже прося о милости, человек переходит из состояния подчиненной, безмолвно принимающей удары судьбы особи, к роли партнера. Строя взаимодействие, он поднимается до положения соразмерной природе силы, которая через способность рефлексии начинает сознавать основы природной гармонии и заботится о познании способов ее сохранения. В длительной практике жизни человеческого сообщества в природе сохраняются действенные механизмы баланса между человеком и природной средой.

В результате, как мы видим, складывается *модуль* целостной устойчивой связи человека с внешним миром, который воспроизводится в культуре. Это сложный нелинейный процесс, в котором концентрируется опыт *системы ценностей*, передающийся в человеческом сообществе, *удержание эффективных, уже существующих систем взаимоотношений, а также поиск новых видов коммуникаций*. Найденные, дающие синергичный эффект взаимосвязи человека и мира закрепляются в виде определенных нормативов, через осуществление необходимых видов деятельности, а также через соблюдение индивидами стандартов поведения. Процесс усвоения этического опыта, по существу, помогает человеку закреплять оптимальные отношения во взаимодействии с внешним миром, природой, передавая ему опыт правил выхода из различных сложных ситуаций, а также предупреждения их. Развитый во многих сообществах этикет как форма практических коммуникаций позволяет человеку избегать многих проблем, выводя его на новые уровни свободы и создания интерактивных коммуникаций, сохраняя целостность взаимодействующих субъектов.

Можно заметить, что эта проблема крайне актуальна для современных коммуникативных пространств, участников общения в цифровых сетях, поскольку эти стремительно развившиеся технологии не были нацелены на создание межиндивидуальных коммуникаций, а создавались для обмена профессиональной информацией. За ними не стоит опыт сохранения целостности человека, сбалансированности его состояний, который позволял бы видеть

благоприятные перспективы новой цифровой среды. Сетевое пространство развивается со значительной долей риска для человека, поскольку в нем появляется много новых участников коммуникации, которые, по существу, не являются субъектами человеческой деятельности в классическом смысле слова. Это могут быть анонимные посетители, входящие через разнообразные «ники» (1); разработанные программные комплексы, адекватно реагирующие на информационные запросы (2); самообучающиеся роботы, способные выполнять достаточно сложные задачи (3). Все эти участники взаимодействия создают совершенно нестандартную систему коммуникаций, не имеющую аналогов в прошлом.

Интернет-пространство, обеспечивая человеку быстрое преодоление внутренних границ, не занимается его личностным развитием, задает уровень свободы, который трудно найти в реальной жизни. У человека в интернет сети не возникает своих собственных точек опоры, сопряженных со всем комплексом его естественного психофизиологического состояния. При долгом нахождении в сетевых коммуникациях у него выделяется как доминирующий тот или иной функциональный орган, который может разрушить стандартный баланс организма, целостность состояния. Активное вхождение человека в новые среды, которые изнутри стимулируют его мотивацию поглощать продуцируемую в ней во все больших количествах информацию, а также участвовать в социальных сетевых сообществах, создают риски развития не только для человека, но и для формирования культурных традиций у нового поколения. Взрывное расширение возможностей интернета, бифуркация в системе социальных коммуникаций требует серьезной работы в создании механизмов, позволяющих человеку самостоятельно развивать свои потенции.

Управление потенциями

Как бы ни были прекрасны свобода и жажда самообновления, легкое расставание с прошлым и восторженное ожидание нового, у человека существует одно фундаментальное ограничение – это его *индивидуальный ресурс*, личные потенции. На место жесткого коридора возможностей, существующего как у простейшего био-

логического организма, так и у животного в виде генетической заданности и инстинкта, что оберегают его от чрезмерных перегрузок, регулируют расход сил, приходит иная система выживания. Генеральной линией для человека становится постоянный активный поиск способов увеличения ресурса, как индивидуального, так и группового. Посредством выбора, даже при соблюдении нормативных действий, человек способен сделать шаг в будущее, практически в неизвестность. Он способен интегрировать стандартные и нестандартные режимы существования, дополнять устойчивые функции неустойчивыми.

Человек учится управлять своими потенциальными состояниями. Биологический, животный уровень жизнедеятельности надстраивается креативным опытом целеустремленного поведения. Устойчивость физиологического функционирования целостности дополняется неустойчивой системой выбора цели. Человек постепенно обретает способность намечать цель, порождая тяготение в перспективу, собственный аттрактор. Когда у него появляется речь, эта задача решается особенно успешно, поскольку обретает не только визуальный, но и речевой формат. Образное видение и вопрошание устремляют человека во вне, позволяя нащупывать новые коммуникации. Цель, как образ будущего, становится виртуальной точкой опоры, мечты вполне могут воплотиться в реальность, что свидетельствует об умении человека настраиваться на оптимальное взаимодействие, диалог с внешним миром.

Опыт выбора цели постепенно давал человеку возможность создавать более сложные стратегии: он учится определять желаемое и действительное, менять тактику при изменении условий, соразмерять возможности достижения результата. Благодаря этой сложной деятельности у него появился навык самоорганизации, способность сохранять свою целостность. Можно даже сказать, что кроме внешней целеустремленности появляется еще одна задача – сохранение собственной устойчивости, внутренней целостности, что, в конечном счете, является гарантией сохранения ресурсной основы. Человек учится удерживать баланс. Развивающееся чувство самосохранения делает человека все более самостоятельным, его субъектность становится объективной способностью природного существа, которую он использует в своем развитии (Рис. 1).

Рис. 1. Выбор цели как управление потенциами

Выбор в своих разнообразных формах⁸ в целом выступает как *функция*, которая комплексно проявляет динамику человеческого развития. По существу, создается сложный, насыщенный обратными связями, механизм поиска оптимальных действий – выбора; складывается опыт индивидуального развития, соразмеренного с тем психобиологическим, а также социальным ресурсом, который существует у конкретного человека. Совершая выбор на основе собственных предпочтений, создавая свое будущее, человек вырабатывает принципы развития, *меру* своей собственной свободы. Мера как этическая категория, норма показывает соотношение *положительных и отрицательных* тенденций, рассматриваемых нами ниже через категории «добро»/«зло», которые позволяют человеку соразмерить свои усилия с намерениями и сделать выбор в ту или иную сторону.

Желая оставаться свободным, умея всякий раз выходить за круг возникающих ограничений, индивид должен научиться сохранять саму эту возможность как гарантию развития и появления новой перспективы. Человек не может быть независимым от наличия или отсутствия собственных ресурсов, в первую очередь – здоровья, он должен действовать в их пределах. Поэтому каждому важно найти *оптимальный шаг* продвижения вперед, сопряженный с инвестицией собственных ресурсов в соответствующую деятельность, а также вырабатывать устойчивые навыки по созданию *собственной траектории* развития.

Человеку необходимо наращивать способность динамичного преодоления возникающих границ, формировать пространство индивидуальных коммуникаций, порождая собственный интерактивный топос, используя весь диапазон опыта жизни в рамках конкретных социальных норм и традиций. Такой интерактивный топос служит локальным психологическим пространством, где человек сонастраивается, достигает возможного баланса личных интересов и потенциалов внешнего мира – социума и природы. В определенном смысле это качество его *аутопоэзиса*, скрытое требование культуры, развивавшее самостоятельность человека.

Объединение сил развивающейся человеческой индивидуальности и сил природы, а так же социума, возникновение все новых соотношений в коммуникативном пространстве, *порождает кооперативный эффект*, становящийся источником дополнительных ресурсов, дающих силу для движение к цели, стремление решать разнообразные задачи. Возникающая синергия создает дополнительную особенность, внутреннее объединение, *человек к цели движется как целостность*.

Целостность становится устойчивой личностной характеристикой человека⁹, имеющей большое значение для индивида: она регулирует его внутреннее состояние, охраняет от избыточного внешнего влияния. По существу, она обеспечивает аутопоэтическое развитие, становясь практически *доминирующим качеством*, позволяя человеку создавать свои модели активности, систематически совершая выход за сложившиеся границы и воспроизводя свою целостность в новых условиях¹⁰. Его самоорганизация в значительной мере проходит через аутокоммуникацию, рефлексивную деятельность, положившую начало интеллектуальному процессу самоосознания, который может быть очень активным и динамичным.

Здесь большое регулятивное значение имеют уже собственно гуманитарные, а не биологические параметры развивающейся системы: морально-нравственные понятия, представления о благе, добре и зле. Они активируют индивидуальное сознание, ставя человека в проблемные ситуации. Понятие выбора становится личностно ценным, приучает к нелинейному поиску решений, заставляя преодолевать ограничения, в том числе и психофизиологические, такие как страх, ужас, панику и пр. в рамках интел-

лектуально-образного пространства. Вырабатываются стимулы к возвышению над ситуацией, «самовосхождению», появлению личностных качеств воли, достоинства, героизма. Человек, воспитанный в системе основных этических норм, стремится успешно использовать выработанную в обществе систему понятий, категорий морали, чтобы участвовать в диалоге, оптимизируя свое положение в обществе, природе. Кроме того, ему важно уметь соотносить свои перспективы развития с собственными психофизиологическими потенциями, онтогенетические потребности с филогенетическими возможностями.

В целом аутопоэзис человека характерен следующим – свобода вменяется субъекту как необходимость, как базовое свойство сложной саморазвивающейся системы, способной сохранять целостность и устойчивость. Человеку ничего другого не остается, как освоить механизмы обратной связи со средой, развить способности *выбора ответа* для преодоления ограничений, поскольку он исторически уже освобожден от защиты в стабильных нишах природы. Он сам должен обеспечивать себе условия выживания – создавать свою культуру, коммуникативные среды, в которых возможно творчески осуществлять реализацию собственных потенций. Жизнь человека почти полностью переключается в область вновь задаваемых горизонтов искусственно, благодаря усилиям выбирающего человека, расширяемой реальности. И скорее всего, это станет свойством дальнейшего процесса культурного развития, нарастания динамичности изменений и развития современных вариантов коммуникации – цифровых технологий.

Соразмеренность с собой

Важно подчеркнуть еще раз: человек овладевает способностью воспринимать не только внешний мир, но и *выделять себя* в нем, строя отношения не только к другим, но и к самому себе, создавать аутокоммуникацию. Расширяя и усложняя свой интерактивный топос, он осознает свою *отделенность* от других, ценит эту *отдельность*, стремится сохранить границы своей индивидуальности и защищает право на самоидентичность.

Подчиняясь логике развития сложных систем, насыщенных бифуркационными процессами, находясь в рамках коммуникативной онтологии¹¹, человек открывает, познает не только социальную и природную среды, но и внутрисубъектное пространство, глубины собственной самоорганизации. Динамичность развития заставляет человека создавать новые модели самопонимания, развивая уровни саморефлексии, самооценки. Подобный уход в себя для человека также сопряжен с выбором, поскольку необходимо преодолеть очень сложные, невидимые границы, реализуя ментальные усилия, когнитивные навыки. Человек ищет возможность, раскрывая свои потенции, изменить собственное существование, расширить свободу и проявить свою уникальность.

Выбираясь за пределы различных ограничений, возникающих в процессе роста и формирования, индивид фактически обретает систему или определенную *шкалу оценок*, которая соотносится с его индивидуальными свойствами. Любой достигнутый уровень свободы уже не может существовать без них, без осознаваемых, выделяемых в рефлексии моделей поведения, деятельности. По своим характеристикам они могут напоминать *штампы, жесткие нормы* реагирования, свойственные в целом поведению индивида в острой проблемной ситуации. Такие нормативы, кстати, могут играть объединяющую роль в социальных группах, делая их синхронными и высокоэффективными при решении ряда проблем. Однако на социальном уровне эти штампы оказываются очень жесткими, в то время как индивид имеет в своем поведении гораздо больше способов реагирования и выступает как более гибкий субъект, способный к пластичной смене реакций, упреждающей самоорганизации (Рис. 2).

У человека происходит расширение, *выстраивание интерактивного топоса* (выделен смайликами). В онтогенезе, например, возникает отмеченная современными исследователями соотнесенность с «психическим фактором»¹², когда человек осознает индивидуальные свойства психики как некоторую реальность и может на нее опираться в своей деятельности. Развивается сознание как форма индивидуальной рефлексии, дополнительный *контур управления* своей индивидуальностью. При этом заметим, что интерактивный топос расширяется новой функцией, которая

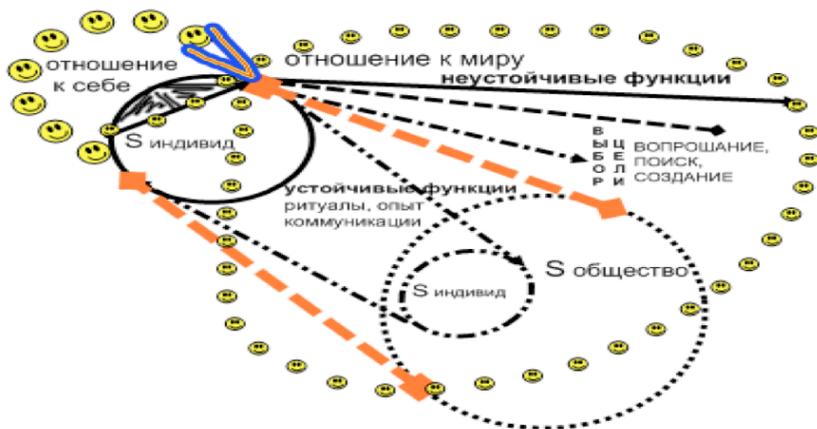

Рис 2. Отношение к себе, аутокоммуникация

в определенной мере расшатывает уже имеющуюся собственную сбалансированность, используя стандартные механизмы – систему обратных связей, способность человека к вопрошанию.

Выбор фактически становится одной из норм деятельности, посредством которого человек *упорядочивает хаос*, возникающий в результате преодоления каждым индивидом, а точнее, представителями человеческого сообщества, различных ограничений: природных, социальных, психологических. Выбор не позволяет индивиду обрести сразу все открывающиеся возможности, освоить все перспективы, он заставляет индивида совершить отбор, соразмерившись с собой, со своими ресурсами. Поэтому нужно всегда выбирать между какими-то желаемыми объектами, состояниями, отношениями, чувствовать свою *меру*.

Особенно актуально это для человека как сложной развивающейся системы, которая всегда находится в процессе расширяющихся коммуникаций, готова к поглощению, освоению нового и при этом движется не по линейной, а более сложной, сетевой траектории. Сохраняя открытость к новым встречам, индивид должен заниматься проблемой выбора не в момент наступления события, необходимости, а в ситуациях предвидения, моделируя возникновение таких границ. В своем выборе он пытается исключить осуществление нежелаемых тенденций, появление тех или иных проблем перед обретением новых уровней свободы.

К ситуациям такого рода можно отнести выбор в морально-нравственной сфере, где человек может опираться на свои собственные, усвоенные им в течение жизни, представления о характере отношений. Личные качества, *индивидуальная шкала*, вырастающая из нрава человека, в системе социальных норм имеет большое значение. Моральное сознание позволяет интегрировать в собственном мировидении как личные интересы, так и социальные требования.

Более того, для морального сознания умение мыслить своеобразную коммуникативную пару «человек–общество» является ведущим требованием. Расширяя свое перспективное пространство будущего, человеку приходится принимать решения, каким образом сохранить этот социо-индивидуальный баланс, какую тенденцию поддерживать на основе личного мотива. По существу, в этом случае в человеке потребность построения собственного будущего сталкивается с необходимостью опоры на прошлое, соблюдения традиций, которые для него являются реальными управляющими факторами.

Сохраняя баланс в отстаивании своей идентичности и принятии факта существования других, человек, тем не менее, понимает, что он постоянно выстраивает определенную границу. Находясь внутри социума, он мыслит себя как независимого и, одновременно, зависимого от окружающего его общества. И чем более развит человек, выше его динамичная, интерактивная связь с другими, тем больше потребность искать свою собственную траекторию развития, особенно в том случае, когда выбор очень ограничен, задан рамками стандарта. В стесненных условиях, когда социум предопределяет траектории развития, делая малоразличимыми особенности каждого, у человека возникает серьезный протест, особенно характерный для молодого поколения.

Если обратить внимание на эту сторону вопроса, то можно заметить, что параллельно развиваются два процесса: и социум, как субъект деятельности, ставит задачу повысить устойчивость всего сообщества и стремится реализовать возможность выбора, строя перспективные проекты; и человек развивается по такой же логике, что в результате ведет к появлению уже не угасающей проблемы – выбора во имя родовых или индивидуальных, общественных или собственных целей. Фактически многоаспектная проблема вы-

бора оказывается имманентно заданной уже процессами развития, становления человека как сложной системы в пространстве социума, который стремится сохранить собственную уже имеющуюся устойчивость и, в то же время, опирается на трансформирующийся ресурсный потенциал человека.

Феномен помощи и синергия коммуникаций

Возникает необходимость поиска баланса между этими процессами, и в данном случае здесь наиболее эффективным может быть морально-этический регулятор, обладающий качеством нелинейности и опирающийся, как ни странно, на норму, восходящую к своей биологической форме – штампу¹³. Для человека это онтологически естественная ситуация, закрепившаяся в культуре как способ нелинейного управления, удерживающего ценностные свойства взаимодействующих субъектов, сохраняющего их целостность и устойчивость.

Речь идет об одной из древнейших систем критериев, отраженных в паре этических категорий «добро–зло», обладающей, с одной стороны, простотой, с другой стороны, динамичностью. Она работает как двоичная ценностная шкала¹⁴, в рамках которой каждый шаг может обернуться своей противоположностью. Человек может наметить себе благоприятные перспективы, но породить в результате не положительные, а отрицательные эффекты. Хотя здесь можно увидеть положительный момент – важно то, что при поиске, подборе различных технологий развития могут осознаваться эти ценностные аспекты. И ошибки, встреча с отрицательными результатами может оказаться не менее полезна для развития сознания, чем результаты с благоприятным эффектом, которые человеком часто и не замечаются, поскольку никаким образом не нарушают его устойчивость, целостность. Таковыми, кстати, могут оказаться результаты, достигнутые через выбор, совершенный на бессознательном, природном уровне, на уровне интуиции, знания тела.

Важно иметь в виду, что рассматривается именно *соотношение тенденций*, возникающих в развитии коммуникативной пары, взаимодействующих субъектов, которые могут быть представле-

ны как индивидами, так и коллективными субъектами, группами. Причем критерии их оценки – абсолютные, обозначающие диапазон возможных результатов осуществляемых коммуникаций: «добро–зло». Фиксацию соотношения по шкале «добро–зло» можно понять как сохранение устойчивости – «добро» (1) и выход к состоянию неустойчивости – «зло» (2). Но при этом важно понимать, что эти значения могут поменяться прямо на противоположные, показывая ситуативную амбивалентность оценок добра и зла, а также и способов их оценки¹⁵. Многое зависит от того, в каких границах будет использоваться применяемая шкала, какие задачи с ее помощью будут решать. Социальная реальность последних десятилетий, к примеру, показала изменение как критериев, так и знаков самих оценок: плюс превратился в минус и наоборот.

Мы живем в эпоху перемен. В современном мире, стремительно изменяющемся и ищущем новые перспективы, происходит кардинальная смена оценок. При динамичном развитии социума все больше осознается, что и «устойчивость», и «неустойчивость» могут оказаться в роли как «добра», так и «зла». В этом случае важным регулятивным критерием становится – *мера*, привлекающая внимание к интегральным особенностям коммуникативных процессов. Она позволяет видеть более тонкие процессы, именно *соотнесенность*, динамичные характеристики. Мера позволяет сохранять целостность, ресурсность индивида (субъекта), позволяет ему выстраивать перспективу, хотя при этом предъявляет еще большие требования к индивидуальному опыту применения этических критериев. Проблема выбора между «добром» и «злом» для субъектов коммуникации постоянно усложняется, поскольку может происходить динамичное переозначивание критериев, основанное на внутренней мере, которая у каждого субъекта, индивида своя.

Шкала «добро–зло» становится очень широкой и вариативной, откликающейся на неизбежно порождаемые в коммуникативном пространстве интерпретации (толкования) различий. При этом базовая, онтологическая система настройки продолжает оставаться не только функционально продуктивной, перестраиваясь, как шкала, к новым задачам оценки и регуляции сложности – она остается важным основанием сохранения устойчивости расширяющего свои потенции человека. В отличие от

других нормативных систем этическая оценка, несмотря на свои абсолютные требования, не имеет конечного значения, поскольку всегда применяется к коммуникативным процессам, системам отношений, открытым в будущее.

В ситуациях сложных социальных переходов многие индивиды оказываются неспособными направлять свое развитие, преодолевать ограничения. Им нужна внешняя поддержка, *помощь*, которая имела бы однозначно положительный, благоприятный результат. Возникающая коммуникативная пара, безусловно, может встретиться с эффектом амбивалентности «добра–зла», поэтому необходимо понимать ключевые моменты взаимодействия, каким образом будут строиться эти отношения.

Помощь другому, обратная связь с лучшими результатами возможна там, где есть наиболее близкие системы взаимоотношений, более высокая адекватность. Такие люди могут помогать друг другу уже по причине подобной архетипической близкой связи, ведущей к быстрой синхронизации, например, среди родственников, друзей, единомышленников, партнеров, что позволяет объединять усилия.

Надо заметить, что помощь имеет свою «порцию», норму. Она не может быть безразмерной, иначе рискует переродиться, превратившись в процесс бесконечной истощающей коммуникации – добро может превратиться в зло. Необходимая «порционность» помощи, нормативность делают понятными границы в отношениях обоих субъектов, их сформировавшиеся топосы. Тогда могут возникнуть коммуникации, которые создадут кооперативное взаимодействие, порождающее синергичный эффект, приводящий к увеличению ресурсного потенциала обеих сторон. Именно это, в конечном счете, и является положительным эффектом, добрым делом, соответствующим пониманию помощи.

Помощь как форма нормативной деятельности, по существу, предполагает необходимость создания именно такого порционного режима в коммуникациях субъектов, и возможна только при наличии мотивированной активности, а не инфантильности того, кому нужна помощь.

В завершение необходимо констатировать, что стремительное расширение цифровых коммуникаций втягивает в себя молодежь и обостряет проблему ее оптимального развития. Молодые люди, находясь на этапе естественного выхода к новым горизонтам раз-

вития, получили доступ практически к неограниченным, по их ощущениям, ресурсам, переживают волшебное чувство могущества. Потребность пребывать в этом чувственно-инфантильном состоянии закрепляет их отношения в сети, превращая их в коллективное тело и интеллект, который необходим для ее функционирования¹⁶. Они не видят границ своих возможностей и готовы быть вечными потребителями ее предложений, создавая мощные ресурсные потоки.

Для молодого поколения принципиально важно ощущение свободы успешности, легкости выбора, однако ему известен опыт переживания своей не востребованности, поиск форм приложения своих сил. Именно в молодежной среде порождается мощный системный взрыв, выход за пределы имеющегося опыта и знаний, появляются принципиально новые модели организации жизненного пространства и осуществления деятельности. Молодежь легко осваивает новое, поскольку у нее нет конфликта со старым, нет опыта соотнесения, нахождения соответствия. Молодой человек как бы «естественным образом» безответственен. И чем стремительнее идет развитие, осуществляется потребность человека через выбор реализовать свою свободу, тем чаще можно наблюдать феномен протеста молодых.

В обществе можно снизить конфликтность выбора не только через расширение коммуникативного пространства, стимуляцию взаимных общений молодого поколения, но и через организацию помощи в определении своих собственных границ, в нахождении собственного интересного дела. Поддержка может быть связана с формированием навыков управления теми ресурсами, которые создаются собственными усилиями, будь то цифровое производство или... общение с животными. Одновременно необходимо передавать этические знания о нормах отношений между поколениями, традициях помощи, общих и личных ценностях, системах самооценки и принципах устойчивости. Возможно, это позволит новым поколениям обрести себя и, создавая новое, не рушить старое.

Примечания

- 1 Можно вспомнить классическое определение свободы как «познанной необходимости». Эта формула развернула один из важных аспектов понимание свободы человека, обращаясь к его познавательной способности как возможности осознания наличия необходимости и тем самым преодоления границ на пути к обретению свободы, являющие собой, предстающие перед человеком как необходимость. Однако ею нельзя ограничивать весь спектр возникающих проблем.
- 2 *Гусейнов. А.А.* Что мы выбираем? (Поведение избирателя как основа политической демократии) // *Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. Неконцептуальный сб.* / Отв. ред. Р.Г.Апресян. М., 1997.
- 3 См.: *Голдберг Э.* Управляющий мозг. Лобные доли. Лидерство и цивилизация. М., 2003.
- 4 См.: *Бернштейн Н.А.* Биомеханика и физиология движений: Избр. психолог. тр. / Под ред. В.П.Зинченко. 3-е изд. Стер. М.–Воронеж, 2008. С. 154–213.
- 5 Концепция эволюционной теории пола В.А.Геодакяна обращает внимание на то, что **«мужчины и женщины не хуже и не лучше друг друга – они по-разному специализированы»**. См.: *Геодакян В.А.* Эволюционная теория пола // *Природа*. 1991. № 8.
- 6 Во многих философских работах, особенно этических трактатах эти вопросы занимали ведущее место. (Аристотель: «...надо возвышаться до бессмертия (athanatidzein) и делать все ради жизни (pros to dzen), соответствующей наивысшему в самом себе», цит. по Ф.Х.Кессиди (См.: *Кессиди Ф.Х.* Этические сочинения Аристотеля, 1983. С. 33). Многие современные психологические технологии проводят тренинги на развитие этой способности: учат человека уменью подняться над проблемой или игнорировать ее. Результаты, правда, могут быть как положительные, так и условно удовлетворительные – в зависимости от конкретных ситуаций.
- 7 Периметр его кроны представляет у зонтичных растений, как правило, соцветия, которые завершают формирование растения и свидетельствуют об окончании развития данной живой системы, вкладывающей все свои ресурсы в семена. На следующем этапе весь цикл развития повторяется: травы вырастают после гибели, а деревья расширяют периметр своей кроны.
- 8 Они были рассмотрены в статье автора. См.: *Ярославец Е.И.* Выбор как поиск синергийного результата // *Человек вчера и сегодня*. Вып. 6. М., 2012. С. 27–46.
- 9 См.: *Гуревич П.С.* Проблемы целостности человека. М., 2004.
- 10 Этот процесс эксплицирован в теории Н.А.Бернштейна, выделенных им онтологических уровнях (А, В, С, D, E), описывающих онтогенез человека, откуда видно, что изначально организм на основе системы обратных связей создает свои ориентиры, вырабатывая принципы устойчивости и соответствующие формы деятельности, а затем, сохраняя целостность, стремится остаться в своих границах. См.: *Бернштейн Н.А.* Указ. соч.

- 11 Феномен коммуникативной онтологии затрагивался в работе философов, исследователей синергетических процессов. См.: *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Синергетика постижения сложного. Синергетика и психология. Вып. 3: Когнитивные процессы. М., 2004. С. 90.
- 12 Данный эффект хорошо показывает на своих материалах К.В.Анохин. См.: ТВ Культура, АCADEMIA. Анохин К.В. Мозг и разум. Лекция 2-я (http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/video_id/156648 (09.04.2013)). Такая модель соотношения дает в результате новые эффекты, которых нет в животном мире, рождается динамика нового типа – экспоненциальная. Она, заметим, принципиально отличается от квадратичной, отмечаемой другим докладчиком, присущей социальным общностям, роду. См.: там же: *Кануца С.П.* Россия и мир в демографическом зеркале (http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/video_id/158729 (09.04.2013)).
- 13 В развитии организма человека существует **таламо-паллидарный** уровень – уровень синергии и штампов, ответственный за стереотипные часто повторяющиеся синергии, то есть закрепляющий согласованность движений, без которых человек не может быть устойчивым. См.: *Бернштейн Н.А.* Указ. соч. С. 112–113; а также (<http://medicalplanet.su/neurology/248.html> (09.04.13)). Эти простейшие формы сохранения целостности можно увидеть в деятельности социального субъекта, которым, по существу, естественным образом противостоит более сложноорганизованный индивидуальный субъект – человек.
- 14 В современной ситуации может быть уместно сравнение с двоичной системой кодов: 0-1, лежащей в основе современных цифровых технологий, которая позволяет строить очень сложные системы и программы.
- 15 Можно заметить, что проблема амбивалентности широко рассматривалась как в философии (Н.Бердяев, А.Камю, Ф.Ницше,), так и в психологии личности, показывая человека как сложное и противоречивое существо.
- 16 Актуальность отмеченной проблемы показывают публикации об усилении влияния и разработке механизмов все более глубокого включения человека в сеть интернет, которые активно обсуждаются сегодня сетевым сообществом. См.: Перестройка мозга интернетом (http://www.gazeta.ru/science/2012/11/30_a_4873973.shtml (09.04.2013)).

Игорь Андреев, Андрей Березанцев, Лионелла Назарова

Судебная психиатрия: ситуации выбора

Сущность права – регулирование адекватного поведения человека, задача медицины – обеспечение оптимального функционирования его организма. Исследователи отмечают две основные области, в которой взаимодействуют психиатрия и право. Первая включает в себя правовые вопросы в рамках законодательства о здравоохранении, касающиеся осуществления недобровольного лечения, права на лечение и право на отказ от лечения. В этом поле соприкосновения право регулирует в первую очередь возможность выбора пациента по отношению к медицинскому вмешательству (психиатрическому освидетельствованию и лечению), защищая его законные права и свободы. И лишь в отдельных, оговоренных законом случаях право психиатра на вмешательство возобладает над правом пациента на отказ от освидетельствования, госпитализации в психиатрический стационар и лечения. Термин «судебная психиатрия» обычно имеет более узкое толкование, охватывает действия врачей-психиатров по оказанию помощи правовой системе при исполнении последней своих функций в области обеспечения безопасности общества, а также в сфере гражданско-правовых отношений¹. Вместе с тем недобровольное оказание психиатрической помощи также осуществляется по решению суда, а её обоснованность также может быть предметом проведения судебно-психиатрической экспертизы. Кроме того, при осуществлении недобровольного лечения в рамках гражданского права и принудительных мер медицинского характера в отношении лиц,

совершивших общественно опасные деяния и признанных судом невменяемыми возникают сходные биоэтические проблемы. Поэтому целесообразно рассматривать данные проблемы в комплексе, в том числе и в контексте проблемы выбора пациента и выбора врача-психиатра. Как уже указывалось, в рамках законодательства о здравоохранении презюмируются права пациента, право на его свободное волеизъявление и информированное согласие при оказании психиатрической помощи, за исключением особых, оговоренных законом случаев (независимо от тяжести имеющегося у него психического расстройства). Причем, реализуя своё право на отказ от психиатрического осмотра и лечения, пациент может поступать и во вред себе (в силу нарушенных болезненным процессом критических способностей и неадекватности оценки своего состояния), поскольку неоказание психиатрической помощи может повлечь прогрессирование психического расстройства. Иная картина наблюдается в рамках уголовного судопроизводства – здесь право на выбор у пациента ограничено уголовно-правовыми нормами. Субъект не может отказаться от проведения ему судебно-психиатрической экспертизы, назначенного судом принудительного лечения, в случае признания его невменяемым (хотя за ним и сохраняются определенные права, предусмотренные законодательством о здравоохранении). В этом правовом поле приоритет выбора смещается в сторону психиатра – например, назначение и отмена (изменение) мер медицинского характера, содержание лечебно-реабилитационных мероприятий во время проведения принудительного лечения. Хотя диапазон выбора у психиатра и ограничен в данном случае рамками закона, подзаконных актов и инструкций, медицинских стандартов оказания психиатрической помощи. Необходимо отметить, что, например, у психиатра судебно-психиатрического эксперта перечень его обязанностей заметно превышает список его прав, а выбор вида принудительного лечения в отношении невменяемых, длительность его осуществления определяются в первую очередь кодифицированными критериями степени общественной опасности пациента для общества (которая оценивается в первую очередь анализом клинических проявлений психического расстройства, что и является компетенцией психиатра). Таким образом, мы видим «пропорцию выбора» в психиатрии, при этом приоритет выбора в общей психиатрической прак-

тике принадлежит пациенту, а в судебной психиатрии смещается в сторону психиатра, который, в свою очередь, осуществляет свою деятельность в достаточно жестком правовом пространстве.

Психиатрия в контексте права. Психиатрия в целом как трансдисциплинарная наука и сфера деятельности занимает особое положение в обществе и среди гуманитарных наук. Будучи отраслью медицины, она вместе с тем вторгается в личное пространство человека, и не только психологическое, но и социальное, создавая ему в поле гражданских прав и ответственности определенные законом ограничения. Следуя юридическим императивам, судебная психиатрия претендует на сохранение медицинского статуса заботы о здоровье человека. С другой стороны, она призвана защищать интересы общества, производя категоризацию психических расстройств участников судебных процессов, в соответствии с правовыми нормами, на вменяемых и невменяемых, дееспособных и недееспособных, санкционируя и осуществляя принудительное содержание пациентов в стационаре, а также недобровольное психиатрическое обследование и лечение. Таким образом, психиатрия существует в двойном правовом поле. С одной стороны – это законодательство, регламентирующее действия врачей-психиатров при оказании психиатрической помощи и защищающее законные права и интересы граждан, с другой – уголовное и гражданское право, определяющее роль психиатра в уголовном и гражданском судопроизводстве (судебная психиатрия «в собственном смысле слова»).

Судебная экспертная деятельность врача-психиатра лежит на стыке медицины, криминологии и юриспруденции, гуманизма, права и морали, психологии, социологии и философии. Здесь проходит тонкая грань, разделяющая социальную (клиническую) и судебную психиатрию. Душевный мир каждого – это неповторимость и бесконечность. Однако судебный психиатр нередко бывает обязан разобраться в этом мире, чтобы отдифференцировать психопатологическое от личностно-индивидуального и отнюдь неболезненного². Психиатр, имеющий опыт исследования как больных общих психиатрических учреждений, так и лиц, проходящих судебно-психиатрическую экспертизу (СПЭ), знает, насколько труднее расспрашивать последних. Приемы расспроса, существующие в общей психиатрии³, должны обладать у судебных психиатров

большим совершенством, дополняться собственными приемами, учитывающими психологию лиц, находящихся на судебно-психиатрической экспертизе, – и при этом не противоречить установленным в медицине, в частности, в психиатрии, деонтологическим принципам. Ведь любой подэкспертный в период прохождения судебно-психиатрической экспертизы является, пусть даже потенциально, психически больным⁴. К напряженному состоянию психики закономерно присоединяются, отягощая его, обостряющиеся соматические патологии⁵.

Задача судебного психиатра аргументированно обозначить объективную диагностику степени адекватности психического состояния подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля в период подготовки и в момент совершения преступления, включая оценку адекватности его мышления и мотивации поведения во время проведения допросов, экспериментов и иных следственных действий (либо лица, в отношении которого решается вопрос о его дееспособности, а также истца, ответчика в гражданском процессе). На первый план в таком случае выходит углублённая профессиональная диагностика криминальной (или гражданско-правовой) ситуации с максимально возможным проникновением в извращённый болезнью или симуляцией виртуальный мир человека, совершившего деяние, считающееся у психически здоровых людей противоправным. Именно диагностика и оценка состояния психики, а не разработка стратегии лечения и мониторинга состояния психического здоровья в отношении человека, направленного на экспертизу, как и связанных с этим психосоматических осложнений, создает не свойственную клинической психиатрии специфическую гносеологическую систему «субъект – объект», где врач выражает позицию государственной власти и отстаивает интересы гражданского общества, соблюдая при этом профессиональную этику и гуманизм клятвы Гиппократа.

Об актуальности и масштабности контингента зоны риска неадекватного поведения, связанного с психическими аномалиями, заболеваниями и болезнями, свидетельствует континентальная (международная) статистика. В январе 2005 г. в Хельсинки состоялась Европейская конференция ВОЗ на уровне министров по охране психического здоровья. На конференции были подписаны и приняты от имени министров здравоохранения 52 государств –

членов Европейского региона ВОЗ Европейская декларация по охране психического здоровья и Европейский план действий по охране психического здоровья. Во время конференции выяснилось, что, согласно экспертным оценкам, из 870 млн человек, проживающих в Европейском регионе около 100 млн испытывают состояние тревоги и депрессии; свыше 21 млн страдают от расстройств, связанных с употреблением алкоголя; свыше 7 млн страдают болезнью Альцгеймера и другими видами деменции; около 4 млн – шизофренией; 4 млн – биполярным аффективным расстройством и 4 млн – паническими расстройствами.

Психические расстройства оказывают значительное влияние на такой показатель, как годы жизни, утраченные в связи с болезнью и преждевременной смертью (DALYs) – на их долю приходится 19,5 % всех лет жизни, утраченных в результате инвалидности, а на долю депрессии – 6,2 % всех DALYs. Пять из пятнадцати важнейших факторов, оказывающих влияние на бремя болезней, приходится на долю психических расстройств. Помимо явного страдания от психических заболеваний, существует еще и невидимое бремя в виде отрицательного восприятия обществом, стигматизации и дискриминации лиц с психическими расстройствами (происхождение термина «стигматизация» связано со словом «стигма», которым в Древней Греции называли клеймо на теле преступника или раба). Среди новых факторов массовых психических аномалий следует назвать различные виды интернет-зависимости и эпидемию подросткового геймерства⁶.

Законодательство в области охраны психического здоровья является важным инструментом, гарантирующим адекватное и своевременное лечение и уход, защиту прав лиц, страдающих психическими расстройствами, способствует повышению уровня информированности и просвещения как среди пациентов и их родственников, так и всех членов общества. Недобровольная госпитализация и лечение в психиатрическом учреждении продолжают оставаться спорными вопросами в области охраны психического здоровья, т. к., с одной стороны, они посягают на личную свободу, право выбора и таят в себе опасность нарушения прав человека по политическим, социальным и другим причинам. С другой стороны, недобровольная госпитализация и лечение способны предотвратить причинение вреда здоровью самого пациента и других

людей, а также помочь больному осуществить свое право на здоровье, которое, в силу его психического расстройства, он не может сделать самостоятельно. Законодательство в области психического здоровья должно обеспечивать баланс между правами отдельного человека и защитой общества в тех случаях, когда лица представляют потенциальную опасность для других людей вследствие наличия у них психических заболеваний.

В государствах – членах Европейского союза законодательство в области психического здоровья должно содержать гарантии против неоправданной недобровольной госпитализации, которые базируются на трех принципах, сформулированных Европейским судом по правам человека:

- психическое расстройство устанавливается независимой медицинской экспертизой;
- для ограничения свободы психическое расстройство должно быть определенного вида и степени тяжести;
- для продления подобного ограничения свободы необходимо представить доказательства того, что психическое расстройство по-прежнему имеет место.

В то же время в большинстве международно-правовых пактов признается необходимость ограничения прав человека в определенных случаях, а в сфере охраны психического здоровья оговариваются исключения из правил, при которых применение подобных ограничений является необходимым. В настоящее время в некоторых странах Евросоюза активно привлекаются к защите прав пациентов с психическими расстройствами и подготовке законодательных актов в области психиатрии различные неправительственные организации – ассоциации пользователей психиатрической помощи (пациентов и их родственников), а также международные и национальные правозащитные организации (например «Хельсинский комитет по защите прав человека», «Женевская инициатива в психиатрии», «Международная амнистия» и другие). В то же время некоторые инициативы, исходящие от данных неправительственных организаций, носят дискуссионный характер. Так, например, предлагается для решения о недобровольной госпитализации привлекать второго независимого специалиста-психиатра по усмотрению госпитализируемого пациента и его родственников. При этом данный специалист не должен быть лечащим врачом-психи-

атром данного пациента и не должен работать в психиатрических учреждениях, имеющих отношение к данной недобровольной госпитализации или представлять негосударственные учреждения. В частности, от ассоциаций пользователей психиатрической помощи в некоторых странах Евросоюза поступают предложения о недопустимости применения пролонгированных инъекционных форм психотропных средств при оказании неотложной психиатрической помощи без информированного согласия самого пациента. Поступают также предложения о разделении вопросов собственно недобровольной госпитализации и недобровольного медикаментозного психиатрического лечения, которые предлагается оформлять отдельными судебными решениями. Таким образом, хотя независимый контроль при оказании психиатрической помощи и является необходимым в демократическом обществе, многие вопросы остаются дискуссионными и нуждаются в обсуждении и конкретизации.

Проблема недобровольности при оказании психиатрической помощи. Практикующие психиатры прекрасно знают – процент недобровольно госпитализированных в психиатрический стационар незначителен, а многие из них вскоре становятся «добровольными», подписывая соответствующие бумаги. Здесь кроется опасность косвенного принуждения, т. е. получение согласия путем скрытого давления на пациента. В этих случаях становится тонкой грань между недобровольностью и насилием. У психиатра может возникнуть искушение форсировать лечение, например, с использованием сильнодействующих психотропных препаратов. «Насилие» не во всех случаях означает «физическая сила». Например, психиатр говорит пациенту, что у него больше шансов раньше выписаться при условии его согласия на определенное лечение. Это не является силой в прямой ее трактовке Аристотелем, согласно которой «подневольным (*biaion*) является тот поступок, источник (*arkhe*) которого находится вовне, а таков поступок, в котором действующее или страдательное лицо не является пособником (насилия)»⁷. Но реально это – принуждение, поскольку пациенту предлагается такая альтернатива, что он вынужден поступать так, как того хочет психиатр. Указанные морально-этические проблемы делают психиатрию разделенной профессией: врач вынужден балансировать между необходимостью оказать помощь пациенту,

согласно клятве Гиппократа, и искушением им манипулировать, оказывая на него давление ради достижения благой (по мнению психиатра) цели.

В психиатрии, помимо субъективных переживаний пациента, в основу диагностики ложатся его поведенческие особенности – например, неадекватность поведения. Подобный реверсивный подход уводит на невозделанное поле философии поступка и уже оттуда – в метафизические глубины детерминизма и свободы волеизъявления. В то же время при тяжелом психическом расстройстве болезнь находится вне контроля пациента, её поведенческие проявления не оцениваются пациентом как нездоровые. Именно потому, что пациент не может помочь себе сам, он обращается за помощью к врачу. Этот элемент беспомощности неоднократно отмечался социологами, изучавшими вопрос о том, в каких формах проявляется болезнь. По тонкому замечанию С.Тулмина⁸, значение термина «пациент» (подчиняющийся) противоположно значению термина «агент» (действующий).

Поворот к доктрине информированного согласия (и, соответственно – информированного несогласия, отказа от лечения), который стал возможен благодаря пересмотру концепции целей медицины в целом, коснулся и психиатрии. Модель совместного принятия врачом и пациентом решения о лечении признает, что обе стороны привносят нечто существенное в правильный выбор лечения. Уважение автономии индивида является одной из основополагающих ценностей современной цивилизации. Любой человек заинтересован в том, чтобы принимать решения, влияющие на его жизнь, самостоятельно, поэтому к недобровольной госпитализации следует прибегать только тогда, когда нет других альтернатив.

Следует различать два аспекта недобровольной госпитализации – недобровольная изоляция и недобровольное лечение. Цель защиты общества от потенциально опасных действий лица с тяжелым психическим расстройством достигается его изоляцией в медицинском учреждении. Имеют ли в этом случае право психиатры его лечить без согласия самого пациента? Нужно уточнить – прежде всего, моральное право, т. е. этически обоснованное (законодательство в этом плане в разных странах различается), поскольку недобровольное лечение, следующее за недобровольной изоля-

цией, – это уже *двойное принуждение*. Действительно, цель – защита интересов общества выполнена, а собственно лечение, т. е. применение лекарственных средств (в инъекциях или *per os*), с позиций биоэтики, – вмешательство во внутреннюю среду организма с целью изменения его гомеостаза (пусть и болезненного, нарушенного с точки зрения медицины). В связи с этим уместно остановиться на таком понятии, как «морфологическая свобода». Термин, вероятно, впервые был введен философом Максом Мором⁹. Он определил морфологическую свободу как «возможность изменять свое тело по собственному желанию посредством таких технологий, как хирургия, генная инженерия, нанотехнология и загрузка сознания». Вместе с тем, если декларируется свобода распорядиться и трансформировать свое тело по собственному усмотрению, то имеется и право оградить свой организм от каких-либо вмешательств.

Правовое и моральное «бремя» судебного психиатра. Под судебной психиатрией «в собственном смысле слова», как уже указывалось, обычно подразумевается помощь психиатров правовой системе. В рамках уголовного судопроизводства это прежде всего проведение судебно-психиатрической экспертизы обвиняемым (подозреваемым) по заданию судебно-следственных органов. Отношения психиатра и обследуемого в процессе судебно-психиатрической экспертизы не тождественны классическим отношениям врача и пациента. Цели, задачи и условия экспертной деятельности существенно отличаются от лечебной. На первый план здесь выступают беспристрастность, объективность, служение истине и справедливости. Эксперт должен объяснить испытуемому цель экспертизы, условия её проведения, значение и возможные последствия, а также те обязанности, которые закон возлагает на психиатра-эксперта и которые важны для правильного понимания отношений между экспертом и испытуемым. Судебному психиатру приходится считаться с тем, что обследуемый довольно часто оказывается незаинтересованным в выявлении истинной картины его психического состояния и стремится, в зависимости от конкретной ситуации, либо скрыть имеющуюся медицинскую патологию, либо, напротив, симулировать психические расстройства. Несовпадение желаемого результата с реальным создаёт атмосферу его скрытой или явной конфронтации с экспертом.

В то же время за подэкспертным сохраняются права, предусмотренные «Законом о психиатрической помощи». Он имеет право выбора и может отказаться от обследований и психиатрических вмешательств. В этих случаях, при проведении амбулаторного освидетельствования, может быть дано заключение о невозможности дачи экспертного заключения в амбулаторных условиях и рекомендоваться проведение стационарной экспертизы. Но и более длительное исследование может не обеспечить необходимой полноты данных из-за искаженной системы взаимоотношений «врач–больной».

Поскольку до решения суда подэкспертный сохраняет презумпцию вменяемости (в рамках уголовного судопроизводства) и его права защищены «Законом о психиатрической помощи», он может вообще отказаться от клинично-психопатологического обследования (дачи анамнестических данных, описания своего психического состояния и своих переживаний), а также от лабораторных, инструментальных и клинично-психологических исследований. Полный отказ от контакта с врачом породит неизбежные трудности в квалификации его психического состояния. В таких случаях заключение эксперта будет основываться на имеющихся в его распоряжении медицинских данных.

Презумпция психического здоровья предполагает презумпцию вменяемости (так же как и дееспособности). Уголовный закон исходит из предположения о вменяемости всех лиц, достигших возраста уголовной ответственности и не являющихся психически больными. По крайней мере, до тех пор, пока не доказано в процессе судебно-психиатрического обследования обратное. Таким образом, презумпция вменяемости и дееспособности непосредственно связана с презумпцией психического здоровья. Принятый судом акт судебно-психиатрической экспертизы может изменить социальный и правовой статус индивида. Например, медицинское установление диагноза тяжелого психического расстройства может повлечь за собой признание данного лица невменяемым в отношении совершенного правонарушения с применением к нему принудительного психиатрического лечения или признания его недееспособным с лишением (или ограничением) его права к гражданскому волеизъявлению.

В пункте 8 кодекса профессиональной этики психиатра¹⁰ говорится о конфиденциальности: психиатр не вправе разглашать без разрешения пациента сведения о нём, составляющие врачебную

тайну. Вместе с тем сведения, результаты судебно-психиатрической экспертизы не только не остаются внутри экспертного учреждения, но и неизбежно презентуются вовне. Заключение эксперта поступает в распоряжение судебно-следственных органов, где с ним в обязательном порядке знакомятся следователи, прокуроры, судьи, законные представители обследуемого, адвокаты, присяжные. Круг этих лиц достаточно широк, и поэтому велика возможность утечки информации во внепроцессуальное социальное пространство, вплоть до публикации заключения эксперта, содержащего конфиденциальную медицинскую информацию, например, в сети Интернет.

Гуманитарно-антропологические аспекты судебно-психиатрической экспертизы и принудительного лечения. В октябре 2005 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла Всеобщую декларацию о биоэтике и правах человека¹¹. Впервые в истории биоэтики государства-члены и международное сообщество обязались уважать и реализовывать основополагающие принципы биоэтики, изложенные в едином документе. Документ составлен с опорой на международные пакты об экономических, социальных и культурных правах человека с учетом иных международных и региональных документов в области биоэтики. В 28 статьях сформулированы фундаментальные этические принципы в области оказания медицинской помощи и укрепления здоровья. Центральной задачей постулируется защита человеческого достоинства, прав и свобод человека.

Вот как интерпретируется термин «вмешательство» в документе Совета Европы, где затрагиваются биомедицинские исследования, а именно в Пояснительном докладе, сопровождающем Протокол о биомедицинских исследованиях, который является дополнением к Конвенции о биомедицине и правах человека. «Исследования с применением опросов, интервью и наблюдения в контексте Протокола о биомедицинских исследованиях (БМИ) представляют собой вмешательство, если они влекут за собой риск для психического здоровья лица. Опросы или интервью могут представлять угрозу психическому здоровью участника исследований, если они содержат вопросы интимного характера, способные нанести психологический вред»¹². Таким образом судебно-медицинское экспертное исследование с точки зрения биоэтики

также представляет своего рода «вмешательство» в психическую сферу подэкспертного и задача эксперта соблюсти этическую меру необходимости этого вмешательства, дабы не нанести вреда его психическому состоянию.

Практика принудительного лечения в особо острой форме обнажает главную проблему в этике психиатрии: наличие противоречий между принципами автономии пациента и патернализма. В этом отношении психические болезни уникальны. И если в общей психиатрии главенствует правило информированного согласия (за исключением оговоренных законом случаев), то при осуществлении принудительных мер медицинского характера (по решению суда уголовной юрисдикции) оно не требуется, поскольку мнение пациента не имеет никакого правового значения. Этот факт является парадоксальным с точки зрения биоэтики и существенно осложняет задачу принудительного лечения – *реабилитацию* пациента, т. е. достижения такого улучшения его психического состояния, которое исключило бы (или существенно снизило) вероятность совершения им нового общественно опасного деяния.

Необходимо отметить, что хотя при проведении принудительного лечения возможность выбора пациента существенно ограничена, но всё же не исключена полностью. Он может либо принять проводимое лечение и режим содержания, либо выбрать линию протестного поведения против назначенной терапии – пытаться не проглатывать таблетки, сопротивляться инъекциям лекарственных препаратов, иными способами нарушать режим пребывания в стационаре – конфликтовать с больными и персоналом, пытаться организовать побег из больницы – в одиночку или в группе. Но с другой стороны – в данной ситуации выбора лишены психиатры, они обязаны по решению суда провести курс принудительного лечения данному пациенту и добиться такого изменения его психического состояния, при котором его опасность для общества снизилась бы или исчезла. Указанным задачам противоречат нарушения пациентом режима лечения и пребывания в стационаре, что неизбежно повлечет за собой удлинение сроков принудительного лечения, а иллюзия свободы после побега из больницы (что бывает не так уж редко) неизбежно грозит дамкловым мечом задержания пациента правоохранительными органами и водворением его обратно в стационар. Одному из авторов статьи вспоминается любопытный

случай, демонстрирующий правовую сторону применения мер медицинского характера, когда он наблюдал в психиатрическом стационаре пациента, ранее совершившего оттуда побег. Пациент совершил преступление, но заболел психическим расстройством в период следствия по делу. При проведении СПЭ вопросы о его способности к осознанной произвольной регуляции своего поведения в период правонарушения (т. е. о вменяемости) решены не были в связи с наличием острого психотического состояния, и он был направлен в психиатрический стационар до выхода из психоза с последующим проведением повторной СПЭ. В больнице пациент быстро пришел в себя (психоз был из категории «реактивных», т. е. психогенных, заканчивающихся практически полным выздоровлением) и, видимо сильно огорчившись пребыванием в больнице, совершил побег. Получилось тройное невыполнение целей уголовного судопроизводства: принудительное лечение юридически не завершено (оно отменяется, так же как и назначается, решением суда); вменяемость в отношении совершенного преступления экспертами и судом не установлена, приговор по делу не вынесен. Пациент был задержан через 7 лет, когда он пересекал пропускной таможенный пункт на границе нашего государства в качестве... водителя большегрузной фуры. За это время он обзавелся семьей, работал шофером, но жил фактически на нелегальном положении. После задержания он был возвращен в психиатрический стационар для завершения процедуры принудительного лечения и судебно-следственных действий.

Выше приведен пример применения меры медицинского характера в отношении лица с временным болезненным расстройством психической деятельности, которое нарушает уголовно-процессуальную дееспособность обвиняемого (таких пациентов в специализированных психиатрических стационарах незначительное количество). В подавляющем большинстве случаев на принудительном лечении оказываются лица, признанные судом невменяемыми в отношении совершенных ими деяний, у которых болезнь приобрела хронический характер, и восстановление их жизнедеятельности до нормального уровня оказывается либо вообще невозможным, либо растягивается на продолжительный период времени, при этом цели и задачи врачевания качественно усложняются. Как полагает П.Д.Тищенко¹³, картезианская отстраненность «Я»,

характерная для ситуации острого заболевания (что можно сказать и о психических расстройствах), трансформируется в некое новое самосознание. Б.Дженнингс, Д.Каллахан и Л.Каплан¹⁴ метафорически пишут, что от логики войны с болезнью происходит переход к логике «мирного сосуществования», для которого характерны не радикальные действия с целью уничтожения противника, а длительные «дипломатические переговоры» и «компромиссы» с целью реабилитации, а не выздоровления. Реабилитационная терапия как бы перешагивает биологический уровень оказания помощи, перемещая основной акцент своей деятельности на биографический уровень заболевания.

Парадокс принудительного психиатрического лечения заключается в том, что этот терапевтический альянс заключается без согласия пациента. Пациент оказывается «вырезанным» из привычной социальной среды и помещен в закрытое психиатрическое учреждение. Л.Бинсвангер¹⁵, говоря о том, что человек может исполнять различные жизненные роли и сценарии, отмечает, что человек может выбирать среди многих видов отношений между миром и «Я». «Я» – способность видеть себя в многообразии этих возможностей. Свобода по отношению к миру, – по Бинсвангеру, – признак здоровья, жесткая ограниченность одним миром – признак психического расстройства. Тестовой, по его мнению, является альтернатива «свобода в созидании мира» или «разрешение миру быть». Даже у лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния, может сохраняться способность к творению мира, своего рода двойная ориентировка, как в болезненной реальности, так и в окружающем мире. Это, по-видимому, основное, что оставляет надежду на успешность медико-социальных реабилитационных программ.

Психиатрия и безопасность общества. Выше рассматривались гуманитарные аспекты недобровольности при оказании психиатрической помощи, а также судебно-психиатрической экспертизы и принудительного лечения в аспекте возможностей выбора пациента и психиатра. Вместе с тем, по нашему мнению, психиатрия в сотрудничестве с правовой системой может гораздо эффективнее содействовать безопасности общества, усилив профилактическую составляющую своей деятельности. Широкое распространение получила концепция А.Керидо¹⁶ о первичной, вторичной и

третичной профилактике, основанная на стремлении обеспечить единый динамический подход к решению вопросов профилактики, лечения, восстановления трудоспособности и прав больного в обществе. Первичная профилактика, по А.Керидо, заключается в предотвращении заболеваний или сокращении их случаев; вторичная – в активном лечебном воздействии на патологический процесс; третичная – предусматривает необходимость восстановления личных и социальных взаимоотношений больного, нарушенных вследствие заболевания. Цель третичной профилактики (собственно реабилитации) – восстановить индивидуальную и общественную ценность больного, смягчить последствия заболевания или вызываемой им инвалидности. Эксперты ВОЗ предложили различать медицинскую, профессиональную и социальную реабилитацию. С позиций судебной психиатрии недобровольная госпитализация как мера, направленная не только на профилактику общественно опасных действий, но и на лечение и социальную реадaptацию пациента вбирает в себя элементы не только первичной, но и вторичной и третичной профилактики. Принудительное лечение лица, совершившего общественно опасное деяние и признанного невменяемым, соответствует вторичной и частично третичной профилактике. Вместе с тем недобровольное освидетельствование и лечение жестко регламентированы действующим законодательством и предпринимаются, как правило, при наличии очевидной физической агрессии (аутоагрессии), создающих непосредственную угрозу для жизни и здоровья самого пациента или окружающих (по этому поводу уместно вспомнить циничную шутку, приложимую и для данного круга ситуаций – «когда вас убьют – приходите»). Целесообразно расширение возможностей выбора действий в ситуациях, когда психиатр, совместно с правоохранителями (но со своей профессиональной точки зрения), должен оценить психическое состояние лица и обусловленную психическим расстройством общественную опасность, что, вероятно, влечет необходимость внесения поправок в действующее законодательство.

Есть расхожее выражение – «инструкции пишутся кровью». Это касается в первую очередь порядка эксплуатации высокотехнологичных механизмов, например, авиационной техники. Несоблюдение технических регламентов, игнорирование отклоняю-

щихся от нормы параметров, неправильно или не вовремя нажатая педаль могут привести к тяжелейшим последствиям с многочисленными человеческими жертвами. Вместе с тем общество также является сложной системой (или «механизмом»), и управление социальными процессами требует, одной стороны, соблюдения законных прав и свобод членов общества, с другой – внимания к отклоняющемуся от правовых норм поведению отдельных его членов или социальных групп. Судебная психиатрия помогает правовой системе со своих профессиональных позиций – определяет, какие поступки лиц, нарушающих закон, связаны с психическим расстройством и, следовательно, не влекут за собой его уголовного наказания, а какие определяются исключительно личностными мотивациями субъекта (корыстью, мстостью и т. д.) и предполагают уголовную ответственность. В то же время психиатры должны помогать правовой системе и вносить лепту в безопасность общества и в плане первичной профилактики общественно опасных действий, т. е. способствовать их недопущению, что предполагает необходимость расширения репертуара их профессиональных действий в рамках законодательства о здравоохранении. Достаточно упомянуть недавний случай, в буквальном смысле прогремевший на всю страну – обрушение подъезда жилого дома в г. Астрахани 27 февраля 2012 г., в результате чего погибло 10 человек и пострадало ещё 12. Все окружающие знали, что в квартире проживает 53-летний мужчина, ведущий антиобщественный образ жизни, который неоднократно высказывал в состоянии алкогольного опьянения намерение совершить суицид путем умышленного взрыва квартиры бытовым газом, причем подкреплял свои угрозы тем, что открывал газовые горелки. Никаких действий ни правоохранительными органами, ни психиатрами предпринято не было, что и привело к трагическим последствиям. Очевидно, что факты отклоняющегося поведения, угроз должны подвергаться обязательной фиксации правоохранителями, а лица, представляющие потенциальную угрозу обществу, подвергаться психиатрическому обследованию. Задачи национальной безопасности диктуют необходимость создания форм быстрого реагирования со стороны психиатров (по заданию правоохранительных органов) на угрозы общественному здоровью и порядку со стороны лиц с психическими расстройствами, что существенно усилило бы профилактическую

составляющую психиатрической деятельности в соответствии с задачами судебной психиатрии. Необходимо формирование единого учетного списка пациентов, признанных невменяемыми в Российской Федерации с целью оптимизации мероприятий по вторичной и третичной профилактике общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами. Целесообразно также создание единого перечня лиц с психическими расстройствами, в структуре болезненных переживаний которых имеются идеи экстремистского, националистического содержания, с целью профилактики вовлечения их в экстремистские организации и их участия в нарушениях общественного порядка.

Таким образом, «пропорция выбора» пациента и психиатра зависят от правового пространства, в котором они взаимодействуют. Если в общей психиатрии декларирован принцип добровольности оказания психиатрической помощи и приоритет выбора законодательно закреплен за пациентом, то в судебной психиатрии имеет место обратная ситуация. При этом в обоих случаях имеются гуманитарно-правовые коллизии, требующие углубленного осмысления и уточнения, в том числе в аспекте защиты прав человека и обеспечения общественных интересов. Междисциплинарный, комплексный, философский анализ с позиций гуманитарных и естественнонаучных дисциплин помогает уточнить ключевые закономерности и процессуальные нюансы взаимодействия права и медицины, правовой системы и судебной психиатрии в плане совершенствования системы судебного производства и углубленного развития психиатрии как уполномоченного государством стража душевного здоровья и безопасности общества.

Примечания

- ¹ Березанцев А.Ю. Судебная психиатрия. Учебник для бакалавров. М., 2013.
- ² Кондратьев Ф.В. 50-е–70-е годы – время, события, люди // ГНЦССП им. В.П.Сербского: Очерки истории / Под ред. Т.Б.Дмитриевой, Ф.В.Кондратьева. М., 2006. С. 194.
- ³ Руководство по психиатрии / Под ред. А.В.Снежневского: В 2 т. Т. 1. М., 1983. С. 187. Руководство по психиатрии / Под ред. Г.В.Морозова: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 212.
- ⁴ Шумский Н.Г. Диагностические ошибки в судебно-психиатрической практике. СПб., 1997.

- 5 *Андреев И.Л., Березанцев А.Ю.* Взаимосвязь психического и соматического здоровья человека // Человек. 2010. № 2. С. 135–142; *Андреев И.Л., Березанцев А.Ю.* Homo Psychosomaticus // Человек. 2012. № 4. С. 24–37; *Андреев И.Л., Березанцев А.Ю.* Психосоматика, психопатология, личность (теоретический аспект) // Рос. психиатр. журн. 2012. № 2. С. 39–46.
- 6 *Березанцев А.Ю., Андреев И.Л., Назарова Л.Н.* Новые технологии – новые патологии: Интернет и здоровье человека // Человек и его будущее: новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л.Белкина. М., 2012. С. 432–440.
- 7 *Аристотель.* Никомахова этика. М., 1997.
- 8 *Toulmin S.* Agent and patient in psychiatry // International Journal of Law and Psychiatry. 1980. № 3. P. 267–278.
- 9 *More M.* Technological Self-Transformation: Expanding Personal Entropy–Entropy. №10. Vol. 4. № 2. Winter/Spring, 1993.
- 10 Кодекс профессиональной этики психиатра. Принят на Пленуме Правления Российского общества психиатров 19 апреля 1994 г. ([http:// www. petrso.ru/ Chairs/ Psychiatry/ diagnostic/kodeks.html](http://www.petrso.ru/Chairs/Psychiatry/diagnostic/kodeks.html)).
- 11 Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. UNESCO, 2006 ([http:// unesdoc.unesco.org / images / 0014 / 001461 / 146180g.pdf](http://unesdoc.unesco.org / images / 0014 / 001461 / 146180g.pdf). Дата обращения 07.10.2011.)).
- 12 Пояснительный доклад к Дополнительному протоколу к Конвенции о правах человека и биомедицине о биомедицинских исследованиях // Аналит. материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по её усовершенствованию». М., 2007. С. 139.
- 13 *Тищенко П.Д.* Жизнь и власть: биовласть в современных структурах врачевания // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4. М., 2010. С. 39–67.
- 14 *Jennings B., Callahan D., Caplan L.A.* Ethical and Policy Issue in Rehabilitation medicine // A Hasting Center Report. Special Supplement. 1987. August. P. 9.
- 15 *Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире. М.–СПБ., 1999.
- 16 *Керидо А.* Профилактические аспекты охраны психического здоровья // Семинар по практике общественного здравоохранения и профилактике психических заболеваний. Копенгаген, 1966. С. 7–24.

Обыденный выбор как структурный компонент приспособления

Обыденный выбор: постановка проблемы

Исследование феномена выбора – это междисциплинарная проблема. Традиционно под выбором подразумевается действие, осуществляемое субъектом, реализующим собственную свободу воли. Такое понимание достаточно характерно для многих философских и психологических подходов. Однако представляется, что феномен выбора можно рассматривать и в более широком ключе: не только применительно к человеку (и живым организмам в целом), но даже и в мире неодушевленного, например, на уровне физико-химических процессов, протекающих в открытых системах. В частности, ряд эффектов, обнаруженных в исследованиях по неравновесной термодинамике, свидетельствуют о том, что открытые физико-химические системы способны *выбирать* то или иное изменение своей структуры в соответствии с внутренними predispositionами системы. Так, Г.Николис и И.Пригожин констатируют: «Вдали от равновесия, т. е. при существенном ограничении степеней свободы, система может приспосабливаться к своему окружению несколькими различными способами... из многих возможных вариантов будет выбран лишь один...»¹.

В качестве примеров таких открытых систем можно привести ячейки Рэлея–Бенара² и реакцию Белоусова–Жаботинского³. В ячейках Рэлея–Бенара феномен выбора реализуется в форме возникновения упорядоченности в виде конвективных цилиндрических шестигранников или валов, вращающихся навстречу друг другу. При этом характерно, что система «выбирает» направление вращения в

«первой» ячейке. Феномен выбора, совершаемого открытой неравновесной системой при реакции Белоусова–Жаботинского проявляется возникновением и частотой автоколебаний.

Таким образом, способность осуществлять выбор представляет собой универсальное свойство самоорганизующихся систем и не является уникальным атрибутом сознающего индивида. Поэтому в данной статье речь будет идти о выборе в широком смысле слова, – как универсальном свойстве самоорганизующихся систем, выражающемся в предпочтении одной альтернативы из спектра потенциально возможных, с целью поддержания гомеодинамического равновесия системы в конкретный момент времени. (Следует оговориться, что для последующего анализа разграничение выбора как процесса и выбора как акта не является принципиальным, поскольку выбор будет рассматриваться как структурная составляющая бесконечного и непрерывного процесса приспособления. Поэтому во избежание терминологической путаницы мы сознательно не будем затрагивать вопрос разведения этих аспектов.)

Предложенное истолкование (так же как и соответствующая ему область феноменов) отличаются от традиционно исследуемых в психологии. Изучение проблемы выбора в рамках психологической науки имеет достаточно долгую историю и реализовывалось в рамках различных теоретико-методологических подходов. В самом общем виде большая часть психологических исследований выбора может быть объединена в ряд кластеров, опирающихся на сходные теоретико-методологические принципы: выбор – как принятие решения (в рамках когнитивистской парадигмы)⁴; выбор – как морально-нравственный акт, выбор–поступок⁵ (в русле психологии личности); выбор – как проявление личностной свободы (с позиций экзистенциальной парадигмы)⁶; выбор – как способность самодетерминации (с позиций персонологической традиции)⁷; выбор – как мотивационно-волевой процесс (в рамках деятельностной парадигмы)⁸; системные мультифакторные модели выбора, сочетающие несколько вышеперечисленных подходов⁹.

Если говорить в целом, то можно констатировать, что вышеупомянутые направления, несмотря на значимые различия, имеют и один принципиальный общий момент: все они подходят к анализу темы выбора с позиции рассмотрения предмета исследования как своего рода «ВЫБОРА-с-большой-буквы». То есть в

подавляющем большинстве случаев феномен выбора изучается в структуре значимых ситуаций, как экзистенциальное событие, как поступок, осуществляемый в результате осознанного и взвешенного принятия решения. Обычно это темы профессионального самоопределения, выбора спутника жизни, места жительства и т. п. Ряд исследователей прямо вводит понятие «жизненного выбора», рассматриваемого как любое поворотное событие на пути человека, после которого его жизнь меняется¹⁰. Также исследуется выбор как принятие решения в экспериментальной, смоделированной ситуации.

Во всех этих случаях выбор рассматривается как осознанный целенаправленный акт, совершаемый рефлексирующим субъектом, основанный на многосторонней оценке альтернатив, рисков связанных с предпочтением одной из них и касающийся реально или смоделировано значимых для субъекта вопросов. Исследовательский интерес при этом фокусируется на категориях смыслового, личностного, экзистенциального выборов (несмотря на терминологические различия, речь идет о принципиально сходных феноменах значимого выбора).

Однако выбор далеко не всегда является осознанным, всесторонне взвешенным и принципиально значимым!

Это обстоятельство становится особенно важным при обращении к проблематике обыденного выбора. Под *обыденным выбором* мы будем понимать феномены повседневного, преимущественно неосознаваемого и встроенного в обычную жизнедеятельность субъекта предпочтения альтернатив, не рефлекслируемые субъектом как значимые волевые акты. Например, что съесть, что надеть, как вести себя в гостях, что делать в течение обеденного перерыва на работе. Обыденные выборы, несмотря на свою субъективную малоценность и отсутствие далеко идущих последствий, создают континуум человеческого бытия, составляют саму суть жизнедеятельности субъекта в мире и уже поэтому, на наш взгляд, заслуживают исследовательского внимания. Представляется, что обыденные выборы по своей структуре и механизмам отличаются от значимых выборов и характеризуются рядом особенностей:

– обыденный выбор может быть осознанным, частично осознанным или полностью неосознаваемым;

– обыденный выбор может быть не рациональным и иррациональным;

– обыденный выбор может осуществляться в условиях практически безграничного набора альтернатив (что равноценно отсутствию отчетливого спектра вариантов – это сближает обыденный выбор с экзистенциальным, не имеющим ни отчетливого спектра альтернатив, ни однозначных критериев их оценки¹¹);

– обыденный выбор может не иметь отчетливых критериев оценки эффективности результата;

– обыденные выборы не переживаются субъектом как значимые волевые акты.

Сформулированные в отечественной психологии характеристики простого выбора, который зачастую автоматически приравнивается к обыденному (отчетливые критерии оценки альтернатив, а также ограниченный спектр альтернативных решений), представляются спорными. Они, безусловно, верны, но только для части ситуаций обыденного выбора. То же возражение касается параметров «хорошего» выбора: продуманное, свободное принятие решения, осознание личной ответственности, принятие рисков, – эти критерии невалидны при оценке феноменов обыденного выбора.

Очевидно, что для изучения проблемы обыденного выбора необходимо использование другого подхода и привлечение иных объяснительных принципов. Представляется, что эвристичным и перспективным будет рассмотрение феноменов обыденного выбора в контексте теории приспособления.

Приспособление как универсальное свойство самоорганизующихся систем. Адаптация и компенсация

Приспособление – это способность самоорганизующейся системы перестраивать структурные связи между своими элементами, сохраняя гештальт системы¹², в ходе взаимодействия с внешним миром.

Обращение к проблеме приспособления субъекта при взаимодействии с внешним миром затрагивает широкий круг вопросов, которые в полном объеме невозможно рассмотреть в рамках данной работы. Поэтому, исследуя проблему обыденного выбора как струк-

турного компонента приспособительной деятельности, мы будем опираться на понимание процесса приспособления как совокупности адаптационных и компенсаторных механизмов, направленных на поддержание «гомеодинамического равновесия» со средой¹³.

Такая постановка вопроса выводит на первый план проблему детерминант и механизмов осуществления выбора. Во многих психологических моделях выбор рассматривается как мультифакторный феномен, детерминированный влияниями со стороны внешнего мира и со стороны субъекта, т. е. самой самоорганизующейся системы. Можно предположить, что за внутренними свойствами системы, определяющими характеристики выбора, могут скрываться адаптационные и компенсаторные стратегии – два способа осуществления приспособительной деятельности.

При кажущемся сходстве их все же необходимо разделять, поскольку процессы адаптации и компенсации имеют качественно разные структурные и функциональные характеристики. Адаптационные механизмы направлены на поддержание жизнедеятельности системы за счет доступных ресурсов (т. е. осуществляются путем перестройки структурных связей в пределах дестабилизированного уровня системы) с выходом на равный или более высокий уровень функционирования. В том случае, если по принципу доминанты А.А. Ухтомского¹⁴ поддержание функционирования системы на определенном уровне становится приоритетным, а адаптационных механизмов оказывается недостаточно, включаются компенсаторные механизмы.

Компенсаторные механизмы представляют собой возмещение функциональной недостаточности и поддержание жизнедеятельности системы путем перестройки сохранных структурных элементов более высоких уровней (по сравнению с дестабилизированным) с выходом на сниженный уровень функционирования. То есть компенсаторные механизмы ориентированы на сохранение системы в целом даже в случае утраты пострадавшего элемента. «Компенсация – реакция организма на препятствие к адаптации, призванная сохранять целостность и жизненно важные функции организма, возмещая функциональную недостаточность поврежденных элементов системы деятельностью неповрежденных элементов. Компенсаторные механизмы используют более высокие системные уровни, внешние относительно поврежденного элемен-

та, и вынуждены их переструктурировать для формирования нового оптимума функционирования всей системы, то есть ее адаптации к новым условиям»¹⁵.

Компенсация, таким образом, осуществляется системой в целом в отношении элемента, возмещая функциональную недостаточность поврежденных элементов системы за счет элементов сохранных, соответствующих более высоким уровням организации системы. Компенсация может осуществляться как за счет собственного потенциала, так и за счет привлечения внешних ресурсов окружающей среды. Таким образом, адаптацию и компенсацию необходимо рассматривать как неразрывно связанные составляющие процесса приспособления, направленного на поддержание оптимального взаимодействия между индивидом и средой. «При функциональном различии адаптационных и компенсаторных механизмов, оба процесса направлены на поддержание оптимального динамического равновесия между организмом и средой... адаптацию и компенсацию мы понимаем как перманентно существующие процессы, составляющие сущность жизнедеятельности любого организма и являющиеся составными элементами единого процесса – приспособления»¹⁶. В общем виде приспособительный цикл выглядит следующим образом (рис. 1).

Изменение условий окружающей среды вызывает нарушение гомеодинамического равновесия системы (т. е. требует изменения стереотипа функционирования субъекта). Происходит ответная активизация приспособительных ресурсов. Дальнейшее развитие приспособительного цикла может пойти двумя путями: адаптационным и компенсаторным. В случае эффективной активизации адаптационных механизмов происходит восстановление гомеодинамического равновесия системы с выходом на прежний или более высокий уровень функционирования. В том случае, если приспособление пойдет по компенсаторному пути, возможно восстановление гомеодинамического равновесия системы на сниженном уровне функционирования. В ситуациях «форс-мажорных» средовых воздействий (превосходящих приспособительные возможности субъекта по интенсивности или длительности) либо при неэффективности используемых адаптационно-компенсаторных механизмов происходит нарушение адаптации с развитием деза-

Рис. 1. Цикл приспособительной деятельности

даптоза – перестройка системы в целом, с формированием новой редуцированной системы и качественно иного сниженного уровня жизнедеятельности.

Цикл приспособительной деятельности отражает картину приспособления как в «норме» (обыденном приспособлении к меняющимся условиям окружающей среды), так и в «патологических» случаях явлений дезадаптоза¹⁷. Однако поскольку приспособление – процесс непрерывный, он не заканчивается с развитием дезадаптоза, просто дальнейшее приспособление будет направлено на поддержание гомеодинамического равновесия новой (редуцированной) системы.

Говоря о компенсации в ее соотношении с болезнью, закономерно в первую очередь обратиться к представлениям Л.С.Выготского. В своих работах, в частности в статье «Дефект и компенсация», он постулирует неразрывность и взаимосвязанность болезненного и компенсаторного процессов, распада и раз-

вития психики, рассматривая болезнь не как дефект, деградацию, обратное развитие, а в качестве специфического новообразования, сформированного (при помощи компенсаторных механизмов) нового уровня психического функционирования.

Представление о симптомах болезни как о проявлении компенсаторных механизмов имеет долгую историю. Эти идеи высказывались еще В.Ф.Саблером: «Сумасшествие – ...приносит с собой лишний шанс на то, чтобы вся машина уцелела... природа пускает в ход сумасшествие как последний ресурс в тех случаях, когда опасность велика и неотвратима»¹⁸. Сходное понимание приспособления применительно к ситуации болезни соответствует классической (в клинической психологии) трактовке последней не как дефекта, а как специфического новообразования¹⁹. Как указывает А.А.Налчяджян²⁰, неадекватные адаптивные стратегии и их патологические эквиваленты обладают определенной целесообразностью на внутриспсихическом уровне, т. к. уменьшают психическую напряженность. В то же время на более высоких уровнях они снижают психическую адаптированность. Эти идеи созвучны современным клиническим концепциям психического диатеза²¹, подчеркивающим значимость компенсаторных механизмов в формировании клинической картины²².

Таким образом, необходимо рассматривать цикличность протекания процесса приспособления и динамически исследовать не только адаптацию или ее нарушение, но и «адаптацию к нарушениям», иными словами, комплекс адаптационно-компенсаторных реакций, возникающих в процессе нормального функционирования или повреждения системы²³.

Обыденный выбор: адаптация, компенсация, дезадаптация

Возвращаясь к заявленной проблематике, прежде всего, необходимо отметить неразрывную связь приспособления и феноменов обыденного выбора. Представляется, что значительная часть неосознаваемых, частично осознаваемых и осознанных обыденных выборов осуществляется не случайным образом, а в соответствии с закономерностями приспособительного цикла, т. е. имеет в своей основе активность адаптационных или компенсаторных механизмов.

В качестве примера можно привести следующую ситуацию: *привычное* для человека обострение хронической соматической болезни, не несущей витальную угрозу, например, хронической обструктивной болезни легких (ХОБЛ). Возможные варианты поведения в ситуации обострения: обращение к врачу, прием ранее опробованных симптоматических препаратов, бездействие (ожидание «когда само пройдет»).

Необходимо отметить, что это заболевание, развивающееся в подавляющем большинстве случаев у курильщиков, естественно, предполагает полный отказ от курения или хотя бы значительное сокращение потребления табачных изделий. Соответственно, ситуация обострения требует введения жесткого самоограничения на курение. *Адаптивным* выбором в этом случае является обращение к врачу или прием привычных препаратов с ограничением или прекращением курения.

Однако такой модус поведения наблюдается далеко не всегда. Часто отмечается выбор стратегии приема препаратов на фоне продолжающегося активного курения, что может быть соотнесено с *компенсаторным* преодолением тревоги. В данном случае механизм обесценивания значимости ситуации позволяет субъекту преодолевать тревогу относительно ухудшения состояния здоровья, однако наряду с этим утрачивается полезная функция тревоги, обеспечивающая соблюдение охранительного режима.

Деадаптоз, как правило, представляет собой неосознаваемый отказ от совершения выбора. В одних случаях отказ может реализовываться субъективным и иллюзорным «уничтожением» ситуации, провоцирующей выбор, в других – искусственным сужением спектра альтернатив до единственной. В рассматриваемом примере проявлением деадаптоза становится стратегия полного отказа от лечения и от соблюдения охранительного режима («я здоров, поэтому лечение или ограничения мне не требуются» – в этом случае нивелируется ситуация совершения выбора или «я страшно болен, поэтому мне все равно ничто не поможет, можно и не пробовать» – здесь спектр альтернатив искусственно сужается до единственной). Оба описанных варианта, безусловно, являются грубо деадаптивным поведением, и могут трактоваться как проявления *деадаптоза*, т. е. формирования новой сниженной редуцированной системы, поскольку требуют искажения картины мира, парциального нарушения тестирования реальности.

Очевидно, что это лишь один из бесчисленного множества возможных примеров участия адаптационных и компенсаторных стратегий в ситуациях обыденного, повседневного, выбора. Приспособление субъекта – это процесс не только непрерывный, но и чрезвычайно многоплановый, многоликий: человек приспосабливается к огромному количеству стимулов среды (внешней и внутренней), и все эти приспособительные циклы протекают одновременно и параллельно, в значительной степени автоматически, не требуя сознательного контроля. Представляется, что «расшифровка» всех обыденных выборов с точки зрения участия адаптационно-компенсаторных механизмов не является необходимой. Более ценным для понимания этих феноменов может стать, напротив, выявление общих закономерностей приспособления, выделение спектра *универсальных адаптационных и компенсаторных стратегий*, которые принимают участие в осуществлении обыденных выборов.

Отдельную проблему, требующую детального изучения, составляет, на наш взгляд, особый кластер феноменов обыденного выбора – выбор в виртуальной среде. Речь может идти о любых вариантах выбора: потребительском, коммуникативном, информационном и пр. Виртуальная среда создает принципиально новые условия совершения обыденных выборов. Изменяются фундаментальные параметры выбора (спектр альтернатив и категории их оценки). Число альтернатив становится практически безграничным, что равносильно размыванию палитры вариантов и, как уже упоминалось, характерно для экзистенциального выбора. Категориальная структура оценки альтернатив также принципиально меняется: в условиях практически неограниченного доступа к информации значительно возрастает личностная ответственность за эффективность совершенного выбора, а также тревога, сопутствующая выбору в ситуации неопределенности. Одновременно понижается значимость совершения выбора, т. к. сам акт выбора требует меньших временных и энергетических затрат. Например, потребительский выбор товаров и услуг в виртуальной среде количественно и качественно отличается от ранее существовавших возможностей приобретения товаров и услуг. Возрастает КПД потребительского выбора (возможность совершить существенно большее число выборов за меньшее время).

Все это приводит к тому, что акт выбора обесценивается и одновременно повышается ответственность субъекта за успешность принятого решения.

Отмеченные характеристики обыденного выбора в виртуальной среде (широкий/бесконечный выбор альтернатив, переизбыток информации для анализа критериев оценки альтернатив) создают значительную стрессогенную нагрузку, вызывающую активизацию приспособительных ресурсов личности и связанную с повышенным риском явлений дезадаптоза, выражающихся в субклинических и клинических формах различных интернет-зависимостей.

Заключение

Подводя итоги, необходимо сформулировать основные положения предлагаемого подхода, соотносящего феномены обыденного выбора с адаптационными и компенсаторными приспособительными механизмами. Представляется, что обыденный, повседневный выбор не тождественен по своим параметрам экзистенциальному, моральному, «жизненному» выборам. Он протекает преимущественно неосознанно, в условиях отсутствия отчетливо отслеживаемого спектра альтернатив и критериев оценки эффективности результата, опосредован адаптационно-компенсаторными стратегиями и встроено в структуру приспособления субъекта к реальности (внешней и внутренней).

Проблема предпосылок осуществления обыденного выбора в весьма интересном ключе рассматривается известным физиком, соавтором Стивена Хокинга, Леонардом Млодиновым²⁴. Он, в частности, приводит многочисленные результаты исследований, показывающие, что в повседневной практике человек лишь в незначительной степени осознаёт подлинные мотивы своих предпочтений. При этом люди считают себя гораздо более рациональными и логичными в осуществлении обыденных выборов, чем это есть на самом деле. Всё это говорит о том, что субъект в своих обыденных выборах гораздо менее рационален, чем это принято считать, и подвержен влиянию неосознаваемых им самим факторов, в качестве которых, по нашему мнению, могут выступать адаптационные и компенсаторные механизмы приспособительной деятельности.

То, насколько хорошим окажется совершенный обыденный выбор, определяется балансом используемых субъектом адаптационных и компенсаторных механизмов. Преимущественное использование адаптационных механизмов при осуществлении обыденного выбора способствует поддержанию функционирования индивида на прежнем или более высоком уровне. Выбор, обусловленный компенсаторными механизмами, снижает уровень функционирования индивида и соответственно является менее эффективным. Выбор, осуществляемый в рамках развития дезадаптоза, является «плохим» и, по сути, как таковой, означает отказ от выбора (либо за счет игнорирования самой ситуации выбора, либо за счет искусственного сужения спектра альтернатив до единственной).

В целом обыденный выбор не просто опосредован адаптационными и компенсаторными стратегиями, он является структурным компонентом приспособления, способом реализации и феноменологическим проявлением приспособительной активности субъекта при взаимодействии с миром. Именно в феноменах обыденного выбора шире всего реализуются осознаваемые или полностью неосознанные реакции субъекта на изменения условий среды.

На наш взгляд, перспективность представленного понимания определяется тем, что оно дает возможность включить в поле исследовательского интереса *феномены обыденной жизни*, и от изучения искусственно смоделированных ситуаций перейти к осмыслению естественной практики обычного *живого общения* человека со средой и с себе подобными. Это позволяет лучше понять как самого человека, так и механизмы, которые по-настоящему управляют коммуникативным взаимодействием в социуме. С другой стороны, констатация наличия взаимосвязи между адаптационно-компенсаторными стратегиями личности и регулярно осуществляемыми ею обыденными выборами будет способствовать выявлению спектра универсальных адаптационных и компенсаторных стратегий, опосредующих феномены обыденного выбора, а также изучению роли этих феноменов в повседневной жизнедеятельности субъекта.

Примечания

- ¹ *Николис Г., Пригожин И.* Познание сложного. Введение. М., 1990. С. 19.
- ² Ячейки Рэлея – Бенара представляют собой особого рода упорядоченности в виде конвективных ячеек, возникновение в слое вязкой жидкости с вертикальным градиентом температуры, т. е. равномерно подогреваемой снизу. Ячейки Рэлея–Бенара являются одним из примеров самоорганизации, наряду с реакцией Белоусова–Жаботинского.
- ³ Класс химических реакций, протекающих в колебательном режиме, при котором некоторые параметры реакции (цвет, концентрация компонентов, температура и др.) изменяются периодически, образуя сложную пространственно-временную структуру реакционной среды. При определенных условиях эти системы могут демонстрировать очень сложные формы поведения от регулярных периодических до хаотических колебаний. На модели реакции Белоусова–Жаботинского обнаружен первый экспериментальный странный аттрактор в химических системах.
- ⁴ Основные положения изложены в работах следующих авторов: *D.Kahneman, A.Tversky* (1973, 1979, 2003), *Simon* (1954; 1972; 1993), *Д.Дёрнер* (1997), *О.К.Тихомиров* (1977), *Ю.Козелецкий* (1979), *О.И.Ларичев* (1979), *Г.Н.Солнцева* (1985, 1999 и др.), *Т.В.Корнилова* (2003), *О.В.Степаносова* (2004).
- ⁵ Основные положения изложены в работах следующих авторов: *А.Лефевр* (2003), *Л.Колберг* (1969, 1984), *В.В.Столин* (1983), *А.Н.Леонтьев* (1975, 1983, 1994), *Е.Т.Соколова* (1999), *В.В.Знаков* (1993, 2005).
- ⁶ Основные положения изложены в работах следующих авторов: *И.Ялом* (1999, 2001, 2002), *Р.Мэй* (1953, 1967, 1981), *С.Мадди* (1970, 1976, 1988, 1996, 1997, 1998), *Дж.Бьюдженталь* (2001), *В.Франкл* (1990, 2001), *Е.Ю.Мандрикова* (2006).
- ⁷ Основные положения изложены в работах следующих авторов: *А.Маслоу* (1999), *Дж.Келли* (1955), *Б.Ф.Поринев* (1969), *В.С.Братусь* (1981, 1985, 1988), *А.М.Лобок* (1993), *Ф.Е.Васильюк* (1984, 1997), *В.А.Петровский* (1992, 1993, 1996, 2002), *А.Г.Асмолов* (2001, 2002).
- ⁸ Основные положения изложены в работах следующих авторов: *Ю.Куль* (1985), *Л.Фестингер* (2000), *К.Левин* (2001), *Х.Хекхаузен* (2003), *П.Голвитцер* (1987, 1993, 2004), *П.Я.Гальперин* (1976), *Л.С.Выготский* (1983), *А.М.Айламазян* (1990), *В.А.Иванников* (1998), *А.Н.Леонтьев* (2000), *С.Л.Рубинштейн* (2003).
- ⁹ Основные положения изложены в работах следующих авторов: *Н.Ф.Наумова* (1983, 1988), *Н.В.Пилипко* (1995), *Т.В.Корнилова* (2003), *Д.А.Леонтьев* (1994, 1995, 1997, 2000, 2002, 2004, 2005).
- ¹⁰ См.: *Кравченко Л.С.* Жизненный выбор личности (психологический анализ): Автореф. дис... кандидата психол. наук. М., 1987; *Логинова Н.А.* Психобиографический метод исследования и коррекции личности: Учебн. пособие. Алматы, 2001.

- 11 См.: *Леонтьев Д.А.* От инстинктов – к выбору, смыслу и саморегуляции: психология мотивации вчера, сегодня и завтра // Современная психология мотивации / Под ред. *Д.А.Леонтьева*. М., 2002. С. 4–12.
- 12 Гештальт понимается здесь как целостность, не сводимая к сумме частей.
- 13 *Thomas A., Chess S.* The dynamics of psychological development. N.Y., 1980.
- 14 Принцип доминанты *А.А.Ухтомского* (1923), хотя и был сформулирован в отношении нейрофизиологических реакций, на самом деле универсален и гласит: «Во все моменты жизнедеятельности создаются условия, при которых выполнение какой-либо функции становится более важным, чем выполнение прочих».
- 15 *Воложин А.И., Субботин Ю.К.* Адаптация и компенсация – универсальный механизм приспособления. М., 1987.
- 16 *Коцюбинский А.П., Скорик А.И., Аксенова И.О., Шейнина Н.С., Зайцев В.В.* Шизофрения: уязвимость – диатез – стресс – заболевание. СПб., 2004.
- 17 См.: *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984; *Немчин Т.А.* Состояния нервно-психического напряжения: Автореф. дис... д-ра психол. наук. Л., 1984; *Косицкий Г.И.* Элементы физиологии труда, механизмы тренировки и адаптации // Физиология человека / Под ред. Г.И.Косицкого. М., 1985; *Семичов С.Б.* Предболезненные психические расстройства. Л., 1987; *Баевский Р.М., Берсенева А.П., Максимов А.Л.* Валеология и проблема самоконтроля здоровья в экологии человека. М., 1996.
- 18 Цит. по: *Коцюбинский А.П., Скорик А.И., Аксенова И.О., Шейнина Н.С., Зайцев В.В.* Шизофрения: уязвимость – диатез – стресс – заболевание. СПб., 2004. С. 77.
- 19 См.: *Выготский Л.С.* Собр. Соч. в 6 т. М., 1984а; *Лебединский М.С., Мясищев В.Н.* Введение в медицинскую психологию. Л., 1966; *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М., 1976. В частности, Л.С.Выготский постулирует неразрывность и взаимосвязанность болезненного и компенсаторного процессов, рассматривая болезнь не как дефект, деградацию, обратное развитие, а как специфическое новообразование, формирование (при помощи компенсаторных механизмов) нового уровня психического функционирования.
- 20 *Налчяджян А.А.* Социально-психологическая адаптация личности (формы, методы, стратегии), Ереван, 1988.
- 21 Психический диатез – это врожденная повышенная уязвимость к стрессогенным воздействиям и предрасположенность к формированию психопатологических расстройств.
- 22 *Свердлов Л.С., Скорик А.И., Галанин И.В.* О механизмах развития рецидивов при эндогенных психозах. Длительность ремиссий при шизофрении // Журн. невропатологии и психиатрии. 1991. Т. 91. Вып. 1. С. 89–94; *Снеженевский А.В., Вартамян М.Е.* Влияние внешних стрессовых факторов при эндогенных психозах // Журн. Невропатологии и психиатрии. 1998. Вып. 6; *Циркин С.Ю.* Концепция психопатологического диатеза и ее истоки // Независимый психиатр. журн. 1998. № 4. С. 5–8 и др.

- ²³ *Воложин А.И., Субботин Ю.К.* Адаптация и компенсация – универсальный механизм приспособления. М., 1987; *Свердлов Л.С., Скорик А.И., Галанин И.В.* О механизмах развития рецидивов при эндогенных психозах. Длительность ремиссий при шизофрении // Журн. невропатологии и психиатрии. 1991. Т. 91. Вып. 1. С. 89–94; *Коцюбинский А.П., Скорик А.И., Аксенова И.О., Шейнина Н.С., Зайцев В.В.* Шизофрения: уязвимость – диатез – стресс – заболевание. СПб., 2004.
- ²⁴ *Млодинов Л.* (Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением. М., 2012. С. 40–48.

ЛОГИКА ВОЗМОЖНОСТИ

Игорь Михайлов

Выбор как интенциональный акт

С методологической точки зрения проблема выбора выглядит как два взаимосвязанных вопроса:

1. Есть ли у слов «выбор» и «выбирать» какой-либо онтологический референт, иначе говоря, соответствует ли им что-либо в реальности?

2. Какой теоретический язык наиболее адекватен для описания этой предметной области?

Первый вопрос связан с тем, что некоторые употребления «выборной» лексики мы рассматриваем как уместные и законные в данном контексте, а другие – как метафорические: *ср.* «Я выбираю свободу» и «Река выбирает русло». Но то же можно сказать о словах вроде «хотеть» или «знать». Не метафорически мы употребляем их только по отношению к себе и себе подобным, но даже в отношении животных мы обнаруживаем некоторые сомнения: достаточно ли они высокоразвиты, чтобы удостоиться неметафорического приписывания этих предикатов. Ведь если в некоторых случаях мы употребляем слова «выбирать» и «выбор» метафорически, то не употребляем ли мы их метафорически *во всех случаях*? По крайней мере, логически это возможно.

Существенным для «выбора» является то, что он всегда предполагает некий объект, и этим «выбирать» отличается от, например, «скучать»: можно скучать по кому-то, а можно и просто так. Но выбирать можно только что-то или кого-то, причём истинность высказывания о выборе не зависит от реальности его объекта или

истинности выбираемого описания положения дел. Например, можно сказать: «Для меня лучшим политическим устройством является платоновское государство», и это будет вполне законное суждение выбора, независимо от фантастичности его объекта. Естественно предположить, что все выражения, в которых мы выражаем отношения выбора, относятся к предикатам, которые в европейской философской традиции, идущей ещё из Средневековья, принято называть интенциональными.

Моя исходная гипотеза состоит в том, что состояние или акт выбора являются, соответственно, интенциональным состоянием или актом и, следовательно, могут быть исследованы в концептуальных рамках теории интенциональности. И тогда наш второй вопрос может быть переформулирован следующим образом: адекватна ли та или иная разновидность теории интенциональности для описания феноменов, событий и отношений, которые мы обычно связываем с концептом «выбор»?

Но здесь необходимо внести уточнение по поводу слова «являются». Я целиком и полностью солидаризируюсь с точкой зрения Деннета, согласно которой мы используем интенциональную установку, т. е. приписываем некоторым объектам интенциональные качества, в тех случаях, когда такая стратегия объяснения является не менее эффективной, но более экономной, чем физикалистская стратегия: «Интенциональная установка – это такая стратегия интерпретации поведения объекта (человека, животного, артефакта, чего угодно), когда его воспринимают так, как если бы он был рациональным агентом, который при “выборе” “действия” руководствуется своими “верованиями” и “желаниями”. Эти термины в кавычках (примененные здесь с натяжкой) позаимствованы из того, что обычно называют “народной психологией”, т. е. из повседневного психологического дискурса, в котором мы участвуем, обсуждая психическую жизнь наших собратьев-людей. Интенциональная установка – это позиция или точка зрения, которую мы обычно занимаем по отношению к друг другу, так что выбор интенциональной установки по отношению к чему-то иному представляется сознательной *антропоморфизацией*»¹.

Итак, в этой статье я склонен положиться на концепцию интенциональности, играющую центральную роль в современной философии сознания и имеющую длительную историю станов-

ления в рамках феноменологической и аналитической философских традиций. Нам понадобится небольшой исторический обзор и краткий анализ существующих теорий интенциональности для того, чтобы оценить применимость этого теоретического языка к проблеме выбора.

Современные дискуссии о природе интенциональности во многом восходят к этапной книге Франца Brentano «Психология с эмпирической точки зрения», где он, в частности, писал: «Каждый ментальный феномен характеризуется тем, что схоластики Средневековья называли интенциональным (или ментальным) несуществованием объекта – тем, что мы могли бы назвать, хотя и не вполне однозначно, ссылкой на содержание, направлением на объект (что здесь не следует путать с ситуацией, когда нечто подразумевается) или имманентной объективностью. Каждое ментальное явление включает в себе объект, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви нечто любимо, в ненависти – ненавидимо, в желании нечто желается, и так далее.

Это интенциональное несуществование характерно исключительно для ментальных феноменов. Никакое физическое явление не демонстрирует ничего подобного. Мы можем, таким образом, определить ментальные феномены, как явления, которые содержат объект внутри себя интенциональным образом»².

Идеи, впервые сформулированные австрийским психологом, фактически обозначили путь радикального отхода от понимания ментальных феноменов в духе сенсуализма XVIII в. в сторону поиска логических критериев того, что может быть в принципе отнесено к сознанию. Как сформулировал это Чизолм, метафизический смысл концепции Brentano «заключается в том, что интенциональные феномены имеют некоторые *логические*, или *структурные*, особенности, которые не присущи тому, что не относится к области психологического»³. Этот новаторский подход фактически предопределил философское развитие его ученика Эдмунда Гуссерля, который считал, что существенные свойства интенциональности не зависят от существования или несуществования предмета, на который направлен интенциональный акт. Для прояснения этой позиции Гуссерль вводит два понятия: *ноэма* и *эпохе* (т. е. вывод за скобки – синоним феноменологической редукции). С помощью

ноэмы Гуссерль получает доступ к внутренней структуре актов сознания. Феноменологическая редукция призвана помочь добраться до их сущности, оставив в стороне все наивные представления о различии между реальными и фиктивными сущностями⁴.

В приведённой выше цитате Brentano намечает программу исследований, включающую три тезиса:

1. Ментальные состояния – любовь, желание, полагание, надежда и др. – представляют собой интенциональные феномены, чья интенциональность состоит в направленности на внешние предметы.

2. Предмет, на который направлено сознание, обладает качеством, которое Brentano называет интенциональным несуществованием.

3. Интенциональность является сущностным признаком ментального: все и только ментальные состояния обнаруживают интенциональность.

Третий тезис Brentano породил серьёзные логико-философские дискуссии относительно интенциональных объектов: есть ли такие вещи, которые не существуют? Большая часть философов аналитической традиции склонна отвечать на этот вопрос отрицательно, но есть меньшинство, признающее реальность интенциональных объектов.

В номиналистической картине мира элементы реального неинтенционального отношения должны существовать как конкретные вещи в пространстве и времени. Если Клеопатра целует Цезаря, то они оба должны быть реальными сущностями, чтобы это отношение могло иметь место. Но если Клеопатра любит Цезаря, это требование перестаёт быть обязательным. Ведь вместо Цезаря можно любить Гарри Поттера или любую другую фиктивную сущность без вреда для этого интенционального отношения. Brentano даже предлагал считать по этой причине интенциональное состояние квазиреляционным.

Наиболее распространённым среди философов убеждением является уверенность в том, что, во-первых, интенциональные отношения должны быть поняты путём их сравнения с неинтенциональными отношениями; а во-вторых, интенциональные отношения, направленные на фиктивные сущности, должны быть поняты на фоне интенциональных же отношений, но направленных на реальные сущности в пространстве и времени.

Так, предложения:

1) «Аристотель был учителем Александра Македонского» и

2) «Стагирит был учителем Александра Македонского»

взаимозависимы в своих истинностных значениях на основании тождества значений терминов «Аристотель» и «Стагирит». То есть если истинно (1), то истинно и (2), и наоборот. Однако если мы введём интенциональное отношение:

3) «Пётр знает, что Аристотель был учителем Александра Македонского» и

4) «Пётр знает, что Стагирит был учителем Александра Македонского»,

то эта взаимозависимость не сохранится, поскольку Пётр может не знать, что Аристотеля также называли Стагиритом. Более того, возникает ещё одна логическая аномалия: суждение тождества, например:

5) «Аристотель и есть Стагирит»,

аналитическое по своей сути, может быть одновременно истинным и информативным, т. е. вести себя как синтетическое.

Фреге⁵ предложил решение обеих проблем, которое оказало определяющее влияние на последующее развитие всего комплекса дисциплин, имеющих дело с сознанием и языком. Это решение основано на его знаменитом различии значения (Bedeutung) и смысла (Sinn). Смысл представляет собой способ презентации значения, и если для имени определяющим является его значение, то предложения, содержащие единичные термины, идентифицируются именно своим смыслом. Следовательно, в терминах Фреге, высказывания (3) и (4) после союза «что» содержат разные предложения.

Другая проблема интенциональности связана с возможностью несуществования её объекта. Однако подобная проблема была идентифицирована и за пределами интенциональных отношений, а именно – в сфере истинных высказываний о несуществовании единичных объектов. Проблема связана с имплицитной логической интуицией, что любое высказывание о единичном объекте может иметь смысл и, следовательно, претендовать на истинность только если его объект реально существует. Тогда высказывание

б) «Пегас не существует»

или не может говорить о Пегасе, или не может быть истинным.

Рассел в своей знаменитой статье 1905 г. «О обозначении»⁶ пришёл к выводу, что на самом деле большинство имен собственных в естественных языках по своим логическим функциям являются не подлинными «логическими» собственными именами, но «замаскированными» или сокращенными определенными дескрипциями. Знаменитая расселовская формула, восстанавливающая подлинную логическую форму псевдо-единичных высказываний, содержащих псевдо-собственные имена:

$$7) \exists x [Fx \ \& \ \forall y (Fy \rightarrow y = x) \ \& \ Gx]$$

описывает любое такое высказывание, которое истинно тогда и только тогда, когда существует один и только один элемент, являющийся одновременно F и G. Это предложение будет ложным как в случае отсутствия такого элемента, так и в случае его существования в количестве более одного.

Таким образом, согласно Расселу, решение состоит в том, чтобы принять вторую часть дилеммы: речь в этом предложении идет не о Пегасе. Высказывание (6) истинно, т. к. не существует индивида, который являлся бы крылатым конём. Тем самым, Рассел показал, каким образом, в терминах Brentano, чтобы мысль была истинной, носитель интенционального отношения должен существовать, а его объект – не обязательно.

В философии сознания и языка 1960-х и 1970-х гг. имело место интересное отклонение от фрегеанско-расселовской парадигмы в объяснении интенциональности, которое получило название «теория прямой референции». Если Фреге считал, что в качестве семантики единичного высказывания выступает не конкретный его референт, но абстрактный смысл, а Рассел, в свою очередь, полагал, что высказывания, выглядящие как высказывания об индивидах, в большинстве своём являются квантифицированными пропозициями, то, например, Сол Крипке⁷ отметил важное различие в поведении собственного имени и определённой дескрипции с тем же значением, выражающей несущественное свойство референта, в модальных контекстах. Пример из недавнего прошлого:

8) «Барак Обама мог бы быть республиканцем».

9) «Президент США, избранный в 2012 году, мог бы быть республиканцем».

Говоря в терминах семантики возможных миров, (8) отсылает к возможным мирам, в которых Обама был бы членом Республиканской партии. Что касается (9), то здесь интерпретация может быть двоякой:

9a) то же, что и (8);

9b) эквивалентно высказыванию «Президентом США в 2012 году мог бы быть избран Джон Маккейн».

Понятно, что в (9a) и (9b) речь идёт о разных множествах возможных миров. На основании этого различия Крипке вводит понятие «жёсткого десигнатора» (ЖД) – термина, сохраняющего своё значение во всех возможных мирах. Таковым может быть подлинное имя собственное – например, «Барак Обама» – которое во всех возможных мирах обозначает одного и того же индивида, или определённая дескрипция, отсылающая к существенному свойству – например «корень квадратный из 81» – значение которой неизменно во всех возможных мирах. Различие двух последних, согласно Крипке⁸, состоит в том, что имя собственное является ЖД *de jure*, а определённая дескрипция – *de facto*⁹.

Теория прямой референции подчеркивает глубокое различие между интенциональностью единичных и общих пропозиций. Согласно этой теории, функция таких языковых средств, как собственные имена, индексикалы и местоимения, состоит в том, чтобы представлять индивида в предложении или в мысли. Как сказал Дэвид Каплан¹⁰, индивид попадает в «ловушку» единичного предложения. Теория прямой референции противостоит фрегеанско-расселовской тенденции к минимизации влияния индивидов – референтов высказываний на индивидуализацию единичных пропозиций.

Однако спор между теорией прямой референции и концепциями, восходящими к Фреге и Расселу основан на точке зрения, которую можно было бы назвать ортодоксальной: согласно этой точке зрения, мы можем говорить только о существующих объектах, т. е. об онтологических индивидах в пространстве и времени. Однако в исходной концепции Brentano заложена возможность альтернативной парадигмы, в соответствии с которой в качестве интенциональных могут выступать несуществующие или абстрактные объекты.

Теория интенциональных объектов прямо связана со вторым тезисом Brentano, говорящем об их «интенциональном несуществовании». Рассмотрим схему вывода, основанную на правиле эк-

зистенциального обобщения для неинтенциональных отношений, интенциональных отношений к существующим объектам и интенциональных отношений к несуществующим объектам:

- 10a) «Клеопатра поцеловала Цезаря».
- 10b) «Клеопатра поцеловала нечто».
- 11a) «Клеопатра любила Цезаря».
- 11b) «Клеопатра любила нечто».
- 12a) «Древние греки поклонялись Зевсу».
- 12b) «Древние греки поклонялись чему-то».

Во всех этих парах высказывание с индексом 'b' следует из высказывания с индексом 'a' по правилу экзистенциального обобщения. Проблематичной оказывается пара (12), поскольку экзистенциальный квантор, полученный в результате вывода, принято читать «существуют такие x, что...».

12c) « $\exists x$ (Древние греки поклонялись x)»

Но то, чему поклонялись древние греки (Зевс), по общему мнению, не существует.

Мейнонг, ученик Brentano, в 1904 г. высказал мнение¹¹, что такие объекты, как Зевс, обнаруживают свойства, которые им приписывают, но не обнаруживают свойства существования. Рассел¹² считал такую теорию интенциональных объектов онтологически неприемлемой, поскольку она принимает объекты, не согласующиеся с законами науки. Парсонс¹³, исследуя гипотезы Мейнонга и его ученика Эрнста Малли, предложил теорию несуществующих объектов, которые основана на предположении, что существование представляет собой особый вид свойств. Эта теория использует квантор « \exists », который не предполагает существования. Чтобы выразить существование, в теории используется предикат «E!». Таким образом, утверждение, что есть несуществующие объекты, может быть представлено в теории Парсонса без противоречия, с помощью логической формулы

13) $\exists x (\neg E! x)$

Кроме того, Парсонс различает «ядерные» (nuclear) и «внеядерные» (extranuclear) свойства. К первым относятся обычные неинтенциональные свойства, и только они способствуют индивидуализации объектов. К внеядерным свойствам относятся интенциональные, модальные свойства и свойство существования.

Вооружившись этим различием, Парсонсу удалось избежать возражений Рассела против наивной теории интенциональных объектов, предложенной Мейнонгом.

Несколько иной вариант такой теории предложил ученик Мейнонга Эрнст Малли¹⁴: вымышленные и мифические объекты, а также такие объекты, как круглый квадрат, не демонстрируют свойства, приписываемые им, но «детерминируются» ими. Нет никакого противоречия в том, что некий объект детерминирован свойствами «быть конём» и «быть крылатым», но при этом ни один из существующих индивидов не проявляет этих свойств.

Неомаллианец Залта для разработки теории абстрактных объектов¹⁵ использует два вида предикации – *экземплификация* (что соответствует «проявлению» свойств) и *кодирование* (что соответствует понятию детерминации у Малли). На самом деле, согласно Залта, абстрактные объекты вполне могут существовать. Тем не менее можно сказать, что некоторые абстрактные объекты (например, Шерлок Холмс и Зевс), «не существуют» в том смысле, что ни один индивид не экземплифицирует свойства, которые они кодируют.

Теории, предложенные Парсонсом и Залтой, имеют целью дать ответы на серьёзные онтологические вопросы, поставленные Куайном в известной работе «О том, что есть»¹⁶. Тем не менее по сей день многие современные философы не спешат солидаризироваться с этими теориями, оставаясь в рамках ортодоксальной парадигмы, поскольку их, по видимости, трудно примирить с онтологией современного естествознания, согласно которой в мире существуют только конкретные объекты в пространстве и времени.

Но в рамках ортодоксальной парадигмы имела место и другая попытка подойти к решению головоломок интенционального небытия, которая состояла в том, чтобы попытаться прояснить онтологические трудности на более высоком, семантическом уровне, или, по словам Куайна¹⁷, «вынести обсуждение в область, где обеим сторонам легче договориться об объектах (то есть, о словах)». Семантическое восхождение позволяет подняться от разговоров о вещах к разговорам о разговорах о вещах, т. е. к словам. В современной аналитической философии Родерик Чизолм первым приступил к формулированию «рабочего критерия, с помощью которого мы можем отделить предложения, которые являются интенциональными, или употребляются интенционально в определенном языке,

от предложениями, которые таковыми не являются»¹⁸. Идея заключается в том, чтобы изучать предложения, которые сообщают об интенциональности, а не саму интенциональность. Так возникает идея связи интенциональности с интенсиональностью.

В логической семантике интенсиональность противоположна экстенсиональности. Для последней характерны две особенности. Во-первых, если языковой контекст экстенсионален, два кореферентных термина можно заменить один на другой с сохранением истинностного значения:

14) «Утренняя звезда (Morgenstern) сияет».

15) «Вечерняя звезда (Abendstern) сияет».

Если (14) истинно, то истинно и (15) на основании

16) Morgenstern \equiv Abendstern \equiv Венера.

Во-вторых, закон экзистенциального обобщения применяется или к (14), или к (15), чтобы получить

В интенсиональных контекстах всё не так:

17) « $\exists x (x \text{ светит})$ ».

18) «Пётр считает, что утренняя звезда (Morgenstern) сияет».

19) «Пётр считает, что вечерняя звезда (Abendstern) сияет».

Истинность (18) не всегда влечет истинность (19). Вместе с тем, лишается общезначимости и правило экзистенциального обобщения, т. к., если Павел считает, что у ангелов есть крылья, из этого ещё не следует, что существуют такие вещи, относительно которых Павел считает, что у них есть крылья.

Чизолм выделил три критерия интенсиональности в её связи с интенциональностью:

1. Предложение сообщает об интенциональном феномене, если оно содержит особый термин, который предполагает отнесение к некоторому объекту, но это отнесение таково, что ни сам термин, ни его отрицание не означает, что предполагаемый референт этого особого термина существует или не существует. Первый критерий равнозначен признанию того, что если предложение, содержащее единичный термин, сообщает об интенциональном явлении, то оно не удовлетворяет закону экзистенциального обобщения (из *Fa* невозможно вывести).

$\exists x Fx$

2. Истинное предложение сообщает об интенциональном феномене, если оно содержит единичный термин «а», и если замена «а» на кореференциальный термин «b» приводит к изменению истинностного значения предложения. То есть, иными словами, для такого предложения не выполняется правило взаимозаменяемости тождественных терминов.

3. Наконец, если сложное предложение, содержащее придаточное «что»-предложение, сообщает об интенциональном феномене, то ни оно само, ни его отрицание не влечет истинность придаточного «что»-предложения.

Чизолм утверждал, что описания интенциональных или психологических явлений не могут быть сведены к описанию поведения¹⁹. Интенциональность как свойство отчётов об интенциональных феноменах была призвана показать, что описания и объяснения интенциональных явлений не могут быть сведены к описаниям неинтенциональных явлений. По выражению Куайна, «нельзя вырваться из интенционального словаря, объясняя его слова в других терминах»²⁰. Чизолм пришёл к этому заключению, чтобы показать правильность второго тезиса Brentano: интенциональность является существенным признаком ментального. Ради этого он *de facto* отождествил интенциональность с интенциональностью.

Вслед за Чизолмом и Куайном лингвистический подход к интенциональности был принят, например, Деннетом²¹.

Однако против такого отождествления можно выдвинуть, по крайней мере, два возражения. Во-первых, знание как очевидно интенциональный феномен, в отличие от полагания, не удовлетворяет третьему критерию Чизолма: из истинности любого предложения формы «А знает, что *p*» следует истинность *p*. А, во-вторых, если мы и видение рассмотрим с точки зрения интенциональности, то выяснится, что оно не удовлетворяет ни одному из трёх критериев. Так, высказывание

20) «Мой дед видел, что Сталин курил трубку»

не удовлетворяет первому критерию, поскольку из его истинности следует, что Сталин существовал. Оно не удовлетворяет второму критерию, поскольку из его истинности следует, в том числе

21) «Мой дед видел, что Коба курил трубку»,

вне зависимости от того, был ли мой дед в курсе партийных кличек вождя. Наконец, оно не удовлетворяет третьему критерию, поскольку из (20), как и из (21), следует

22) «Сталин курил трубку».

Таким образом, если видение – интенциональный феномен, то не все интенциональные феномены с необходимостью порождают интенциональные контексты. С другой стороны, можно указать на интенциональные контексты, порождаемые высказываниями, не содержащими отчётов об интенциональных феноменах, – например, модальными высказываниями, высказываниями, выражающими естественные законы и т. п. Иначе говоря, области интенциональности и интенциональности не совпадают, и, следовательно, логико-семантические техники анализа интенциональных контекстов не могут существенно помочь в лингвофилософском исследовании интенциональности.

В той же работе, где Куайн солидаризируется с тезисом Чизолма о неустранимости интенционального словаря, он формулирует дилемму, важную для современной философии сознания, которой предстоит или принять «неустранимость интенциональных идиом и важность особой науки об интенции» и отказаться от физикалистской онтологии, или принять физикализм и отречься от «необоснованных» интенциональных идиом и «пустой» науки об интенции²².

Наряду со скепсисом в адрес возможного отождествления интенциональности с интенциональностью, можно подвергнуть сомнению и тезис Brentano, что только ментальные явления обладают интенциональностью, заметив, например, что свойство интенционального несуществования обнаруживают предложения естественных языков. Они имеют значение и, следовательно, как и ментальные состояния, они направлены на объекты, отличные от себя самих, некоторые из которых могут не существовать в пространстве и времени. Однако предложения естественных языков не являются ментальными феноменами.

Один из популярных ответов на это возражение состоит в том, чтобы приписать предложениям вторичный, зависимый или деградированный интенциональный статус²³. С этой точки зрения, предложения естественного языка сами по себе не имеют значения, если оно не присвоено им людьми, которые используют их, чтобы выражать свои мысли и передавать их другим. Высказывания заимствуют свою «производную» интенциональность у «исходной» (или «примитивной») интенциональности человеческого

сознания, которые люди используют в своих целях. Если принять концепцию Фодора²⁴, предполагающую существование «языка мысли», который состоит из ментальных символов с синтаксическими и семантическими свойствами, то, возможно, семантические свойства этих символов и являются основными носителями «исходной» интенциональности.

Вопрос о том, могут ли какие-либо не-ментальные феномены демонстрировать исходную интенциональность (интенциональность первого порядка), возвращает нас к дилемме Куайна: если верен второй тезис Brentano, то нужно выбирать между ним и физикалистской онтологией. Так называемые «элиминативные материалисты»²⁵ решительно выбирают вторую часть дилеммы Куайна и отрицают реальность человеческих убеждений и желаний. Но, как следствие, они сталкиваются с проблемой существования человеческих артефактов как физических объектов, чьё существование зависит от воли и желания их создателей. Такие философы, как Деннет²⁶, которые отрицают различия между оригинальными и производными интенциональностями, придерживаются «инструменталистской» позиции. По их мнению, интенциональный язык не в состоянии описать или объяснить никакое реальное явление. Тем не менее в отсутствие детальных знаний о физических законах, которые регулируют поведение физических систем, интенциональный язык выполняет полезную функцию прогнозирования поведения систем. Среди философов, придерживающихся физикалистской онтологии, лишь немногие приняли прямолинейное отрицание реальности убеждений и желаний в духе элиминативного материализма. Но и немногие из них с лёгкостью могли бы ответить на недоуменный вопрос, вызванный инструменталистской позицией: как с помощью интенциональных идиом можно делать полезные предсказания, если они не описывают и не объясняют ничего реального?

Значительное число философов-физикалистов склоняются к примирению существования интенциональности с физикалистской онтологией. Задача состоит в том, чтобы показать, по словам Деннета, что нет «непреодолимой пропасти между ментальным и физическим»²⁷, и что можно придерживаться физикализма и интенционального реализма одновременно. Для любого состояния обладать интенциональностью значит обладать

семантическими свойствами. Следовательно, задача состоит в том, чтобы показать, как чисто физическая система может обнаруживать интенциональные состояния²⁸. Вопрос для физикалиста стоит так: любой ли не-ментальный феномен обнаруживает интенциональность?

В последние двадцать лет в аналитической философии было намечено несколько путей решения этой проблемы, которые получили общее название «натурализация интенциональности», с целью показать, что Brentano был неправ, утверждая, что только ментальные феномены могут обнаруживать интенциональность. Одна из стратегий этого направления была предложена Дретске²⁹ и состояла в теоретико-информационном предположении, что любое физическое устройство, которое несет информацию, на самом деле обладает определенной степенью интенциональности. По сути, это расширение концепции «естественного значения» Грайса (1957)³⁰: если «огонь» означает огонь лингвистически, то дым означает огонь естественным образом. Отпечатки пальцев несут в себе информацию о личности человека. Высота столбика ртути в термометре несет информацию о температуре. Положение иглы в гальванометре несет в себе информацию о движении электрического тока. Компас несет в себе информацию о местонахождении Северного полюса. Во всех этих случаях свойство физического устройства номологически коррелирует с некоторым физическим свойством среды обитания.

Поскольку то, что белые медведи живут на Северном полюсе, не является законом, компас не несёт информацию об их месте жительства, несмотря на то, что он несёт информацию о Северном полюсе. Если это так, то отчеты об указаниях компаса соответствуют одному из критериев интенциональности Чизолма, а именно кореферентные термины в таких отчетах не являются взаимозаменяемыми с сохранением истинности. С другой стороны, если существует закон, согласно которому изменения температуры коррелируют с изменениями атмосферного давления, то, показывая температуру, высота столбика ртути в термометре будет также указывать на атмосферное давление. Следовательно, интенциональность, порождаемая отчётами об информации от физических приборов, очевидно «слабее», чем

интенциональность, порождаемая отчётами об интенциональных состояниях, поскольку первая не порождается в случаях закономерной связи явлений.

Вторым заметным предложением по решению неурегулированных проблем теоретико-информационной парадигмы был телеосемантический подход Рут Милликен³¹. Основная идея Милликен состоит в том, что открытое Brentano отношение интенционального несуществования обнаруживается в биологических функциях. Любая биологическая цель или предназначение могут оказаться недостижимыми. Например, если функция сердца млекопитающего состоит в том, чтобы качать кровь, то оно может с этим и не справиться. Конечно, биологические функции не обнаруживают интенциональности в смысле Brentano – они не демонстрируют свойства «быть о чём-либо». Милликен, однако, утверждает не то, что выполнение функции достаточно для интенциональности, но то, что оно необходимо. Возможно, физическое устройство не может быть «о чём-то» или представлять что-либо, пока не существует возможности, что оно может представить свой объект в искажённом свете. Можно сказать, что для устройства представить что-либо в ложном свете значит просто работать неправильно. Но если бы у него не было никаких функций, оно бы и не могло ошибаться при их выполнении. Если это так, то ничто не может быть репрезентативной системой, т. е. иметь содержание или обнаруживать интенциональность, если оно не обладает тем, что Милликен называет «надлежащей» функцией. В соответствии с её телеосемантической теорией, «проект», создаваемый естественным отбором, является основным источником функции, которая, в свою очередь, является источником содержания или интенциональности.

Парадигматическим для этой теории интенциональности является неинтенциональный процесс естественного отбора, открытый Дарвиным. В ходе эволюции не существует интенционального объекта, который отвечал бы за отбор. Таким образом, эта теория стремится убить двух зайцев одним выстрелом. С одной стороны, она выводит интенциональность сознания из интенциональности биологических феноменов. С другой стороны, она показывает, что нормативность ментальных состояний отчасти проявляется уже на уровне биологических функций. Однако такая позиция вызывает

оживлённые дискуссии в современной философии сознания. Такие философы, как Дэвидсон³², Крипке³³, Макдауэлл³⁴ и Патнем³⁵ представили серьезные основания для скептицизма.

«Пропозициональные установки» – восприятия, убеждения, желания, намерения – обладают интенциональностью определённого рода: они должны демонстрировать как бы обоюдостороннее соответствие сознания и мира. Чтобы прояснить эту двойственность, Элизабет Энском³⁶ предлагает рассмотреть пример со «списком покупок». Для покупателя это просто набор инструкций, который не должен быть пересмотрен в свете того, что на самом деле лежит у него в корзине. Для детектива, целью которого является определение того, что этот покупатель обычно покупает, ситуация иная. Если имеет место несоответствие между содержанием продуктовой корзины и списком, то виной тому покупатель, а не список. В этом случае детектив должен исправить свой список.

Опираясь на рассуждение Энском, Сёрл утверждает³⁷, что существуют два противоположных направления соответствия: для речевого акта это направление «от-слова-к-миру», для убеждений и восприятий это «от-сознания-к-миру». Функция утверждения – констатировать факт или фактическое состояние дел. Кроме того, функция убеждения и восприятия – соответствовать факту. В отличие от утверждений, приказы демонстрируют направление соответствия «от-мира-к-слову». В отличие от убеждений и представлений, направление соответствия для желаний и намерений – «от-мира-к-сознанию». И здесь самое время задаться вопросом: насколько прав Brentano и вся феноменологическая традиция в том, что все ментальные состояния обнаруживают интенциональность, если отношение между субъектом и объектом может быть разнонаправленным, а у некоторых феноменов (например, боль, эмоции) оно вообще не очевидно? Да и вообще, зачем нужно выделять некий общий критерий ментального?

Хомски³⁸ утверждал, что искать критерий «сознания» или «ментального» так же странно, как искать всеобщий критерий «химического», «оптического» или «электрического». Тот факт, что слово «ментальный» мы употребляем по отношению к таким разным феноменам, как боль и убеждение, что 5 является

простым числом, может оказаться просто случайным лингвистическим обстоятельством, поскольку, как выразился Ричард Рорти, «они, кажется, не имеют ничего общего, кроме нашего нежелания называть их физическими»³⁹. Он делает вывод, что слово «ментальный» является лишь частью академической языковой игры, не имеющей научной объяснительной силы. Немногие современные философы сознания принимают ирреалистический подход Рорти к сознанию, но большинство из них признают, что если сознание существует в действительности, то возникают две проблемы: проблема интенциональности и проблема сознательного феноменального опыта, и решение первой не влечёт решения второй.

Проблему феноменального опыта часто называют «проблемой *qualia*», поскольку сила субъективных визуальных, аудиальных, болевых и других переживаний обладает интроспективной очевидностью. Задача философии сознания в данном случае – объяснить, по известному выражению Томаса Нагеля, «на что похоже» быть неким существом с феноменальным опытом. Что такое феноменальный характер, феноменология, различные формы человеческого опыта? Мало кто из философов – не важно, физикалистов или нет – склонен считать, что, подобно интенциональности, не-ментальные сущности могут обнаруживать феноменальный опыт. Не многие станут отрицать, что, несмотря на то, что боль, зрительные ощущения, обонятельные ощущения, слуховые ощущения являют собой очень разный опыт, тем не менее все они обладают общим свойством, называемым «феноменальным сознанием». С общенаучной и сугубо физикалистской точек зрения, вопрос состоит в том, может ли феноменальное сознание быть объяснено в физических терминах, как результат процессов, происходящих в мозге.

Нед Блок⁴⁰ ввёл известное различие между «сознанием доступа» (или Д-сознанием) и феноменальным сознанием (или Ф-сознанием). Состояние относится к Д-сознанию, если оно доступно для свободного использования в процессах мышления и для прямого рационального контроля действий и речи (т. е. доступно для нескольких когнитивных механизмов). В недавней работе Блок⁴¹ утверждал, что многие результаты когнитивных научных исследований зрительной системы подтверждают это его разли-

чие. Но, если проблема феноменального опыта должна быть ясно отделена от проблемы интенциональности, ключевой вопрос состоит в том, чтобы объяснить, как ментальное состояние может быть Ф-сознательным.

Однако очевидно, что для интересующей нас проблемы выбора Д-сознание является единственно релевантным. И при всех различиях интенционализма и анти-интенционализма, экстернализма и интернализма⁴² мы согласимся с тем, что в ситуации выбора агент задействует те ресурсы сознания, которые доступны его когнитивным механизмам.

Итак, проблему выбора мы могли бы представить как случай применения интенционального языка к сложному миру человеческих (или человекоподобных) действий – применения с целью экономии языковых средств, облегчения коммуникации и компенсации недостатка знаний о «подлинных» причинах и механизмах, определяющих поведение. Очевидно, что применимость этого языка в данном случае не зависит от интроспективной «достоверности» опыта совершения выбора на феноменальном уровне: моя субъективная уверенность в том, что, выбирая, я принимаю осознанное и свободное решение, не имеет доказательной силы. Если верен принцип «ничто не есть без причины», то детерминизм является надёжной картиной мира, а, например, вероятностно-статистические описания – лишь единственно возможный математический аппарат в условиях недостатка знания. Божественный разум не нуждался бы в теории вероятностей. В социологии статистические описания оставляют лазейку для метафизической веры в наделённых свободой воли людей. Примерно то же происходит с концепциями интенциональности: основа их существования и функционирования – или недостаток наших знаний о подлинных причинах событий, или связанный с ними удобный способ «экономии языка»: язык интенциональных предикатов лаконичнее описывает и объясняет поведение агентов, чем условный язык физики.

Но, с другой стороны, легко показать (правда, за пределами данной статьи), что вера во всеобщую причинную обусловленность, в свою очередь, также является одним из языков описания, основанным на определённых онтологических презумпциях и имеющим целью облегчение понимания при коммуникации. Поэтому

теория интенциональности ни в коей мере не является средством избавления от третьей антиномии Канта. И, чтобы снова и снова не попадать в метафизические ловушки, полезно было бы выйти за пределы антитезы свободы-детерминизма и сконцентрироваться на проблеме сложности.

Согласно Прайд и Медведеву⁴³, разница между живым/неживым, разумным/неразумным – не логическая, а скорее математическая, т. е. в степени сложности. Я предполагаю, что то же можно сказать о разнице между «свободным» (выбирающим, интенциональным) и «несвободным» (детерминированным): человеческое поведение является сложным воплощением того же, простым воплощением чего является поведение простых детерминированных физических систем (в примерах Деннета это макромолекулы, нейроны, лейкоциты и др.).

Сложность объекта, по Чейтину⁴⁴, исчисляется как размер компьютерной программы, необходимой для его (вос)создания. Следовательно, компьютерная реконструкция ситуации выбора должна включать программное конструирование субъекта выбора со всем его культурным, нервно-психическим и биологическим содержанием (поскольку мы не знаем, какие факторы могут повлиять), а также окружающих обстоятельств, предыстории и т. п. Очевидно, что размер такой программы стремился бы к бесконечности. Если мы ограничимся относительно несложной моделью ситуации выбора, в которой будут представлены только «наиболее существенные» её компоненты, то мы попадаем в зависимость от предпочтений теоретика, который будет отбирать компоненты для модели. И, конечно же, результат такого моделирования будет иметь вероятностный характер.

Очень уместно было бы в этом пункте вернуться к мысли Деннета: в зависимости от сложности предметной области мы выбираем более или менее сложный язык её описания. Иногда мы жертвуем сложностью ради возможности эффективного общения, принимая риски, связанные с возможной неточностью нашего альтернативного описания. Но, если наш «код» – или (согласно другой метафоре⁴⁵) «программа-архиватор» – выбран удачно, то в рамках данного упрощённого языка мы сохраняем возможности предсказания. К таким упрощённым языкам, опи-

сывающим крайне сложные предметные области, по всей видимости, относится и язык интенциональных предикатов, включающий дискурс «выбора».

Примечания

- 1 *Деннет Д.* Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004. С. 33–34.
- 2 *Brentano F. Psychology from an Empirical Standpoint.* L., 1874/1911/1973. P. 88–89.
- 3 *Чизолм Р.М.* Формальная структура интенциональности: Метафиз. исслед. // Логос. 2002. № 2(33). С. 40–46.
- 4 См.: *Husserl E. Logical Investigations / Transl. by J.N.Findlay.* L., 1900/1970; *Husserl E. Ideen zu einer Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie.* Halle, 1913.
- 5 *Фреге Г.* О смысле и значении // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 220–246.
- 6 *Russel B.* On denoting // *Russell B. Logic and Knowledge. Essays 1901–1950.* N.Y., 1956.
- 7 *Kripke S.* Naming and Necessity. Oxford, 1972/1980.
- 8 Ibid.
- 9 См. по этому поводу также: Именованье, необходимость и современная философия / Отв. ред. В.В.Горбатов. СПб., 2011; *Кравец А.С.* Жесткий десигнатор // Вестн. ВГУ. Сер. 1: Гуманитарн. науки. 2001. № 2; *Куслий П.С.* Референция единичных терминов // Вестн. Томск. Гос. ун-та. 2009. № 4(8): Философия. Социология. Политология.
- 10 *Kaplan D.* Dthat // *French P., Uehling T., Wettstein H.* (eds.). Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language. Minneapolis, 1979. P. 387.
- 11 *Meinong A.* Über Gegenstandstheorie / Transl. “The Theory of Objects” // *Chisholm R.* (ed.). Realism and the Background of Phenomenology. Glencoe, 1960.
- 12 *Russel B.* Op. cit.
- 13 *Parsons T.* Nonexistent Objects. New Haven, 1980.
- 14 *Mally E.* Gegenstandstheoretische Grundlagen der Logik und Logistik. Leipzig, 1912.
- 15 *Zalta E.N.* Intensional Logic and the Metaphysics of Intentionality. Cambridge (Mas.), 1988.
- 16 *Quine W.V.O.* On What There Is // *Quine W.V.O.* From a Logical Point of View. Cambridge (Mas.), 1953.
- 17 *Quine W.V.O.* Word and Object. Cambridge (Mas.), 1960.
- 18 *Chisholm R.M.* Perceiving: a Philosophical Study. Ch.11 // *Rosenthal D.* (ed.). The Nature of Mind. Oxford, 1990. P. 298.
- 19 Ibid.
- 20 *Quine W.V.O.* Word and Object. P. 220.
- 21 *Dennett D.C.* Content and Consciousness. L., 1969.
- 22 *Quine W.V.O.* Word and Object. P. 221.

- 23 CM.: *Haugeland J.* Semantic Engines: an Introduction to Mind Design // *Haugeland J.* (ed.). *Mind Design, Philosophy, Psychology, Artificial Intelligence*. Cambridge (Mas.), 1981; *Searle J.* Minds, brains and programs // *The Behavioral and Brain Sciences*. 3(3). 1980. P. 417–424; *Searle J.* *Intentionality*, Cambridge, 1983; *Searle J.* *The Rediscovery of the Mind*. Cambridge (Mas.), 1992; *Fodor J.A.* *Psychosemantics*. Cambridge (Mas.), 1987.
- 24 CM.: *Fodor J.A.* *The Language of Thought*. N.Y., 1975; *Fodor J.A.* *Psychosemantics*. Cambridge (Mas.), 1987; *Fodor J.A.* *The Elm and the Expert*. Cambridge (Mas.), 1994; *Fodor J.A.* *Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong*. N.Y., 1998; *Fodor J.A.* *LOT2: The Language of Thought Revisited*. Oxford, 2008.
- 25 *Churchland P.M.* *A Neurocomputational Perspective, The Nature of Mind and the Structure of Science*. Cambridge (Mas.), 1989.
- 26 CM.: *Dennett D.C.* *Brainstorms, Philosophical Essays on Mind and Psychology*. Montgomery (Vt.), 1978; *Dennett D.C.* *The Intentional Stance*. Cambridge (Mas.), 1987.
- 27 *Dennett D.C.* *Content and Consciousness*. L., 1969. P. 21.
- 28 CM.: *Fodor J.A.* *Psychosemantics*. Cambridge (Mas.), 1987; *Dretske F.* *Knowledge and the Flow of Information*. Cambridge (Mas.), 1981.
- 29 CM.: *Dretske F.* *The intentionality of cognitive states* // *Rosenthal D.* (ed.). *The Nature of Mind*. Oxford, 1990; *Dretske F.* *Knowledge and the Flow of Information*. Cambridge (Mas.), 1981; *Dretske F.* *Naturalizing the Mind*. Cambridge (Mas.), 1995.
- 30 *Grice P.* *Meaning* // *Grice P.* *Studies in the Way of Words*. Cambridge (Mas.), 1989.
- 31 CM.: *Millikan R.G.* *Language, Thought and Other Biological Objects*. Cambridge (Mas.), 1984; *Millikan R.G.* *White Queen Psychology and Other Essays*. Cambridge (Mas.), 1993; *Millikan R.G.* *On Clear and Confused Ideas*, Cambridge, 2000; *Millikan R.G.* *Varieties of Meaning: the 2002 Jean-Nicod Lectures*. Cambridge (Mas.), 2004.
- 32 *Davidson D.* *Essays on Events and Actions*. Oxford, 1980.
- 33 *Kripke S.* *Wittgenstein on Rules and Private Language*. Oxford, 1982.
- 34 *McDowell J.* *Mind and World*. Cambridge (Mas.), 1994.
- 35 *Putnam H.* *Representation and Reality*. Cambridge (Mas.), 1988; *Putnam H.* *Renewing Philosophy*. Cambridge (Mas.), 1994.
- 36 *Anscombe G.E.M.* *Intention*. Oxford, 1957. P. 56.
- 37 *Searle J.* *Intentionality*. Cambridge, 1983.
- 38 *Chomsky N.* *New Horizons in the Study of Language and Mind*. Cambridge, 2000. P. 75, 106.
- 39 *Rorty R.* *Philosophy and the Mirror of Nature*. Oxford, 1979. P. 22.
- 40 *Block N.* *On a confusion about a function of consciousness* // *Block N., Flanagan O., Güzelidere G.* (eds.). *The Nature of Consciousness*. Cambridge (Mas.), 1995.
- 41 *Block N.* *Consciousness, accessibility, and the mesh between psychology and neuroscience* // *Behavioral and Brain Sciences*. 30. (2007). P. 481–538.

- ⁴² Подробный обзор точек зрения см. в: *Jacob P. Intentionality* // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2010 Ed.) // *Edward N. Zalta* (ed.) (URL = <http://plato.stanford.edu/archives/fall2010/entries/intentionality/>) (дата обращения 12.03.2013).
- ⁴³ *Прайд В., Медведев Д.А.* Феномен NBIC-конвергенции: Реальность и ожидания // *Филос. науки.* 2008. № 1. С. 97–117.
- ⁴⁴ *Chaitin G. J.* *Metaphysics, metamathematics and metabiology* // *Zenil H.* *Randomness Through Computation.* World Scientific, 2011; *Chaitin G.J.* *Thinking about Gödel and Turing. Essays on Complexity.* 1970–2007. P. 17–31 и мн. др.
- ⁴⁵ *Шалак В.И.* Теорема Чейтина: Докл. на методол. семинаре сектора логики ИФРАН 04.10.2012.

Случайность или причинность? (на примере физики и музыки)

Эта работа лежит в русле обсуждения фундаментальной философской проблемы отношения научного знания к действительности. Конкретнее: внимание будет сосредоточено на описании соотношения случайности и предсказуемости в науке и музыке, как «ненаучной» сфере человеческой деятельности, при этом нас будет интересовать исторический аспект проблемы. Начнем с физики.

С определенными допущениями можно считать, что точные науки в их современном понимании начали развиваться в конце XVII в., когда И.Ньютон и Г.Лейбниц независимо друг от друга разработали основы математического анализа (дифференциальное и интегральное исчисление), без которого само понятие *точные науки* не могло появиться. Именно на этой базе Ньютон смог разработать основные понятия и аксиоматику классической механики, изложенные им в фундаментальном труде «Математические начала натуральной философии» («Начала», 1687). К середине же XVIII в. здание классической механики было уже практически выстроено, как и соответствующая ему классическая картина мира.

В его основе лежал т. н. принцип механического детерминизма, гласивший, что координаты и скорости всех частиц мира в данный момент времени определяют все их прошлое и будущее. Этот принцип позднее был сформулирован П.-С.Лапласом в работе «Опыты философии теории вероятностей» (1814), где он писал: «Ум, которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение

всех ее составных частей, если бы вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел Вселенной наравне с движениями мельчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверным, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором»¹. В соответствии с законами небесной механики, которая к тому времени уже безупречно описывала поведение небесных тел, мир представлялся совершенным часовым механизмом с однозначно предсказуемым последующим полуднем и однозначно известной прошедшей полночью. Возникновение мира в этой картине отсутствовало, равно как и его конец.

На эту тему история – а, может быть, и легенда – донесла до нас почти забавный эпизод. П.-С.Лаплас в свое время работал экзаменатором в Королевском корпусе артиллеристов, где ему в 1784 г. сдавал экзамен по математике (и сдал, похоже, блестяще) 15-летний Бонапарт, заслужив весьма теплое напутствие экзаменатора. Это на долгие годы стало основой их дружелюбных и доверительных взаимоотношений. К тому же Лаплас был благосклонен к начинающим талантам, а Наполеону были интересны и полезны крупные ученые. Как-то, когда будущий император был еще генералом Бонапартом, Лаплас в одной из бесед изложил ему основы небесной механики. Выслушав ученого, генерал заметил: «Вы написали такую огромную книгу о системе мира и ни разу не упомянули о его Творце!»². На что Лаплас ему ответил: «Сир, я не нуждался в этой гипотезе»². Реален этот эпизод или нет – не столь важно, важно, что он весьма характерен для той эпохи. Не забудем, что еще в 1637 г. Р.Декарт опубликовал свой знаменитый труд под названием «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках», где фактически был концептуализирован детерминизм.

Заметим, что здесь детерминизм мы рассматриваем не только как учение, отрицающее или, по крайней мере, не учитывающее самостоятельную значимость случайности (об этом пойдет ниже), но как необходимый признак рационального описания всего сущего. И в этом описании мир оказывался именно безупречно выполненным (хотя и не очень сложным) часовым механизмом, так же, как и разум представлялся совершенным арифмометром, который при правильном использовании не делает ошибок.

Достижения естественных и точных наук, казалось, безгранично властвовали умами ученых, деяниями политиков и поступками всех людей. Недаром Огюст Конт обоснованную им новую науку «социология» называл *социальной физикой*. Здесь нельзя не упомянуть и об активной просветительской деятельности ученых-естественников. Так, например, в 1799 г. известный физик и химик Генри Кавендиш основал в Лондоне «Королевский институт Великобритании», в задачи которого входила популяризация научных знаний. Именно здесь в 1826–60 гг. выдающийся физик Майкл Фарадей вел свои знаменитые курсы лекций по основам физики и химии для школьников, поскольку естественные науки в английской школе в то время не преподавались. (Кстати сказать, тогда существовало заметное противодействие введению их в школьные программы, но это, думается, – обычное проявление традиционного британского консерватизма.)

Вера в безграничные возможности человеческого разума, в прогресс наук, который может обеспечить условия для экономической и социальной устойчивости, подкреплялась к тому же успехами Промышленной революции, которая отчетливо обозначила связь науки с практикой и ее (науки) общественную полезность. Можно сказать, что общество, «уставшее» от власти теологии, от схоластики и метафизики, благосклонно воспринимало новые логические установки рационализма, которые не противоречили «естественному ходу вещей», обычному здравому смыслу и органично вплетались в ткань социальной жизни.

* * *

Все изложенные выше рассуждения, да и все повествование в целом, казалось бы, должно привести к утверждению о решающем влиянии научных идей на развитие общественного мышления или, иными словами, о первичности научных парадигм в жизни человечества. У автора на этот счет есть некоторые сомнения. Для их обоснования обратимся к физическим идеям, сформулированным в начале XX в.

Релятивистская и квантовая механика, как в свое время и классическая механика, стали не просто новыми теориями, объясняющими ранее непонятые физические явления. Они обозначили со-

бой качественно новый уровень миропонимания (подчеркнем – не создали, а обозначили). Потеря пространством и временем статуса абсолютности, установление эквивалентности массы и энергии и, наконец, пересмотр всемогущества механического детерминизма – все это означало ломку не только научного мышления. Уход из науки принципиальной *исчисляемости* всего и вся лишал, например, даже некоторых художников привычного комфорта абсолютности и детерминированности материального мира. Так, например, В.Кандинский писал: «Это открытие поразило меня так, как если бы был объявлен конец света. В мгновение ока незыблемые, казалось, научные постулаты рассыпались в прах передо мной. Все вещи стали как бы прозрачными, потеряв свою плотность и устойчивость»³. Кандинский писал о своей реакции на основные положения специальной теории относительности. Но не меньший шок могли вызвать у него и провозглашенные квантовой механикой новые вероятностные подходы к причинно-следственным соотношениям. Поясним сказанное.

В классической науке случайность либо связывалась с несовершенством измерительных приборов, либо рассматривалась как преждевременно попавший в поле зрения исследователя «осколок» еще неизученного явления (как некий «эскиз» *еще-нерационального* феномена⁴). Правда, статистические законы, разработанные Д.Максвеллом и Л.Больцманом для кинетической теории газов, прочно поселили в классической физике понятие вероятности случайной величины. Но случайность здесь была не более, чем аддитивное следствие очень большого количества закономерностей – такого большого, что учесть или рассчитать их практически невозможно. При этом, во-первых, закономерности эти были известны (познаваемы), а во-вторых, расчет их был практически нереален, но теоретически возможен.

Так, например, плотность любого газа при комнатных условиях составляет величину порядка десяти в девятнадцатой степени молекул в кубическом сантиметре, т. е. для расчета состояния газа в таком объеме необходимо решить именно столько уравнений отдельно для координат и отдельно для координатных проекций скоростей всех молекул, да еще с учетом всех столкновений между ними. Теоретически это было вполне обозримо, но практически – конечно, нереально. А реально было – исследовать с помощью ста-

тистических распределений Максвелла и Больцмана ансамблевое поведение молекул и соответствующие усредненные параметры (что и делалось в реальной науке). Так что вероятностный подход имел в физике XIX в. во многом методологическую направленность и не покушался на однозначную детерминированность причинно-следственных связей. На эту тему очень точно высказался А.П.Огурцов в своем труде «Философия науки: двадцатый век», рассуждая об исчислении вероятностей в Новое время: «Случайность уже не противопоставлялась причинному объяснению. <...> Неполнота знаний о случайных событиях – вывод из предположения о детерминированности случайности»⁵.

Но в науке XX в. у вероятности появился самостоятельный феноменологический смысл – она стала корреспондировать не со случайной величиной, описывающей поведение объекта, а с самим объектом. То есть если в классической физике вероятность – это мера предвидения исхода процесса, промежуточные характеристики которого (между его началом и завершением) практически нереально рассчитать, то в квантовой механике у исследуемого процесса может не быть никаких промежуточных характеристик, кроме самой этой вероятности. Вероятность здесь уже не только мера предвидения исхода процесса, но иногда и его единственный доступный нам «след» в природе. Еще раз процитируем работу А.П.Огурцова: «...основатели квантовой механики исходили из признания в самой природе первичных вероятностей, не сводимых к законам причинности»⁶. А от себя добавим: если в классике вероятность связана с переизбытком информации, то в квантовой физике – с ее недостатком, а иногда и с ее отсутствием.

Для иллюстрации приведем известный из атомной физики пример. Если атом в ходе какого-то процесса поглощает порцию какой-либо энергии, то спустя определенное время атом может излучить «обратно» эту энергию в виде кванта света – фотона. Можно указать интервал времени после возбуждения атома, на котором вероятность излучения фотона максимальна, но точно сказать, когда это произойдет, невозможно. И дело не в практической невозможности осуществления математических операций с громадным количеством физических параметров, как при работе с классическими случайными величинами, а просто в отсутствии

таких параметров. Другими словами, если в классической физике случайность, поддающаяся вероятностной оценке, это элемент контролируемого хаоса, то в квантовой механике случайность – элемент порядка, нам неподконтрольного.

Толкование такого «неподконтрольного» порядка дается самой квантовой концепцией: значение измеряемой (и измеримой) величины возникает только в процессе самого измерения. Этим и объясняется невозможность в точности предсказать, какое значение будет иметь физическая величина в интересующий нас момент времени; а priori мы можем говорить только о вероятности того, что какое-либо ее значение в ходе измерения вообще реализуется. Вне акта измерения понятие *численное значение физической величины* просто лишено смысла, оно актуализируется только в ходе самого акта. У природы есть ответ на наш вопрос только на языке самого вопроса и только тогда, когда мы его задали. Между нашими вопросами действительность «проговаривается» на языке, для нас пока недоступном (если, конечно, проговаривается)⁷. Образно говоря, конкретная мишень возникает только в момент выстрела; при этом неясно, в каком «виде» она существует между выстрелами, ясно только, что обнаруженный «вид» включается самим выстрелом.

Возвращаясь к примеру с возбужденным атомом, можно сказать, что между возбуждением атома и испусканием им фотона (а точнее, между актами наблюдения этих событий) с атомом *что-то* происходит. Но рассуждения об этом *что-то* без наблюдения (или измерения) имеют смысл только с точки зрения классической физики. Выдающийся физик-теоретик, один из создателей квантовой механики Вернер Гейзенберг по аналогичному поводу писал: «В квантовой теории такие рассуждения представляют собой неоправданное злоупотребление языком. В настоящее время мы можем оставить открытым вопрос о том, касается ли это предложение формы высказывания об атомных процессах или самих процессов, То есть касается ли это гносеологии или онтологии»⁸. И далее: «...понятие “событие” должно быть ограничено наблюдением. Этот вывод весьма существен, так как, по-видимому, он показывает, что наблюдение играет решающую роль в атомном событии и что *реальность различается в зависимости от того, наблюдаем мы ее или нет* (курсив мой. – И.А.)»⁹.

Человек, далекий от науки, из всего сказанного может уразуметь для себя, что квантовая механика ввела в научный обиход нечто иррациональное – «с атомом что-то происходит», «реальность зависит от факта нашего наблюдения за ней» и т. д. Конечно, это не так, научное мышление было и остается рациональным. Для начала отметим, что для квантовой (как и для релятивистской) механики классическая механика была не устаревшей наукой, а ее частным случаем при переходе к атомному/субатомному масштабу размеров (и, соответственно, к масштабу скоростей, близких к световым). И то, что может показаться иррациональным, – просто непривычно для классического мировоззрения, поскольку постижимым стало сравнительно недавно и, к тому же, пока для узкого круга специалистов.

Для пояснения приведем отрывок из уже цитируемой выше работы Н.С.Мудрагей: «Иррациональное имеет два смысла. В первом смысле иррациональное таково, что вполне может быть рационализировано <...>. Практически это есть объект познания, который поначалу предстает как искомое, неизвестное, непознанное. В процессе познания субъект превращает его в логически выраженное, всеобщее знание. Зачастую это иррациональное в нашей философской литературе называют нерациональным, но это в сущности неполный перевод на русский термина “иррациональный”, где “ир” заменено “не”. Правильнее, с моей точки зрения, подобное иррациональное обозначить как “еще-не-рациональное” (французский философ Анри де Любак (1896–1991) называет его инфрарациональным, недорациональным). Взаимозависимость рационального и иррационального как еще-нерационального достаточно ясна. Субъект познания стоит перед проблемой, которая поначалу скрыта от него под флером иррационального. Используя имеющиеся в его арсенале средства познания, он овладевает непознанным, превращая в познанное. Еще-не-рациональное становится рациональным, т. е. абстрактным, логически и понятийно выраженным, короче – познанным объектом»¹⁰.

* * *

Мы рассказывали о квантовой механике значительно более подробно, чем о классической, отнюдь не из-за разницы их значимости в истории науки, а исключительно потому, что классическая

механика существенно более доступна обыденному сознанию, чем квантовая. Значимость появления и той, и другой была одинаково важной в истории науки, для нее это были настоящие вехи. Но только ли для науки – может, новые физические идеи индуцировали появление аналогичных вех и в других сферах человеческой деятельности? А может, – наоборот? А может, вообще не было никакого взаимного индуцирования, а везде была некая «самоиндукция», вызванная общими закономерностями. Здесь полезным может оказаться сравнительное рассмотрение историй физики и музыки. Дело в том, что на протяжении последних четырех веков эти истории хронологически были удивительно изоморфны, благодаря синхронным преобразованиям на рубеже XVII–XVIII вв. и в начале–середине XX в. Начнем с Нового времени.

Вспомним, что в 1687 г. И.Ньютон издает свои «Начала», эпохальная значимость которых в научном мире хорошо известна. А через 35 лет, в 1722 г. (по историческим меркам – почти одновременно) И.-С.Бах завершил первый том своего «Хорошо темперированного клавира» (ХТК – так он называется в музыкальной литературе). Сравнить в «общеевропейском» масштабе эти два события трудно, но для последующего развития музыки ХТК сыграл такую же эпохальную роль, как для развития науки – ньютоновские «Начала». Дело в том, что ХТК был написан специально для наглядной демонстрации преимуществ нового строя музыкального звукоряда – равномерно темперированного строя. Но во времена Баха (да и более двух тысяч лет до него) существовали другие системы настройки, при которых одно и то же произведение, исполняемое в разных тональностях (например, в *до-мажоре* и в *ре-мажоре*), неизбежно звучало несколько по-разному. Это накладывало существенные ограничения на развитие музыкальной культуры, как таковой – ограничения которые были непреодолимы со времен Пифагора.

Коротко поясним, в чем была суть этих ограничений. Пифагору приписывается (и, похоже, вполне справедливо) создание натурального, 12-ступенного октавного звукоряда. Он же был автором и *музыкального строя* этого звукоряда, т. е. определенных числовых звуковысотных соотношений – а именно, соотношений длин музыкальных струн, соответствующих разным нотам, или, говоря современным языком, – звуковых частот ступеней звукоряда. Эти

соотношения были целочисленными, поскольку идеально соответствовали т. н. обертоновой структуре музыкальных звуков. Но при этом оказалось, что разные полутоновые интервалы (например, *си/до* и *до/до-диез*), а значит и разные тональности, звучали в таком строе по-разному.

Более двух тысяч лет музыканты и теоретики музыки пытались так модифицировать Пифагоров строй, чтобы устранить эти недостатки, однако до XVII в. это никому не удавалось. Но в конце XVI в. Винченцо Галилей (отец Галилео Галилея), а в начале XVII в. Марен Мерсенн (французский математик, физик, философ, теолог и теоретик музыки) предложили разделить октаву на 12 математически равных интервалов (по числу полутонов в Пифагоровом звукоряде). Причем Мерсенн предложил сделать это так, чтобы ступени звукоряда были расположены не на линейной, как у Пифагора, а на логарифмической числовой шкале, и – главное – расположены равномерно (отсюда и название – равномерно темперированный строй)¹¹. Это позволило, наконец, сделать все тональности равноправными и тем самым снять серьезнейшие ограничения для свободы музыкального творчества.

У нового строя было много противников, поскольку он нарушал строгую линейную пропорцию Пифагоровых интервалов, делая эти интервалы чуть менее благозвучными, а в глазах многих теоретиков и музыкантов это было посягательством на чистоту музыки. Трудно сказать, сколько бы длились споры сторонников и оппонентов этого строя, если бы И.С.Бах не написал свой «Хорошо темперированный клавир». Нелишне здесь будет привести полное название его первого тома: «“Хорошо темперированный клавир, или прелюдии и фуги во всех тонах и полутонах, касающихся как терций мажорных, так и терций минорных”». Для пользы и употребления жадного до учения музыкального юношества, как и для особого времяпрепровождения тех, кто уже преуспел в этом учении; составлено и изготовлено Иоганном Себастьяном Бахом – в настоящее время великого князя Анхальт-Кётенского капельмейстером и директором камерной музыки в 1722 году». (Второй том появился спустя 20 лет.) Помимо подкупающей и, к сожалению, давно забытой стилистики того времени, видна здесь и отчетливая просветительская направленность. Как уже было сказано, ХТК был написан специально для демонстрации преимуществ нового

стройка: он содержал по одной паре прелюдия-фуга на каждую из всех 12 мажорных и всех 12 минорных тональностей. Для музыкантов ХТК стал убедительным аргументом в пользу перехода к новому музыкальному строю¹². Как и ньютоновские «Начала» в науке, ХТК в музыке произвел подлинный переворот. Равноправие тональностей и вытекающая отсюда возможность свободно переходить из одних тональностей в другие дала невиданные до этого художественные возможности. Впоследствии это привело к тому, что *гармония* стала одной из основ классической музыки¹³.

Человеку, неискушенному в музыке, сравнение «Начал» Ньютона и ХТК Баха может показаться наивно-искусственным. Но, еще раз подчеркнем, сравниваем мы в первую очередь их концептуальную значимость для таких базовых областей человеческой деятельности, как наука и искусство (в нашем случае это музыка, однако аналогичные параллели можно найти и в других видах искусства). Концептуальное родство переворотов, произошедших в науке и музыке на рубеже XVII–XVIII вв., основано на рационализации структуры мышления и деятельности, которые нашли свое выражение в рационализации структуры языка в науке и в музыке. О рационализме в науке тех лет мы уже говорили. Что же касается современной ей музыки, то в основе равномерной темперации ее строя также лежит рационализация, схожая с научной. И дело даже не только в том, что музыкальные звуки тогда были упорядочены математически, хотя это тоже немало. Главное, что темперация была последним этапом нотификации музыкального текста – его семиотической и категориальной формализацией.

Это, кстати, привело к тому, что из музыки постепенно начало уходить импровизационное начало, которое в ней доминировало даже еще в эпоху Ренессанса, не говоря уж о более ранних эпохах. Собственно говоря, импровизация до Нового времени даже не доминировала, а была для музыки иногда и неизбежной. Существовавшая тогда в ее теории строгая канонизация композиционных форм, как и не менее строгая кодификация интонационных рисунков, не могли дать исполнителю точный текст музыкального произведения – его мелодическая, гармоническая и ритмическая разработка в определенном смысле каждый раз рождалась заново. Но после окончательной нотификации музыкального текста домашняя заготовка и последующее спонтанное творчество авто-

ра-импровизатора начали уступать место домашнему творчеству автора-композитора и сценическому представлению исполнителя-интерпретатора. И начиная с XVIII в. удельный вес импровизационной музыки заметно пошел на убыль, почти полностью сойдя на нет к концу XIX в. «Самый антиимпровизаторский период в истории европейской музыкальной культуры – это рубеж XIX и XX вв. Композиторы отныне стремятся выписать в нотном тексте все, зафиксировать все нюансы»¹⁴. Спонтанность в такой музыке была уже не нужна – она стала строго детерминированной. Вполне можно полагать, что описанный феномен – отчетливый признак «укоренения» рационализма в музыке. Недаром К.Г.Юнг писал: «Абсолютная власть разума сродни политическому абсолютизму: она уничтожает личность»¹⁵. Полной чепухой было бы, конечно, считать, что уход импровизации из музыки исключил из нее личностное начало, но разносторонняя и одаренная личность автора-импровизатора в эпоху торжества рационализма (по крайней мере, к концу XIX в.) из музыки почти полностью ушла.

Здесь будет интересно рассмотреть вторую точку содержательных пересечений в истории физики и музыки, о которой мы уже упомянули, а именно, начало и середину XX в. Что происходило в физике в те времена, мы уже описывали. Обратимся теперь к музыке.

В цитированной выше работе¹⁶ говорится (повторим конец первой цитаты): «Композиторы отныне стремятся выписать в нотном тексте все, зафиксировать все нюансы. Но вскоре (в первой половине XX в. – *И.А.*) в виде реакции на эту тенденцию возрождается интерес к импровизированию, к управляемой случайности». Композиторы устали от «детерминированной обреченности». Начали появляться новые авангардные течения, в которых авторы вообще отказывались от классических формообразующих принципов, от фиксированной звуковысотности и ритмики, от гармонических закономерностей и т. д. Одним из характерных таких течений была, например алеаторика – «метод музыкальной композиции XX в., предполагающий мобильность (незакрепленность) музыкального текста. <...> *Абсолютизация случайности* (курсив мой. – *И.А.*) приводит к абстрактной игре звуковыми структурами независимо от какого-либо содержательного замысла»¹⁷. Это означало, что исполнитель мог в произвольной последовательности

проигрывать отдельные музыкальные фрагменты с произвольной скоростью, произвольным уровнем громкости и с любой формой артикуляции. Можно назвать еще несколько течений – сонористика, сериальность, хэппенинги и т. д. Но основное в музыкальном авангарде XX в. – это отказ от детерминированного текста, от любой нормативной или, хотя бы, локально фиксированной закономерности и, как было отмечено в предыдущей цитате, принятие *абсолютизации случайности*¹⁸. Тут мы снова видим перекличку музыкальных концепций с современными им физическими, в которых давалось новое понимание случайности, как, например, в квантовой механике.

И опять возникает вопрос о взаимном «индуцировании» новизны в музыкальном и физическом мире: могло ли квантово-механическое толкование случайности повлиять на формирование концептуальной базы музыкального авангарда? И опять у автора появляются сомнения. Правда, аргументация для сомнений здесь иная.

Квантовая механика, в отличие от классической, для понимания и восприятия не может опираться на здравый смысл, а требует специальной и широкой научной подготовки. Изучение законов Ньютона, например, входит в обязательную программу по физике для средней школы: вся классика, описывающая макромир, привычна и наглядна, поскольку она не противоречит повседневному опыту существования в этом мире. Даже футболисту, к примеру, можно объяснить, что гол он забивает тогда, когда мяч получает от его ноги механический импульс (количество движения) нужной величины, а вектор этого импульса имеет нужное направление. Но тот же повседневный опыт не позволяет понять, что электрон, будучи материальной частицей, имеющей массу в привычных граммах, обладает еще и волновыми свойствами и имеет свою длину волны (т. н. длину волны де Бройля). Как в пределах здравого смысла уяснить, что если на пути летящего электрона поставить экран с двумя щелями, то электрон благодаря своим волновым свойствам пролетит одновременно через обе щели, да еще после этого будет взаимодействовать (интерферировать) сам с собой?!

В дополнение замечу, что нигде не встречались мне упоминания о том, что даже такие крупные лидеры музыкального авангарда и музыкальные теоретики, как, например, К.Штокхаузен,

П.Булез, Я.Ксенакис и т. д., ссылались в своих работах на концепции квантовой механики. (Правда, Я.Ксенакис, который был еще и архитектором – учеником Ле Корбюзье, – создал собственную т. н. стохастическую систему сочинения музыки, основанную на теории вероятностей, но это – несложная математика, а не теоретическая физика.)

Дело в том, что в первой половине XX в. теория музыки и теоретическая физика имели уже слишком мало необходимых «точек пересечения», чтобы они могли влиять друг на друга. И если в XVII в. Мерсенн, о котором мы говорили выше, мог «с легкостью» быть одновременно физиком и теоретиком музыки, то в XX в. Шёнберг, например, не смог бы постичь уравнение Шредингера, как и Шредингер не вник бы в суть додекафонии Шёнберга просто потому, что для того и для другого постижения требовались серьезные специальные образования.

Именно поэтому квантовая механика не могла повлиять на музыкальное мышление композиторов. А синхронность эволюции физических и музыкальных концепций связана, по-видимому, не с их взаимным влиянием, а с их общей зависимостью от эволюции человеческого мышления как такового.

* * *

Подведем итог. На вопрос: *«Есть ли однонаправленное и линейное воздействие научных идей на “ненаучные” области человеческой деятельности?»* ответ у автора отчетливый: *«Воздействия одного на другого нет, а есть между ними нелинейная взаимосвязь»*. Существует некое «состояние» человеческого сознания, социокультурно и исторически обусловленное (на индивидуальном и на социетальном уровне), которое включено во все области человеческой деятельности. И для этого состояния *случайность–причинность* не противопоставлены, а взаимодополнены. Статическая взаимодополняемость противоположностей, как любое статическое равновесие, это абстракция, а реальное – динамическое – равновесие, как будто доказывая свою вечность, нарушает самое себя с тем, чтобы на историческое мгновение восстановиться и опять непредсказуемо нарушиться. Так и слу-

чайность с причинностью в разные социокультурные эпохи, дополняя друга, были неразделимы. Именно в физике и в музыке это синхронно проявлялось и еще будет проявляться. А вот синхронно или нет – будущее покажет.

Примечания

- ¹ Томпсон М. Философия науки. Гл. 6: Предсказуемость и детерминизм. М., 2003. Цит. по: URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/tomp_film/06.php (дата обращения: 27.02.2013).
- ² Материал из Википедии. Статья «Лаплас, Пьер-Симон» (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 27.02.2013)).
- ³ Цит. по: Житомирский Д.В., Леонтьева О.Т., Мяло К.Г. Западный музыкальный авангард после второй мировой войны. М., 1989. С. 52.
- ⁴ Мудрагей Н.С. Рациональное и иррациональное – философская проблема (читая А.Шопенгауэра) // Вопр. философии. 1994. № 9. Цит. по: <http://philosophy.ru/library/vopros/41.html> (дата обращения: 16.01.2013)
- ⁵ Огуцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепция и проблемы: в 3-х частях. Часть первая: Философия науки: исследовательские программы. СПб., 2011. С. 245.
- ⁶ Там же. С. 260.
- ⁷ Из самых общих соображений можно попытаться назвать такую действительность «еще-не-рациональной» (о чем уже говорилось выше), оптимистично полагая, что этот язык, на котором она «проговаривается» когда-нибудь будет расшифрован.
- ⁸ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989. С. 21.
- ⁹ Там же. С. 24.
- ¹⁰ Мудрагей Н.С. Рациональное и иррациональное – философская проблема (читая А.Шопенгауэра).
- ¹¹ В историю науки М.Мерсенн вошел во многом и потому, что на протяжении первой половины XVII в. был по существу координатором научной жизни Европы, ведя активную научную переписку практически со всеми видными учёными того времени, выполняя, в каком-то смысле, функции не существовавшей ещё в его время Парижской Академии наук. Он, кстати, учился в одном иезуитском коллеже вместе с Р.Декартом, с которым дружил всю свою жизнь (мир образованных людей и тогда был тесен).
- ¹² До сих пор ведутся дискуссии, был ли в основе ХТК *равномерно темперированный* или *хорошо темперированный* строй, автором которого был немецкий композитор и органист Андреас Веркмейстер. Но различия между ними для данной статьи не столь существенны.
- ¹³ Гармония – комплекс понятий теории музыки. Изучает, в частности, тональности, объединение звуков в созвучия (аккорды) и их закономерное (тональное) последование.

- ¹⁴ Сапонов М.А. Искусство импровизации (Средние века и Возрождение). М., 1981. С. 61.
- ¹⁵ Юнг К.-Г. Воспоминания, сновидения, размышления (<http://esotericpl.narod.ru/articles/sonUng.html>) (дата обращения: 10.04.2013).
- ¹⁶ Там же. С. 61.
- ¹⁷ Музыкальный энциклопедический словарь. М., 1990. С. 24.
- ¹⁸ Не следует думать, что авангард это вся европейская музыка XX в. Это – ее часть, но часть вполне заметная и характерная для нашего рассмотрения. Кроме того, отказ от нотной фиксации музыкального текста в еще большей мере проявляется в феномене джазовой импровизации и в джазовой ритмике – свинге. Но джаз – это уже предмет отдельного рассмотрения.

Аннотации

Екатерина Казмирова. Проблема выбора – взгляд со стороны нейронауки

В статье приводится краткое описание современных представлений о нейробиологии принятия решений и моделях оптимального фуражирования. Обсуждается общность базовых механизмов выбора у человека и высших животных. Рассматриваются степени свободы в принятии решений, которые вытекают из социокультурного измерения человека. Отмечается, что человек тем более свободен, чем лучше он понимает свою природу.

Ключевые слова: нейроэкономика, модели оптимального фуражирования, нейрональные механизмы принятия решений, выбор, свобода воли, система ценностей, ассоциации, эмоции, многомерность человека.

Юрий Гранин. Развитие научно-инновационного потенциала России: выбор стратегии

В статье анализируются научно-техническая политика развитых стран, недостатки российской государственной политики модернизации РФ, варианты стратегии развития научно-инновационного потенциала современной России.

Ключевые слова: модернизация, цивилизация, наука, образование, инновации.

Сергей Малков. Виртуальные деньги против бумажных: “Quo vadis?”

В статье рассматривается такое новое явление современной жизни, как виртуальные деньги, дается их определение и отличие от денег бумажных. Анализируется процесс перехода от бумажных денежных знаков к виртуальным деньгам, характерным для информационного общества, свидетелем которого в настоящее время мы являемся. Выделяются стадии этого процесса. Анализируются возможные плюсы и минусы повсеместного перехода на виртуальные деньги в первую очередь для рядовых людей. В связи с этим поднимается вопрос о необходимости обеспечения защиты их интересов и прав.

Ключевые слова: виртуальные деньги, электронные платежи, бумажные деньги, интернет-технологии, информационное общество, права человека

Игорь Андреев. Выбор модели поведения в африканском социуме

В эссе фундаментальный парафраз Эриха Фромма, касающийся антитезы «Иметь или быть?» и связанной с ним проблемы выбора поведения человека на стыке различных исторических эпох и цивилизаций,

рассматривается под углом зрения африканской этнопсихологии. Статья написана на материалах и дневниковых записях автора, отражающих впечатления, наблюдения и размышления, родившиеся в процессе его работы в 15 странах Тропической Африки.

Ключевые слова: человек, выбор, бытие, обладание, обмен, торговли, деньги, рынок.

Ольга Шульман. Августин о выборе: “De libero arbitrio I–III”

Начав с вопроса о причине морального зла, Августин приходит к выводу, что она заключается в неверном выборе человека, наделенного свободной волей, который нарушает естественный порядок, подчиняя высшее (разум) низшему (желанию). Не существует субстанции зла, зло есть отсутствие – отсутствие порядка, нарушение иерархии, неправильное действие свободной воли. Сама по себе воля есть благо, и лишь неправильный выбор приводит ко злу. Всякое бытие является благом. Подчиняясь вложенному во всякое творение желанию быть, человек стремится ко все большему бытию, избирает не материальные блага, которые не находятся в его воле, а нематериальные, всеобщие, и тем самым обретает истинное счастье.

Ключевые слова: моральное зло, субстанция зла, разум, желание, свободная воля, порядок, выбор, бытие, благо, счастье.

Марина Киселева. Выбор в русской культуре: рождение концепта в историческом времени

В статье на материале русского фольклора (сказок, пословиц, заговоров, описаний магических действий) и словарей русского языка показывается, что слово «выбор» в русской культуре позднего происхождения. Впервые «выбор» фиксируется в переводных текстах XVI в. и укореняется в XVII в. Автор исследует распространенный в современной литературе концепт «выбор веры» князем Владимиром и показывает, что в источнике («Повесть временных лет»), где описывается событие, этот концепт отсутствует. Его использует С.М.Соловьев в «Истории России с древнейших времен». В заключение анализируется текст пьесы Дмитрия Ростовского 1702 г., в котором эксплицируется выбор человека в жанре барочного моралите раннего периода петровской культуры.

Ключевые слова: выбор, русская культура, «выбор веры» князем Владимиром, русские сказки, заговоры, пословицы, «Комедия на Рождество Христово» Дмитрия Ростовского.

Татьяна Чумакова. Выбор ученого. Наука и политика в тоталитарном обществе

В статье рассказывается о деятельности Комиссии по истории Академии наук (1938–1953), которая занималась созданием обобщающего труда по истории Академии наук. Результатом работы КИАН стало из-

дание «Очерков по истории Академии наук, 1725–1945», а также «Материалов к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)», которые представляли первый опыт летописи Академии наук СССР, а также содержали справочно-библиографические сведения о членах АН и лауреатах академических премий. Материалы, подготовленные сотрудниками КИАИ были использованы в издании «История Академии наук СССР» (М.: Л., 1958–1964), подготовленном Институтом истории естествознания и техники АН СССР.

Ключевые слова: история науки, выбор ученого, история СССР, интеллектуальная история

Александр Разумов. Гуманизм – выбор пути

Сегодня человек стоит перед выбором пути. Либо он пойдет одной из дорог гуманизма, либо грозит досрочное исчезновение рода. Здесь в один проблемный узел связаны компоненты мифологического, религиозного, философского, научного мышления.

Ключевые слова: человек, творчество, миф, идея, идеал, идеология.

Галина Степанова. Самореализация человека: возможен ли выбор?

В статье намечены точки соприкосновения таких феноменов, как самореализация, мотивация и выбор человека, выявлены их некоторые взаимосвязи. Показано, что самореализация в значительной степени оказывается под воздействием как социальной ситуации, так и внутреннего потенциала человека, его мотивационной структуры, ценностно-смысловой организации, что и определяет в конечном итоге возможности его выбора в процессе самореализации.

Ключевые слова: самореализация, мотивация, выбор человека, самодетерминация

Елена Ярославцева. Восхождение человека к выбору: нормативы топоса интерактивных коммуникаций

В статье выбор человека рассматривается как состояние, к которому восходит человек в процессе своего развития, как естественный феномен интерактивных коммуникаций, ставший механизмом, технологией реализации его свободы. Неся в себе синергичный эффект и способствуя преодолению границ, выбор становится нормативным действием, позволяющим человеку осуществлять отношения помощи. Данные вопросы особенно актуальны при стремительном изменении коммуникативной среды человека, развитии цифровых сетей, появлении искусственных субъектов общения – роботов, аватаров, ников – формирующих интерактивное пространство с высокими рисками как индивидуального, так и социального развития.

Ключевые слова: человек, свобода, граница, выбор, цель, интерактивный топос, коммуникативные среды.

Игорь Андреев, Андрей Берзанцев, Лионелла Назарова. Судебная психиатрия: проблемы выбора

Предметом статьи выступает сущностная двойственность судебной психиатрии как вида медико-правовой экспертизы и вытекающая из нее альтернативная ситуация психологического «раздвоения» специалиста, ее осуществляющего.

Ключевые слова: судебная психиатрия, экспертиза, право, медицина, преступление, дееспособность, принуждение.

Дарья Бескова. Обыденный выбор как структурный компонент приспособления

Тематика выбора рассматривается в работе в широком смысле – как универсальное свойство самоорганизующихся систем, выражающееся в предпочтении одной альтернативы из спектра потенциально возможных, с целью поддержания гомеодинамического равновесия системы в конкретный момент времени. В фокусе исследования один из аспектов проблемы: обыденный выбор, как предпочтение тех или иных альтернатив в рамках повседневного, преимущественно неосознаваемого и встроенного в обычную жизнедеятельность функционирования субъекта, не воспринимаемое им самим как значимый волевой акт. Делается допущение, что обыденный выбор не является случайным и что могут быть выявлены внутренние закономерности его протекания-осуществления. С целью обоснования данного положения привлекается модель приспособления как способа поддержания гомеодинамического равновесия в открытых системах. Сформулированы адаптационно-компенсаторные принципы совершения обыденного выбора. Вводится понятие приспособительного цикла как механизма осуществления обыденного выбора в структуре жизнедеятельности субъекта.

Ключевые слова: обыденный выбор, экзистенциальный выбор, неосознаваемое, осознанное, адаптация, компенсация, дезадаптоз, приспособительный цикл, «хороший» выбор, «плохой» выбор.

Игорь Михайлов. Выбор как интенциональный акт

Возможностью выбирать (кажущейся или реальной) человек в значительной степени обязан языку. Мир сам по себе (или, по крайней мере, его детерминистская картина, которую мы склонны принимать как объективную) не содержит ни вопросов, ни отрицаний, ни потребностей, ни отсутствия. Всё это возникает вместе с высказыванием, которое, в соответствии с грамматикой, можно отрицать и по поводу которого можно задавать вопросы. Язык есть проекция человеческих потребностей в ком-

муникационное поле. Следовательно, возможность выбора имеется благодаря способности к языковой коммуникации и специфического устройства языка, несущего в себе «возможные миры».

Ключевые слова: язык, сознание, интенциональность, выбор.

Игорь Ашмарин. Случайность или причинность? (на примере физики и музыки)

В работе предпринята попытка оценить меру влияния одной из главных проблем в науке – соотношения случайности и предсказуемости – на «ненаучные» сферы человеческой деятельности. Сделано это на примере сравнения хронологически изоморфных глав из истории физики и музыки. В этом аспекте сравнивались значение «Начал» И.Ньютона для физики и «Хорошо темперированного клавира» И.С.Баха для музыки. Аналогичное сравнение проведено для концепций квантовой механики и музыкального авангарда XX в. Показано, что в разные социокультурные эпохи в физике и в музыке *случайность* и *причинность*, дополняя друга, неразделимы.

Ключевые слова: случайность, детерминизм, музыка, физика, квантовая механика, музыкальный авангард.

Summary

Ekaterina Kazimirova. The problem of choice – a neuroscience outlook

The article provides a brief overview of modern views on the neurobiology of decision making and optimal foraging models and discusses the common character of core mechanisms of making a choice in humans and higher animals. It also discusses how person's sociocultural dimension affects the degrees of freedom in making decisions. It is proposed that person's understanding of his self nature defines his degree of freedom.

Keywords: neuroeconomics, optimal foraging models, neuronal decision making mechanisms, choice, freedom of will, value system, associations, emotions, multidimensional nature of humans.

Yuri Granin. The development of science and innovation in Russia: the choice of strategy

In this article the author analyzes the scientific-technical policies of the developed countries, the disadvantages of Russian State policy of modernization, the options of the strategy of the development of the innovative capacity in modern Russia.

Keywords: modernization, civilization, science, education, innovations.

Sergey Malkov. Virtual money vs banknotes: “Quo vadis?”

The article deals with the new phenomenon of contemporary life as virtual money, gives the definition and contrasts with banknotes. The author examines the transition from paper currency to virtual money, typical for the information society, whose witness we are now; explains the stages of the process; considers possible pro and contra of the widespread transition to virtual money primarily for ordinary people. This raises the question of the need to protect their interests and rights.

Keywords: virtual money, electronic transactions, banknotes, internet-technologies, information society, human rights

Igor Andreev. Choice of human behavior model in African society

Problem of choice of behavior model by human beings placed on a border of different historical epochs and civilizations is taken from the view point of African ethnopsychology. The article is prepared using author's materials and notebook notes reflecting his impressions, observations and thoughts born as a result of his work in 15 countries of Tropical Africa.

Key words: human being, being, having, change, trade, money, market.

Olga Shulman. Augustine on Choice: “De libero arbitrio I – III”

Augustine begins with the question of the nature of moral evil and concludes that it lies in the wrong choice of human will which violates the universal order as it subjects the intellect to the desire. There is no sub-

stance of evil, the evil is just absence of the order, a wrong action of free will. The will itself is good, a wrong choice results in evil. Every being is good. In every creature there is the desire to be; following it man longs for the highest being, chooses non-material, universal blessings and thus finds the true happiness.

Keywords: moral evil, the substance of evil, intellect, desire, free will, order, choice, existence, being, blessings, happiness

Marina Kiseleva. Choice in the Russian culture: the birth of concept within an historical time

The article demonstrates by the examples of the Russian folklore and dictionaries that the notion “Choice“ descends from the late historical period. For the first time this term appears in the translated texts of the XVI century and takes roots in the XVII century. The author researches for the now-day popular concept in the academic papers of “the choosing a faith” by Prince Vladimir and proves that in the Chronicle “The Pověst’ vremennykh lēt” (where the event is described) this concept is absent. However S.M. Soloviev uses it in his book „A Russian History since the ancient times“. Finally the author analyzes the play written by Dimitri Rostovsky (1702) which discusses a problem of choosing in a way of a baroque morality play of the early period of Peter the Great’s rule.

Keywords: choice, history, Russian culture, Prince Vladimir’s “the choosing a faith”, Russian tales, proverbs, spells, “Comedy for the Nativity of Christ” by Dimitry Rostovsky.

Tatiana Chumakova. The choice of the scholars. Science and Politics in a totalitarian society

The article describes the activity of the Commission on the History of the Academy of Sciences (1938–1953), which dealt with the creation of a general work on the history of the Academy of Sciences. The result was the publication of CHAS’s, “**Essays about the History of the Academy of Sciences, 1725–1945**” and “**Materials for the history of the Academy of Sciences of the Soviet period (1917–1947)**”, which represented the first experience of the chronicles of the Academy of Sciences of the USSR, and also contained a reference to bibliographic information about the members of the Academy of Sciences and the winners of academic awards. Materials prepared by the staff of CHAS were used in the publication of “The History of the Academy of Sciences of the USSR” (Moscow, Leningrad, 1958–1964), prepared by the Institute of History of Science and Technology of the USSR.

Keywords: history of science, the choice of the scientist, the history of the USSR, the intellectual history

Alexandr Razumov. Will man choose humanism?

Today man is facing the crucial problem: he must choose which way to take: he either follows one of the roads to humanism or, if he chooses otherwise, mankind may be doomed to untimely extinction. Here we find tangled in one knot various components of mythological, religious, philosophical and scientific thinking.

Keywords: man, creative activity, myth, idea, ideal, ideology.

Galina Stepanova. Self-realization of man: does a choice exist?

The paper outlines common areas of such phenomena as self-realization, motivation and choice of the person and identifies some of their relationship. It is shown that self-realization is to a large extent under the influence of a social situation, and the inner potential of the person, his motivational structure, value-semantic organization, which ultimately determines the possibility of his choice in the self-realization.

Keywords: self-realization, motivation, choice of the person, self-determination

Elena Yaroslavtseva. Man's rise to the choice: standards tops interactive communications

In this article the person's choice is considered as a state. This state can be achieved by personal development, a natural phenomenon of interactive communications, which has become a mechanism of actualization of his freedom. Carrying synergetic effect and enhancing overcoming the boundaries, the choice becomes a normal action allowing a person to establish the relationship of help. These issues are especially relevant with the rapid change of human communication environment, the development of digital networks, the emergence of artificial entity of communication – robots, avatars, nick names – that form interactive space with high risks associated with both individual and social development.

Keywords: a human being, freedom, boundary, choice, goal, interactive tops, communication environment.

Igor Andreev, Andrey Berezantsev, Lionella Nazarova. The forensic psychiatry: a choice situations

The subject of the article serves the essential duality of forensic psychiatry as a form of medical-legal examination and consequent alternative situation psychological "splitting" the expert, it carries out.

Keywords: forensic psychiatry, expertise, law, medicine, crime, capacity, forced

Darya Beskova. The daily routine choice as structural component of the adaptation

The subject of a choice is considered in a broad sense - as universal ability of self-organizing system to prefer one or several alternatives from a range potentially possible ones for the purpose of maintenance of homeodynamic

balance of system at a given timepoint. The research is focused on one of the aspects of the problem of choice: daily routine choice, as realization of preferences within daily functioning and usual activities. The daily routine choice is mainly unconscious phenomenon, not perceived by the subject as the significant volitional act. It is assumed that the daily routine choice isn't accidental, and that internal regularities of its implementation can be revealed. For the purpose of justification of this idea the adaptation model is used. The adaptation-compensation principles of making a daily routine choice are formulated. The concept of an adaptive cycle as a mechanism of implementation of a daily routine choice in structure of subject's daily activity is proposed.

Keywords: daily routine choice, the existential choice, unconscious, conscious, adaptation, compensation, disadaptation, adaptive cycle, the "good" choice, the "bad" choice.

Igor Mikhailov. Choice as an Intentional Act

Man owes much of his ability to choose (apparent or real) to the language. The world as such (or at least its deterministic picture, which we tend to take as objective) does not contain any questions or negations, nor does it contain absence or needs. All of this arrives together with proposition, which, according to the grammar of language, we can deny or interrogate. Language is a projection of human needs into the realm of communication. Consequently, the choice is possible owing to man's ability to communicate and to the particular design of language, because of which it bears "possible worlds".

Keywords: language, mind, intentionality, choice.

Igor Ashmarin. Chance or causation? (in example of Physics and Music)

This article is an attempt to assess the extent of influence of one of the major problems in science – the ratio of randomness and predictability – on the "unscientific" spheres of human activity. It compares the chronologically isomorphic chapters from histories of physics and music. In this aspect, the roles of "Mathematical Principles of Natural Philosophy" by I. Newton for physics and "The Well-Tempered Clavier" by J.S. Bach, music and which appeared almost simultaneously, were compared. The similar comparison for the concepts of quantum mechanics and the musical avant-garde in the XX century was conducted. It has been shown that in different socio-cultural era for both the physics and the music contingencies and causality are inseparable, complementing each other.

Keywords: randomness, determinism, music, physics, quantum mechanics, the musical avant-garde

Научное издание

Человек вчера и сегодня

Междисциплинарные исследования. Выпуск 7

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 18.06.13.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 12,63. Тираж 500 экз. Заказ № 017.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14/1 стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>